9 H1/2
Gen. 2

ВОЙНА
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ

ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ

ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ

О ИЗБАВЛЕНІИ ВОСТОЧНЫХЪ ХРИСТІАНЪ

ОТЪ

ТУРЕЦКАГО ВѢКОВАГО ИГА.

Съ изложеніемъ варварства Турокъ и тайнъ друзей Порты,—въ особенности Англіи.

Выпускъ второй.

И. У.....чъ.

Цѣна 50 коп. сер.

МОСКВА. 1878.

Типографія Ф. Іогансонъ, Садовая, близъ Красныхъ вор., д. Медынцевой.

ВОЙНА
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ

ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ

ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ

о избавленіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго вѣковаго ига.

Съ изложеніемъ варварства Турокъ и тайнъ друзей Порты,—въ особенности Англіи.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

И. У.....чъ..

МОСКВА. 1878.

Типографія. Ф. Іогансонъ, Садовая, бл., Кранс. вор., д. Медынцевой.

2007041362

Характеристика болгарскихъ партій подъ именемъ Старой и Молодой Болгаріи.

(Продолженіе).

Молодая болгарская партія, конечно, бѣдна и мало вліятельна. Но къ народу она ближе стоитъ и можетъ принести наибольшую пользу. Это все дѣти народа — учителя, студенты, представители журналистики. Такъ какъ они молоды, то и болѣе горячо относятся къ дѣлу; этими силами слѣдуетъ лишь живо воспользоватся — направить. Все-таки это самый интеллигентный классъ, и притомъ искренно и безкорыстно преданный дѣлу. Это та самая партія, которая въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживала болгарскій народъ въ борьбѣ съ угнетеніемъ турокъ. Многіе изъ ея представителей поплатились предъ турками головами за участіе въ болгарскихъ дѣлахъ. Изъ именъ ея представителей составился болгарскій мартиріологъ. Она же агитировала послѣдніе годы по Европѣ въ пользу своихъ угнетенныхъ братьевъ. Ея представители ѣздили къ Гладстону, Бисмарку и въ Россію. Въ литературѣ она имѣетъ виднѣйшихъ представителей, преданность ея намъ, русскимъ, и ихъ любовь къ намъ доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій молодой болгаринъ знаетъ по-русски, гово-

рѣтъ на этомъ языкѣ, читаетъ жадно русскія газеты, между тѣмъ, какъ противная партія — чорбаджи — не потрудилась до сихъ поръ выучиться по-русски и съ ними приходится объясняться русскимъ по-нѣмецки, по-французски или по-румынски. Молодая партія можетъ намъ очень пригодиться. Отъ ума нашихъ администраторовъ будетъ зависѣть направить въ живое русло эти молодыя силы.

Представители этой партіи, конечно, не чужды слабостей. Но это объясняется долгою оторванностью ихъ отъ почвы, отъ родины, отъ дѣла. Сами, того не замѣчая, они впадаютъ въ резонерство, разглагольствованіе—въ желаніи напустить на себя, въ глазахъ новаго лица, оттѣнокъ чего-то исключительнаго, таинственнаго, ужаснаго. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ они только добрые малые. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, и окажется что голова его непремѣнно оцѣнена турками въ десятки тысячь франковъ золотомъ; прислушайтесь—и каждый болгарскій писатель—міровой дѣятель, которому и подобнаго нельзя сыскать. Попросите разсказать біографію—и таинственность похожденій превзойдетъ подвиги различныхъ Казановъ. Замкнутость той среды, въ которой имъ приходилось вращаться столько лѣтъ, оторванными отъ родины, отъ живаго дѣла и дѣйствительности — сдѣлала ихъ любителями болтать нерѣдко маловѣроятныя сказки, которымъ, наконецъ, они и сами стали вѣрить....

Воскресающее теперь впереди великое дѣло можетъ исцѣлить ихъ отъ этихъ незначительныхъ недуговъ, если эти молодые дрожжи не будутъ не справедливо устра-

нены отъ участія въ трудѣ на общую пользу. Забота объ этомъ и должна лежать на нашихъ администраторахъ. Не будемъ же на первыхъ шагахъ, несправедливостью создавать элементы недовольства въ средѣ болгаръ! Въ оправданіе ихъ угнетенія, которое народъ терпѣлъ отъ ига мусульманскаго и, что орудіемъ турецкаго порядка въ дѣлѣ эксплуатаціи являлось частію духовенство, то не распространяясь о прошломъ, какъ о черномъ пятнѣ для болгарскаго высшаго духовенства, въ подлинникѣ помѣщается слѣдующее характеризующее:

Посланіе болгарскаго экзарха архіепископа Григорія.

Братіе! Милосердый Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, вознесъ славу и мужество оттоманской державы? поддерживая ее много вѣковъ для счастія, мира и прогресса? народовъ, находящихся въ ея благодѣтельномъ лонѣ (?). Но чтобы испытать глубину и силу нашей вѣры къ Нему, милосердый Богъ посылаетъ часто испытанія своимъ избраннымъ. Оттоманское царство не въ первый разъ подвергается такимъ испытаніямъ. Но оно всегда (?) выходило изъ нихъ съ достоинствомъ, полное новыхъ силъ для своего процвѣтанія, славы и величія (?).

Въ ту минуту, когда его имп. вел. султанъ Абдулка-Хамидъ-ханъ, нашъ милостивый повелитель и отецъ (пусть Господь пошлетъ ему долгую жизнь и сдѣлаетъ могущественнымъ его царство) дѣлаетъ всѣ свои условія, чтобы утвердить начало равенства, братской любви, покоя, счастія и прогресса (?) своихъ подданныхъ, безъ различія расы и религіи, царству угрожаетъ *врагъ*, ко-

торый, прикрываясь мотивами, повидимому, великодушными, хочетъ положить препятствія его благороднымъ и высокимъ усиліямъ, хочетъ уничтожить ихъ и довести до конца свои разрушительныя стремленія противъ царства и его народовъ.

Но теперь, какъ и всегда, Богъ не допуститъ, чтобы правда была попрана ногами, и чтобы беззаконныя попытки торжествовали. Правительство его имп. велич. султана выйдетъ легко (?) изъ этого испытанія съ еще большей силой во славу царства оттоманскаго на счастіе и радость его народовъ (?). Чтобы придти къ этому результату, мы должны всѣ сплотиться около престола его имп. велич., одушевленные чувствами вѣрности и преданности и готовые не щадить никакихъ жертвъ. Народъ болгарскій въ особенности имѣетъ эту святую обязанность (?): въ своей безпристрастности и милосердіи императоры оттоманскіе удовлетворяли всегда его законнымъ требованіямъ (?).

По этому мы приглашаемъ васъ, любезные дѣти во Іисусѣ Христѣ, доказать любовь, вѣрность и преданность, которыми вы одушевлены къ вашему повелителю. И прежде всего, какъ христіане и какъ вѣрные дѣти православной церкви, возносите ваши горячія молитвы къ Милосердному Богу, чтобы Онъ послалъ здоровье и долгую жизнь его имп. вел. Мы приглашаемъ васъ молиться въ домахъ и церквахъ, чтобъ Богъ далъ силу и побѣду геройскимъ и славнымъ арміямъ оттоманскимъ, чтобы сдѣлавши напрасными усилія и попытки непріятеля, оттоманскія войска возстановили на прочныхъ основаніяхъ миръ и спокойствіе страны, такъ какъ

враги царства и его народовъ не упускаютъ средства произвести волненіе въ средѣ болгаръ, чтобы произвети холодность и вражду между нами и нашими соотечественниками мусульманами, чтобы ослабить такимъ образомъ императорское къ намъ благоволеніе. Мы приглашаемъ васъ усиленно отвергать наущенія злыхъ и не слушать ихъ льстивыхъ и вредоносныхъ извѣтовъ. Отвергайте точно также всѣ слухи распространенные съ цѣлію возбудить въ васъ боязнь передъ грядущими событіями и не увѣренность въ полнѣйшей безопасности, которой вы пользуетесь (?), имѣйте полное довѣріе къ правительству, которое немедлило никогда, не смотря на тяжесть обстоятельствъ, принимать самыя строгія мѣры для нашей жизни, имущества и чести (?).

Любите одинъ другаго, живите въ мирѣ и согласіи съ вашими сосѣдями-мусульманами, которые суть наши братья и дѣти одного отечества. Вѣрные подданные султана, одушевленные любовью къ славѣ и спокойствію общаго отечества, не жалѣйте никакой жертвы, чтобы сохранить этотъ покой и славу. Исполняя всѣ эти наставленія, мы будемъ достойны отечества и царства, мы дадимъ императорскому правительству возможность съ честью и славой пережить тяжелыя обстоятельства и утвердить навсегда и на всемъ пространствѣ царства мира и спокойствія, столь необходимыя для прогресса и счастія народа.

Пусть Богъ услышитъ наши молитвы и сохранитъ султана и его царство".

Молитва экзарха болгарскаго, съ этимъ посланіемъ къ православнымъ болгарамъ, была гласомъ вопіющаго

въ пустынѣ или на константинопольскомъ ложе, а русакъ, погруженный во святое дѣло относительно своихъ братій-болгаръ, — могъ-бы юмористически отозваться на это посланіе, но видя его неумѣстнымъ въ настоящій моментъ, оставилъ это посланіе, высшаго духовнаго лица — въ пренебреженіи даже къ юмористическому взгляду, и круто взялся за политическую войну противъ подстрѣкателей и друзей Порты. — Такъ разъясненія австро-венгерской политики получалось совершенно не съ той стороны; съ которой ихъ можно было ожидать, а въ родѣ вышеписаннаго посланія экзарха болгарскаго. Напрасно было-бы искать ихъ въ газетахъ Вѣны или Пешта, почти постоянно впадавшихъ между собою въ рѣзкія противорѣчія, легко впрочемъ объяснявшія двумя противуположными направленіями, изъ которыхъ каждое имѣло своихъ вліятельныхъ представителей въ совѣтахъ императора Франца-Іосифа. Австро-Венгерская политика отъ этого, конечно, не выигрывала въ своей ясности экзарховской. Къ этимъ домашнимъ пререканіямъ присоединялись нѣкоторыя внѣшнія неудобства, мѣшавшія, — говорятъ, — гр. Андраши откровенно высказываться. — Въ высшей степени деликатное положеніе Австро-Венгріи между Германіей и Россіей, налагало на ея министра иностранныхъ дѣлъ чрезвычайную сдержанность, которую гр. Андраши простиралъ до крайности; этой сдержанностію объяснялось и то, что онъ въ то время непредставлялъ парламенту обычнаго сборника дипломатическихъ документовъ, равно какъ и его отчужденіе отъ оффиціозной печати, не получали отъ него ни какихъ внушеній.

Тѣмъ любопытнѣе представлялись намъ нѣкоторыя откровенія объ австро-венгерской политики, одновременно появившіяся во французской печати. Дѣло было объ опредѣленіи момента, при которомъ Австрія выступитъ на сцену въ дѣйствующей роли. Къ этому побуждали ее три случайности: вмѣшательство въ войну Сербіи, продолжительное прибываніе русскихъ войскъ въ Румыніи и, наконецъ, быстрыя рѣшительныя побѣды русской арміи, которыя заставятъ опасаться за судьбу Константинополя прежде чѣмъ успѣетъ вмѣшаться дипломатія (?). Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ Австрія была готова дѣйствовать. Условія эти таковы, что во всякій желаемый моментъ они могли дать нужный предлогъ австро-венгерскому правительству. — Возьмемъ хоть среднее изъ нихъ. Болѣе нежели вѣроятно, что въ княжествахъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ нихъ, Валахіи, должны были оставаться русскіе отряды на все время компаніи для обезпеченія сообщеній русской арміи съ отечествомъ. Такимъ образомъ ближайшій поводъ къ вмѣшательству можно считать обезпеченнымъ съ самаго начала войны. Что касается опасенія за Константинополь, то до этого-было еще очень далеко. Болѣе близкой случайностію представлялась участь Сербіи, которая можетъ быть вынуждена къ войнѣ замышлявшимъ вторженіемъ въ нее турецкихъ войскъ. Это участіе почему-то предстовлялось Австріи столь опаснымъ, что ей предписывались планы занять тогда не только Боснію съ Герцеговиной, но и Сербское княжество.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобы во вмѣшательствѣ Австріи, въ какой бы изъ перечисленныхъ момен-

товъ оно ни совершилось, видѣть союзное съ нами дѣйствіе. Турецкія провинціи, которыя предполагались ею занять, она взяла бы, какъ залогъ, долженствовавшій обезпечевать возвращевіе къ прежнему порядку вещей на Балканскомъ полуостровѣ, къ такъ называемому улучшенному *statu quo*, продолжавшему служить базисомъ для австро-венгерской политики въ восточномъ вопросѣ. Австрія замышляла явиться на сцену, чтобъ продиктовать намъ условія мира, вѣроятно въ смыслѣ сокращенныхъ требованій константинопольской конференціи или лондонскаго пресловутаго протокола, чтобы такимъ образомъ свести къ наивозможно меньшому результату войны для Россіи и христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана? Съ этого момента, который едвали заставлялъ долго ждать себя, должна была начаться новая, болѣе важная, чѣмъ предшествовавшая, стадія восточнаго вопроса.

Было бы малодушіемъ думать, что въ настоящей войнѣ съ Турціею побѣды, какъ уже начались въ Малой Азіи, такъ въ послѣдствіи могутъ легко достаться намъ, или что за первымъ нашимъ большимъ успѣхомъ Порта смирится и исполнитъ всѣ справедливыя требованія Россіи. Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ самообольщеніе. Напротивъ, мы должны были съ полною сдержанностію, самымъ строгимъ образомъ взвѣсить наши отвошенія къ противнику обезпеченному друзьями; мы должны были вполнѣ понимать всю великость нашей національной задачи и вмѣстѣ всю трудность ея осуществленія. Только при крайне серьезномъ взглядѣ на дѣло, духъ народный крѣпнетъ и всѣ силы его получаютъ такую устойчи-

вость, что чѣмъ больше является преградъ, тѣмъ упрямѣе стремятся онѣ къ достиженію желаемой цѣли. Не въ легкомысленныхъ порывахъ молодечества и поверхностной самонадѣянности заключается залогъ успѣха, а въ спокойной твердости и въ могучей рѣшимости настоять на своемъ! Тогда никакія жертвы не будутъ намъ въ тягость и никакія временныя неудачи не испугаютъ насъ. Нужна вѣра въ самихъ себя. Необходимо помнить, что Россія—государство молодое, исполненное, болѣе чѣмъ другія, жизненныхъ задатковъ, что она еще не достигла апогея своего величія; ея внутреннія богатства неистощимы; народъ ея только недавно освобожденъ отъ крѣпостныхъ узъ; ему предстоитъ еще развить великія нравственныя силы, которыя съ особеннымъ напряженіемъ высказывается въ годины великихъ событій. За Россіею стоитъ вся будущность. Такіе цѣльные и молодые организмы, каковъ организмъ Россіи, не сокрушатъ никакіе внѣшніе враги, хотя бы они сплотились, по желанію экзарха, тѣсно между собою противъ страшащаго ихъ великана. Россія вытерпѣла не одинъ ударъ судьбы, но всѣ эти удары только возбуждали ее къ новой усиленной жизнедѣятельности, укрѣпляя подъемъ народнаго духа, слагая въ памяти народной драгоцѣнныя и неумирающія преданія, которыя питаютъ народное одушевленіе для новыхъ великихъ подвиговъ.

Въ Западной Европѣ держалось убѣжденіе, что надо, по мѣрѣ возможности, задерживать естественный ростъ Россіи. Крымская война показала, какъ ошибочно это убѣжденіе. Но англійскіе консерваторы отъ него не освободились еще. Составленный изъ ихъ партіи торій-

скій кабинетъ Биконсфильда хотѣлъ еще разъ испытать его на дѣлѣ, воздвигая для Россіи помѣхи въ Европѣ и Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Порта служила въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ англійскаго правительства, а Австро-Венгрія давала ему право надѣется на содѣйствіе въ благопріятную минуту. Уже не была тайна, что Англія на свой счетъ и своими агентами поднимала на ноги Турцію и снаряжала ее на войну. Всѣ турецкія войска суть ни что иное, какъ старинныя наемныя дружины съ тою только разницей къ великой выгодѣ Англіи,—что они должны дѣйствовать въ своей землѣ и за своими укрѣпленіями. Порта, при участіи Англіи, пафанатизировала священною войною свои войска и мусульманское населеніе имперіи, обманываясь сама и обманывая народъ на счетъ истиннаго значенія той роли, которую Турція разыгрывала въ рукахъ Англіи. Въ сущности Турція являлась чѣмъ-то въ родѣ тарана, которымъ Англія намѣревалась нанести первый ударъ Россіи. Можно догадываться, что планъ Англіи состоялъ въ томъ, чтобы всѣми возможными средствами, не стѣсняясь даже международными приличіями и явно нарушая ихъ, поддержать мусульманскій востокъ въ борьбѣ его съ Россіею въ Европѣ и Азіи; въ случаѣ удачи Турціи — дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ; въ случаѣ же неудачи — воспользоваться открыто своими силами, чтобы завладѣть: Константинополемъ, Критомъ и Египтомъ. Перспектива полнаго разрушенія Европейской Турціи не представлялась Англіи невозможностью, при томъ, конечно, условіи, что ни кому другому, какъ ей должна достаться лучшая доля падшей

имперіи; другая доля должна принадлежать Австріи (?); Россія же могла ограничиться возстановленіемъ независимости Болгаріи. На это отчасти указывали громадныя приготовленія Англіи, какъ во флотѣ, такъ и для сухопутныхъ войскъ. Снаряжались три громадныя боевыя эскадры изъ всѣхъ кораблей, какіе только могутъ быть вооружены; на Мальтѣ сдѣланы огромные запасы провіанта для трехъ армейскихъ корпусовъ; заготовлено было множество транспортныхъ судовъ, доставлялась многочисленная артиллерія и въ томъ числѣ осадныя орудія. Арсеналы въ самой Англіи работали усиленно день и ночь. Очевидно, Англія затѣевала крупный и рѣшительный шагъ, разсчитанный во всякомъ случаѣ на успѣхъ. Правительство и оппозиція были согласны въ этомъ планѣ, доказательствомъ чему служило то, что оппозиція въ парламентскихъ преніяхъ тщательно обходила молчаніемъ предусматриваемый случай паденія Турецкой имперіи и ни однимъ намекомъ не затрагивала вопроса, откуда кабинетъ Дэрби-Биконсфильда, почерпнулъ десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на пособіе Турціи и имѣлъ ли еще право дѣлать такое употребленіе изъ народныхъ денегъ? Какъ бы то ни было, Россіи вскорѣ приходилось стать лицомъ къ лицу съ Англіей. Но мы полагали, что захватъ Константинополя, Босфора и Дарданеллъ, Крита, Египта и прилегающихъ къ Суэзскому каналу земель поставитъ Англію неминуемо въ противорѣчіе съ Австріею, Италіею и Франціею, которыя, какъ прилегающія или всѣми своими берегами или половиною ихъ къ Средиземному морю, не могутъ быть равнодушными къ тому, чтобы Англія сдѣлалась

полновластною хозяйкою и повелительницею въ этомъ внутреннемъ общеевропейскомъ морѣ. Вотъ, гдѣ наша дипломатія могла имѣть для себя благодарную работу.

Впрочемъ, на расхищеніе турецкихъ владѣній, Англія могла рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ. Сначала пыталась поддерживать существованіе Турціи съ помощію Австріи. И въ самомъ дѣлѣ, пока Россія ведетъ войну въ Болгаріи, Австрія заняла-бы Боснію и Герцеговину и по всему вѣроятію и Сербію. Она занимала ихъ вовсе не для того, чтобы совмѣстно съ Россіею ввести въ нихъ самоуправленіе, объ этомъ благоразумно умалчивала Вѣна; она, какъ упомянуто выше, заняла-бы только съ дружелюбною цѣлью Россіи. Это дружелюбіе выражалось въ томъ, что всѣ турецкія войска изъ Босніи двинутся на Дунай противъ русскихъ. Оставлены будутъ только тѣ, которыя нужны для войны съ Черногоріею. Не надо было и сторожить Сербію: въ рукахъ Австріи она не шелохнулась-бы; а турки между тѣмъ, снабженные англійскими генералами, офицерами, инженерами, оружіемъ, деньгами, прикрытые крѣпостями и англійскою техникою должны сопротивляться русскимъ, сначала одни, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, и въ открытомъ союзѣ съ англичанами. Угрожая русскимъ войскамъ съ фланга и съ тыла Австрія обѣщала тогда войти въ соглашеніе съ Россіею: объ огражденіи австрійскихъ интересовъ въ виду случайностей, которыя могли повлечь за собою счастливое веденіе войны Россіи въ Болгаріи (?). Другими словами, Австрія обѣщала предписать Россіи условія, которыми должны ограничиваться успѣхи рус-

скаго оружія надъ Турціею и потребовать еще себѣ за то вознагражденія. Можно было расчитывать, что Англія и Австрія, стоя во всеоружіи и окружая русскую армію - одна спереди, т. е. отъ Балкановъ, и съ боку, т. е. отъ Чернаго моря; другая съ противуположной стороны, т. е. изъ Босніи, Сербіи и Герцеговины, и съ тылу т. е. изъ Трансильваніи, — не преминули-бы предложить Россіи остановиться на полупути и удовольствоваться ничтожнымъ лондонскимъ протоколомъ. Надо присоединить къ этому возможность диверсіи со стороны турецкихъ войскъ изъ Добруджи черезъ Дунай на наши сообщенія съ Бессарабіею. Эта диверсія отвлекла бы большія силы отъ арміи, предназначенной дѣйствовать въ Болгаріи. Надо было всегда предполагать худшее, но тѣмъ не менѣе вѣроятное. Понятно, что Россія послѣ столькихъ жертвъ деньгами и кровью ея сыновъ не могла возвращаться ни къ какимъ дипломатическимъ сдѣлкамъ, кромѣ той, которую предпишетъ ея оружіе. Въ недалекомъ будущемъ возможнымъ представлялось по этому столкновеніе съ Англіей и Австріей—съ послѣднею же еще и потому, что она по всему вѣроятію, кто-бы не одержалъ верхъ, потребуетъ вознагражденіе за „*дружественное*“ —одновременно для Турціи и Россіи— занятіи Босніи и Герцеговины и за прокормленіе бѣжавшихъ оттуда жителей, хотя бы въ видѣ уступки себѣ Босніи и значительной части Герцеговины. Россія, какъ держава европейская и вмѣстѣ славянская, ни коимъ образомъ не могла и не должна дозволять этого захвата.

Такое усложненіе враждебныхъ отношеній нисколько

не смущало русское общество. Напротивъ, серьезность положенія лишь только усилили рѣшимость предѣла дѣйствій, предопредѣленныхъ для Россіи ея историческою Великаго Петра задачею. Не нужно только забывать, что Англія всегда боится прямаго удара, гдѣ бы онъ ни былъ ей нанесенъ; а относительно Австріи, Россія должна быть всегда требовательною въ защиту австро-венгерскихъ славянъ.

Дружба Австріи никогда иначе не пріобрѣталась, какъ мечемъ. Западная русская армія могла заставить Австрію сдѣлаться правдиво дружелюбною къ Россіи, тогда Англія принуждена была-бы умѣрить свой воинственный пылъ, потому что безъ Австріи одна она безсильна; а очень возможное для русской закавказской арміи занятіе торговаго пути, идущаго черезъ Малую Азію, окончательно охладило-бы въ ней всякую ревнивость къ поддержанію развалинъ Оттоманской имперіи.

Уже болѣе полугода прошло, когда Москва первая удостоилась внимать державному слову своего Монарха, благоволившаго ей первой повѣдать свои царственныя думы и желанія, объемлющія судьбы христіанъ и нашихъ собратій, страждущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Съ той поры она была свидѣтельницею, какъ за ея отвѣтнымъ вѣрноподданническимъ выраженіемъ безпредѣльнаго довѣрія къ верховному Вождю и полной готовности всѣхъ сословій ея жертвовать жизнію и достояніемъ для охраненія чести и славы Россіи,— весь Русскій народъ, проникнутый единымъ помысломъ и чувствомъ, отозвался на державное слово, какъ еди-

вый человѣкъ, выражая твердую рѣшимость отстоять во что-бы то ни стало вѣру, права человѣчества и свободу братьевъ, столь нагло попираемыя поклонниками Магомета. — И Москва, и вся Россія отождествили дѣло турецкихъ христіанъ съ сознаніемъ своего государственнаго достоинства, съ требованіями чести народной, съ историческою задачею Россіи,—необращая вниманія на наглые взгляды подстрекателей Порты—Англіи и Австріи. Торжественна была та минута, когда Государь, подъ сѣнію многовѣковой святыни, въ стѣнахъ древняго Кремля, хранителя дорогихъ воспоминаній отечественной славы, являлся непосредственно передъ своими вѣрными москвичами, возвѣщая имъ о святомъ призваніи Россіи. Въ эту минуту совершалось воочію единеніе Царя и Его народа—залогъ несокрушимой силы, источникъ той духовной мощи, съ которою Россія готовилась предстать предъ Европою для прочнаго умиротворенія Востока или совокупными усиліями кабинетовъ, или же самостоятельнымъ образомъ дѣйствій!—Сбылось! не первое и послѣднее.

Изъ Кишенева донеслось до Москвы и облетѣло всю Россію другое слово Монарха, повелѣвавшаго своимъ доблестнымъ войскамъ вступить въ предѣлы упрямой Турціи, обагренной кровью неповинныхъ страдальцевъ. Возликовала при этомъ словѣ вся Россія; но не чувство войнолюбія увлекало ее, а сознаніе святости христіанскаго долга, повелѣвающаго „положить душу за други своя“.

И вотъ, Москва снова 22-го апрѣля встрѣчала своего Вѣнценосца—встрѣчала съ безграничнымъ восторгомъ,

какъ исполнителя велѣній неисповѣдимыхъ судебъ, указывающихъ Россіи ея высокій жребій быть передовою защитницею Креста и неотъемлемыхъ правъ человѣчества. Ополчаясь на святую брань во имя высшихъ началъ любви и правды Россіи, подъ руководительствомъ своего верховнаго Вождя, несла угнетеннымъ и порабощеннымъ братьямъ свѣточъ свободы, а чрезъ свободу и благословеніе мира.

То, что, какъ стихійная сила предвидѣнія, одушевляетъ многомилліонную массу русскаго народа; то, что сознательно движетъ просвѣтленными умами преданныхъ сыновъ Русской земли,—то же самое, какъ уже положительное и обязательное начало, управляло волею того, кому предоставлено руководительство. Передъ свершающимся общеніемъ верховной воли съ единомыслiемъ народнымъ должны изсякнуть всѣ козни недоброжелателей Россіи, еще недавно мечтавшихъ о какой-то мнимой разни между правительствомъ русскимъ и народомъ. Еще памятны глубоко оскорбительныя слова, произнесенныя истолкователемъ политическихъ мнѣній кабинета Биконсфильда, лордомъ Дэрби, въ засѣданіи англійскаго парламента 27-го января, а именно: „Я полагаю, что вопросъ о мирѣ и войнѣ зависитъ теперь отъ рѣшеній одной только державы или, вѣрнѣе, отъ одного только лица—Русскаго Царя. Что искренность миролюбивыхъ увѣреній его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ; но мнѣ не извѣстно, на сколько Императоръ дѣйствуетъ согласно желаніямъ своего народа“.

Лорду Дерби оставались какъ бы неизвѣстными тѣ

безчисленные вѣрноподданническіе адресы изо всѣхъ губерній и уѣздовъ, отъ всѣхъ сословій, даже отъ крестьянскихъ сходовъ,—адресы, въ которыхъ весь русскій народъ всецѣло отдавалъ себя подъ волю своего Монарха.

Въ другомъ засѣданіи парламента, 10-го марта, Лордъ Дерби, отвѣчая Лорду Додлею, требовавшему, чтобы прежде всего Европа добилась отъ Порты гарантій въ улучшеніи управленія ея христіанскими подданными, замѣтилъ, что такое требованіе, если бы оно нашло себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи Англіи; „могло бы раздражить и возстановить Русскій народъ противъ политики мира, слѣдовать которой русское правительство къ чести своей, высказываетъ такую готовность“.

Но умышленно лживые намеки на несуществовавшее раздвоеніе Россіи, разсчитанные на впечатлѣніе въ западной Европѣ и въ самой Россіи, вскорѣ послѣ Высочайшаго Манифеста 12-го апрѣля, окончательно разсѣялись безъ всякаго слѣда. Чѣмъ же иным могла быть правительственная Россія, какъ не выраженіемъ той же самой народной Россіи,—выраженіемъ, въ которомъ внутреннія народныя стремленія, обусловленныя историческою памятью народа и осмысленныя пониманіемъ совершающихся судебъ Востока, приведены въ средоточіе сознанія, а слѣдовательно и осязательной силы слова и дѣйствія. Вотъ откуда истекалъ и неуклонный долгъ Россіи—ея обязательная задача, установленная для нея вѣками и не измѣнными вѣрованіями, живыми преданіями и наклонностями ея народа. Для нея начертана разумомъ тысячилѣтней исторіи готовая программа, гдѣ есть свои пути и предѣлы, отъ кото-

рыхъ Европа должна встрѣтить на всѣ свои лукавыя поползновенія одинъ лишь единодушный всенародный отказъ и за нимъ на лицо въ полной готовности, всѣ матеріальныя и нравственныя средства Россіи.

Неизмѣнное вниманіе Государя къ первопрестольной столицѣ и древнему государственному и церковному средоточію, вокругъ котораго собиралась и крѣпла русская земля, поклоненіе святынямъ Московскаго Кремля и Троицкой Лавры, которыя равно чтитъ весь русскій народъ, во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Русскаго царства; рѣчь, которую народъ восторженною душею воспринималъ непосредственно изъ устъ Самаго Монарха:— не служило-ли это достаточнымъ свидѣтельствомъ предъ цѣлою Европою, что между Русскимъ Царемъ и вѣрнымъ Его народомъ не бываетъ посредниковъ въ великія минуты отечественной жизни; что крѣпкая единодушіемъ и единомыслiемъ, вся русская земля пойдетъ и пошла вслѣдъ за своимъ Монархомъ, куда указалъ ей долгъ и честь ея. Великая идея любви, правды свободы и мира, которая не перестаетъ совершать свое побѣдоносное шествіе по пажитямъ человѣчества, звала опять Россію на поля Востока. Освобожденная отъ своихъ внутреннихъ закрѣпъ свободная Россія по повелѣнію своего *Царя-Освободителя*, двинулась на освобожденіе христіанъ и братьевъ, взывающихъ къ ней о помощи.

Дни, слѣдовавшіе за объявленіемъ войны, были наполнены заявленіями западно-европейскихъ кабинетовъ объ ихъ относительномъ къ войнѣ положенію. Изъ Лондона, Парижа, Вѣны, Рима и Берлина одно за

другимъ получались извѣстія о провозглашенномъ нейтралитетѣ. Казалось-бы, ничего лучшаго нельзя было желать. Невмѣшательство въ данномъ случаѣ, это—вѣрное средство сдѣлать войну наименѣе продолжительной и ограничить площадь ея. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ объявлявшихъ себя нейтральными державъ, давали право на это разсчитывать. Провозглашенные двумя изъ нихъ нейтралитеты могли быть названы нейтралитетами выжидательными и весьма условными. Прежде всего это можно было сказать объ нейтралитетѣ Австро-Венгріи, судя по всему прошедшему австро-венгерской политики и тѣмъ недавнимъ объясненіемъ, которыя были даны правительствомъ въ обоихъ парламентахъ этого двойственнаго государства. Избѣжать европейскихъ усложненій и вліять на результаты войны въ смыслѣ огражденія интересовъ монархіи,—вотъ двойная задача, которую поставила себѣ австро-венгерская политика. Но никакія, а тѣмъ паче общеевропейскія усложенія не возникали сами собою; они происходили отъ столкновенія тѣхъ же интересовъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, большая или меньшая вѣроятность того усложненія, завѣсила между прочимъ отъ того, въ чемъ полагала Австро-Венгрія свои интересы на Востокѣ, которымъ она намѣревалась стремиться подчинить результаты войны.

Министры, дававшіе объясненія въ палатахъ, въ Вѣнѣ и Пештѣ, не сообщали по этому поводу никакихъ указаній, мало-мальски опредѣленныхъ. Обращаясь же за разъясненіями къ прошедшему, мы видѣли, что австро-венгерская политика понимала свои интересы на

Востокѣ далеко не такъ, какъ понимались русскимъ правительсвомъ интересы Россіи, вѣрнѣе говоря интересы христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана. Припоминая изъ этого прошлаго два оффиціальныхъ разговора: австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши, которые имѣлъ онъ въ ноябрѣ 1876 года съ съѣхавшимся на константинопольскую конференцію англійскимъ уполномоченнымъ, марк. Салисбюри; и за тѣмъ нѣсколько позднѣе съ англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, сэромъ Бухананомъ. Первому изъ нихъ, онъ засвидѣтельствовалъ, о совершенномъ тождествѣ своихъ взглядовъ на улучшеніе участи балканскихъ христіанъ со взглядами англійскаго правительства на тотъ же предметъ. Второму онъ говорилъ еще болѣе опредѣленно о своихъ отношеніяхъ къ русской политикѣ на Востокѣ. Предложенный Россіею планъ реформъ въ Турціи онъ назвалъ „заслуживающимъ осужденія, какъ не имѣющій иныхъ цѣлей, кромѣ поощренія „панславистскихъ и русскихъ интересовъ“. Онъ считалъ его „чрезмѣрнымъ“ и полагалъ необходимымъ замѣнить „другимъ планомъ, болѣе скромнымъ“, который принялъ-бы за точку отправленія существующій порядокъ вещей въ Турціи и внесъ въ него нѣкоторыя улучшенія, не ограничивая центральной власти. Если австро-венгерская политика продолжала быть при тѣхъ же воззрѣніяхъ, если она полагала свои интересы въ возможно меньшемъ посягательствѣ на внутреннія порядки Турціи и хотѣла подчинить имъ результаты войны, то вотъ и поводъ для столкновенія, ибо жертвы, принесенныя Россіей не могли искупаться столь ничтожными пріоб-

рѣтеніями, какъ нѣкоторыя фискальныя реформы въ Турецкой имперіи, въ коихъ гр. Андраши желалъ видѣть всю суть преобразованій долженствовавшихъ облагодѣтельствовать и вполнѣ удовлетворить балканскихъ христіанъ, какъ онъ излагалъ это марк. Салисбюри въ вышепомянутомъ разговорѣ.

Въ теченіе этого времени австрійское правительство еще не видало достаточныхъ поводовъ, чтобы мобилизовать свою армію. И дѣйствительно было еще рано. Мобилизація пока добилась бы, когда дѣло косалось опредѣленія результатовъ войны. Разсчетъ—очевидный. Когда компанія въ военномъ отношеніи близилась бы къ концу, унеся у Россіи достаточно силъ и людьми, и средствами, когда зашла бы рѣчь о подведеніи итога въ войнѣ, тогда слѣдовало ожидать появленія Австро-Венгріи на сценѣ съ ея планомъ условій мирнаго договора, согласованнаго съ ея интересами. Къ этому моменту приготовляла себя и Англія, интересы которой сходились съ австро-венгерскими. Такимъ образомъ нейтралитетъ этихъ двухъ державъ слѣдовало считать вѣроятнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдствія войны еще не начали опредѣляться.

Кромѣ этихъ интересовъ и приготовленій подстрекателей въ лицѣ двухъ державъ: Австро-Венгріи и Англіи, турецкая армія готовилась обогатиться *сонмомъ новыхъ витязей*.

Подтверждались извѣстія: о формированіи на счетъ константинопольскаго правительства *польскихъ легіоновъ*, поставляемыхъ подъ начальство г. Лангевича, бывшаго польскаго диктатора въ періодъ послѣдняго польскаго востанія 1861-го года. Еще живы на памяти у многихъ

театральные эффекты, которыми обставлялъ онъ каждый свой шагъ, какъ главнокомандующаго, съ первой минуты своего появленія на сценѣ возстанія. Памятны его фантастическіе смотры, производимые по ночамъ, при лунномъ блескѣ; его появленіе въ столь же фантастическихъ костюмахъ передъ фронтомъ повстанцевъ, въ сопровожденіи весьма оригинальнаго адьютанта, въ лицѣ дѣвицы *Пустовойтовой*, если намъ не измѣняетъ память. Карьера этого воина была не продолжительна; она скоро окончилась весьма счастливымъ для него бѣгствомъ на австрійскую границу послѣ перваго столкновенія съ русскимъ отрядомъ генерала Чепгеры. Здѣсь онъ былъ обезоруженъ австрійскими властями и для приличія на нѣкоторое, весьма непродолжительное, время былъ подвергнутъ аресту. Будучи освобожденъ, онъ возвратился въ ту неизвѣстность, изъ которой на минуту былъ вынесенъ событіями дня; — всегдашній удѣлъ авантюристовъ, на какомъ бы поприщѣ они не появлялись, выдвигаемые случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. И вотъ г. Лангевичъ снова выходилъ на сцену.

Число поляковъ, предлагавшихъ свои услуги турецкому правительству, должны быть весьма значительны, если изъ нихъ имѣли въ виду образовать нѣсколько легіоновъ. Западная Европа богата польскими эмигрантами, проникнутыми ненавистью къ Россіи, ослѣпленными мечтой о возстановленіи Польши и готовыми предлагать себя для борьбы съ Русскими. Находись Россія въ войнѣ съ любой изъ европейскихъ державъ изъ-за интересовъ иного свойства, нежели вопросъ который привелъ насъ къ войнѣ съ Турціей, мы поняли

бы присутствіе поляковъ въ лагерѣ нашихъ противниковъ и конечно не изумилась бы этой встрѣчи. Но что сказать о польскихъ „*легіонерахъ*“, желавшихъ сражаться за угнетеніе ихъ единоплеменниковъ, за торжество надъ ними мусульманскаго ига, за палачей, ругающихся надъ истязуемыми, беззащитными жертвами? Мадьярская молодежъ, братающаяся съ турецкими софтами, и та не рѣшалась стать подъ мусульманское знамя, не смотря на кровное родство, соединяющее мадъяръ съ турками; — но поляки находили это возможнымъ и вполнѣ для себя пристойнымъ, послѣ тѣхъ милостей, которыя имъ не разъ оказывались Русскимъ Царемъ, а въ особенности въ 1873 году. Что же имъ сдѣлали: болгары, сербы Босніи или Герцеговины, за сохраненіе ярма подъ которыми они пошли драться, перенося на нихъ ненависть, питаемую къ Россіи? Неужели сердца этихъ отщепенцевъ славянской семьи до такой степени очерствѣли, что даже кровь, тысячами умерщвленныхъ, болгаръ, ихъ не только не трогала, но они хотѣли еще новыхъ жертвъ? Должно быть такъ, если намѣревались идти сражаться за продленіе турецкаго рабства надъ балканскими славянами.

Но это столь противуестественно, что не рѣшались допустить мысли, чтобъ предполагавшіе витязи-легіонеры, шедшіе на бой за мусульманское ярмо надъ христіанами, могли возбудить къ себѣ сочувствіе въ большинствѣ ихъ соотечественниковъ, конечно, далекихъ отъ такого нравственнаго паденія. Имъ только, этимъ паденіемъ, да развѣ еще доходившимъ до помраченія разсудкомъ, переставшимъ различать свойства

совершавшихъ дѣяній, и можно было объяснить себѣ готовившееся вступленіе въ турецкій лагерь польскихъ союзниковъ. Фактъ этотъ, тѣмъ не менѣе осуществился! Онъ имѣлъ въ себѣ такое поруганіе надъ святыней общеславянскаго дѣла, такое кощунство надъ нимъ, что было-бы слабостью оставить его безъ вниманія на всегдашнее поруганіе и возмездіе. Никто не могъ помѣшать польскимъ легіонерамъ сражаться за одно съ турками дѣло; но русскія военныя власти имѣли-бы полное нравственное право объявить ихъ состоящими внѣ закона военно-плѣнныхъ, благо они являлись еще и съ своимъ, польскимъ, знаменемъ.

Одинъ изъ польскихъ легіоновъ въ числѣ 300 человѣкъ изъ коихъ 100 чел. офицеровъ подъ командою венгерскаго гусарскаго маіора Горватъ, — отправился въ Шумлу, какъ сборное мѣсто всякихъ авантюристовъ. Въ составъ этого легіона входили: поляки, венгерцы, англичане, прусаки и пять или шесть французовъ. Французскій повѣренный въ дѣлахъ предупредилъ своихъ соотечественниковъ, что, по вступленіи ихъ подъ турецкія знамена, они перестаютъ быть французскими гражданами и потому посольство за нихъ болѣе не отвѣчаетъ. Мундиръ у легіонеровъ темносиній съ воротникомъ багроваго цвѣта. Константинопольское правительство по богатству своему не могло снабдить ихъ лошадьми, а потому каждый долженъ былъ запастись лошадью въ Шумлѣ. — Послѣдствія этого легіона весьма плачевны, какъ отозвалась „*Кельнская газета*“, „что „въ сущности онъ долженъ былъ образовать кавалерій„скій полкъ, нѣчто въ родѣ улановъ; но по недостатку

„лошадей, да и людей,—лишь на половину поляковъ,— „устроили пѣшую кавалерію и отправили ее въ Раз- „градъ. Такимъ образомъ, у турокъ была кавалерія;— „единственная въ мірѣ: *кавалерія безъ лошадей*".

Другой отрядъ польскаго легіона какъ видно было изъ Краковской газеты *Часъ*, что свое пресловутое назначеніе окончилъ горько-слезнымъ существованіемъ. Такъ какъ Аргуръ-бей, иначе сказать Циммерманъ, бѣжавшій въ Турцію изъ опасенія суда надъ собой за не совсѣмъ честное барышничество съ лошадьми, и г. Лисецкій, и Клапка, удовольствовавшіяся скромнымъ чиномъ подполковника, а послѣдній генерала, набрали всего на всего 23 офицера и солдатъ въ *польскій легіонъ на турецкой службѣ*, то сераскиръ порѣшилъ отдѣлаться отъ непріятныхъ гостей, и, дѣйствительно, самымъ не церемоннымъ способомъ выгналъ ихъ изъ казармы, гдѣ они помѣщались. Онъ просто на просто приказалъ одному турецкому офицеру, завѣдывающему казармой, увѣдомить ихъ, что раціоны имъ выдаваться больше не будутъ; когда же легіонеры начали протестовать, то офицеръ сказалъ имъ, чтобы они шли объясняться съ сераскиромъ. Такъ они и сдѣлали. Сераскиръ, заставилъ ихъ прождать нѣсколько часовъ у себя въ передней, наконецъ велѣлъ позвать ихъ и заявилъ имъ, что онъ ихъ не знаетъ и знать не хочетъ и что они могутъ убираться куда имъ вздумается. Далѣе посовѣтовалъ онъ легіонерамъ поскорѣе снять свои мундиры, иначе они будутъ стащены съ нихъ силою полиціи. Легіонеры бросились было искать защиты у Дамата-паши, но, получивъ и тамъ отказъ, по неволѣ

принуждены были очистить казарму и возвратить выданные имъ турецкимъ правительствомъ мундиры. Но куда они дѣвали свое знамя, съ бѣлымъ польскимъ орломъ, съ литовскимъ рыцаремъ и архангеломъ Михаиломъ,—не извѣстно, а такъ же неизвѣстно, куда скрылись вышеписанные вожди. Носились слухи, будто одинъ изъ нихъ вѣроятно Кланка, отправился къ Абдулъ-Кериму, заклиналъ его польской кровью, текущей въ его жилахъ, заступиться за легіонъ, съ которымъ такъ жестоко обошлись въ Константинополѣ.

Убѣдившись въ этихъ слезно-жестокихъ послѣдствіяхъ польскихъ витязей и легіоновъ, и вспомнивъ то, что турецкая армія, съ горяча, готова была обогатиться сонмомъ новыхъ витязей,—каждый здравомыслящій приходитъ къ тому убѣжденію, что турецкое правительство и турки, по сколько они не цивилизованы и аппатичны ко всему и самимъ себѣ,—а все-таки поняли, что значитъ такое полякъ и польскій легіонъ или мыльный пузырь, и, что національное свое званіе „полякъ“ въ средѣ прочихъ считаютъ въ родѣ ругательнаго слова, а потому существеннаго въ ихъ средѣ никогда и никто ничего не видалъ, да едва ли когда они могутъ осуществить свое желаніе.

Послѣ этихъ печальныхъ послѣдствій „польскаго легіона“ и упрочихъ друзей Порты притупились носы, что усматривалось изъ ноты, которою англійскій кабинетъ отвѣчалъ на депешу русскаго государственнаго канцлера, извѣщавшую его о переходѣ русскихъ войскъ за Турецкую границу а именно: „Съ глубокимъ сожалѣніемъ,— „писалъ гр. Дэрби, — правительство ея величества по-

„лучило это сообщеніе“. Нельзя не повѣрить искренности такихъ словъ. Англійская политика ошиблась въ разсчетѣ. Она вела себя слишкомъ самоувѣренно и, повидимому, до послѣдней минуты не допускала мысли, чтобъ русское правительство пошло дальше дорого стоющей Россіи и довольно безвредной для Турціи военной демонстраціи. Что она сохранила это убѣжденіе даже подписывая лондонскій протоколъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ниже приводимая нота, въ которой заявлялось, что помянутый документъ далеко не преграждалъ возможности дальнѣйшихъ переговоровъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы Порта отвергла самую мысль о реформахъ. Длить переговоры, конечно, было возможно,—возможно безъ конца, и на этой безконечной длительности построенъ былъ бы весь разсчетъ англійской политики. Министерство лорда Биконсфильда было убѣждено, что дальше словъ русское правительство не пойдетъ, что оно радо будетъ воспользоваться удобнымъ средствомъ къ отступленію, и на этой увѣренности основало всю свою игру. Откуда оно могло получить такое убѣжденіе? Говорили, что въ Лондонѣ очень не довольны были военнымъ агентомъ, находившимся въ Петербургѣ, донесенія котораго о военной приготовленности Россіи не вполнѣ, будто бы, какъ оказалось, согласовалось съ дѣйствительностію. Не умышленно конечно, со словъ людей, въ кругу которыхъ ему приходилось вращаться, онъ представлялъ себѣ и изображалъ своему правительству, русскую военную организацію черезъ чуръ мрачными красками. Сообразовавшаяся съ такимъ донесеніемъ политика кабинета была вовлечена въ ошибку,

изъ которой выводили его, но къ сожалѣнію, уже поздны, были донесенія военнаго агента другой державы, сообщенны англійскому министру по его просьбѣ. Такова, увѣряли, была закулисная сторона той роли, въ которой видѣли англійскую политику на сценѣ. Если это такъ, то граафу Дэрби ничего не оставалось другаго, кромѣ „*глубокаго сожалѣнія*“ о своей ошибкѣ.

Англійская депеша не хотѣла признавать, что Порта своимъ отвѣтомъ на протоколъ устранила всякую надежду послѣдовать совѣтамъ Европы и отказывала въ гарантіяхъ. Въ чемъ видѣлъ гр. Дэрби эти гарантіи, — осталось темнымъ. Вскользь коснувшись этого предмета, онъ спѣшилъ перейти къ протесту противъ того мѣста въ депешѣ русскаго государственнаго канцлера, въ которомъ выражается увѣренность, что, прибѣгая къ принудительнымъ противъ Турціи средствамъ, Россія „дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы“. Англійское правительство не желало такого общенія и говорило, „что рѣшеніе, принятое русскимъ правительствомъ, не изъ такихъ, которыя могли получать его содѣйствіе или его одобреніе“. Но достаточно прочесть даже бѣгло депешу кн. Горчакова, что бы видѣть, что въ ней вовсе не подразумѣваетъ чего-либо, похожаго на полномочіе, присвоиваемое себѣ Россіей. Въ ней лишь подтверждается, что тѣ цѣли, которыя Россія преслѣдовала путемъ дипломатическихъ переговоровъ, въ согласіи съ прочими европейскими державами, не исключая и Англію, и для достиженія которыхъ она нынѣ обнажила свой мечъ, что — эти цѣли признаны согласными съ интересами и чувствами Европы и не

могутъ, слѣдовательно, имъ противорѣчить, будучи достигнуты путемъ оружія.

На ноту гр. Дэрби можно бы, конечно, было построить цѣлую дипломатическую переписку; но время дипломатическихъ пререканій, къ счастію, миновало и предсказывавшее со стороны Петербургскаго кабинета молчаніе было лучшимъ на нее отвѣтомъ.

Дотѣхъ поръ, пока все дѣло ограничивалось безвредными для Турціи и въ одинаковой степени безполезными для христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана дипломатическими пререканіями, англійская оппозиція дѣйствовала согласно и послѣдовательно. Въ ея рядахъ не замѣчалось никакого разлада; газеты служившія ей органами, выражались опредѣленно, требуя отъ министерства болѣе прямой и настоятельной политики въ пользу балканскихъ христіанъ. Но пора словъ миновала; наступила пора дѣйствія, и англійская оппозиція заколебалась, какъ въ печати такъ и въ парламентѣ. Она заговорила инымъ языкомъ, уже менѣе твердымъ; понадобились оговорки тамъ, гдѣ еще недавно все представлялось до очевидности яснымъ и безповоротно установленнымъ. Оппозиціонная англійская печать, правда, еще не примирялась съ министерствомъ Лорда Биконсфельда и не становилась открыто на сторону Турціи, но замѣтно начинала пятиться и отъ турецкихъ христіанъ по направленію къ Портѣ. Брюзжа на политику торійскаго кабинета, она сводила съ нимъ все еще старые счеты за время, предшествовавшее войнѣ, уже запоздалые и продолжавшіеся для того только, чтобы замаскировать переходъ къ совершенному одобренію министерской политики.

Первый теноръ оппозиціоннаго хора, органъ либеральной англійской партіи газета *Daily News*, еще недавно не находившая словъ для достаточно сильныхъ порицаній министерства за его политику противудѣйствія въ вопросѣ объ улучшеніи участи балканскихъ славянъ, за его явное предпочтеніе, оказывавшее интересамъ мусульманства, считала возможнымъ союзъ Англіи съ той же Турціей.—Если наши интересы говорила газета, окажутся тождественными, то мы несомнѣнно будемъ ея союзниками. Но въ чемъ же эта тождественность могла сказаться? Пунктъ соприкосновенія былъ; на немъ сходилась либеральная оппозиція съ консервативнымъ министерствомъ и оба вмѣстѣ протягивали руку Портѣ; это—противодѣйствіе русскому вліянію. „Въ интересахъ Англіи—говорила памянутая газета,—чтобы христіанскія провинціи Турціи достигли самостоятельности и достаточно окрѣпли для этого противодѣйствія".

Такая падкладка симпатій въ либеральной части англійскаго общества къ балканскимъ словянамъ не должна была изумлять насъ. Англійскіе либералы готовы симпотизировать имъ, но только въ разсчетѣ заслонить Россію и стать на ея мѣстѣ. Эту мысль гораздо опредѣленнѣе нежели помянутая газета, высказалъ корифей англійскихъ либераловъ, самъ м-ръ Гладстонъ, ровно за мѣсяцъ до войны, въ засѣданіи палаты 11-го марта. Безъ всякихъ обиняковъ, онъ заявлялъ, что „смотрѣлъ бы съ величайшей подозрительностію и не доброжелательствомъ на распространеніе вліянія Россіи среди христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова". Его симпатіи къ балканскимъ славянамъ есть только сред-

ство противодѣйствовать Россіи; онѣ существовали, вѣрнѣе говоря онѣ заявлялись лишь потому, что была цѣль, которой онѣ служили и служатъ, и которой слѣдовательно должны подчиняться, будучи при этомъ дѣйствительны и живучи въ той только степени въ какой самая цѣль ими достигалась. Докажетъ опытъ ихъ непригодность,— и онѣ будутъ отброшены, какъ ошибка, долженствующая служитъ предупрежденіемъ на будущее время, предостерегать отъ возвращенія къ ней. Таковъ истинный смыслъ сочувствія, проявлявшаго извѣстной частью англійскаго общества къ славянамъ Турціи, истолкованный устами вліятельнѣйшаго представителя этой части. Но даже и въ томъ, узко-эгоистическомъ видѣ, въ какомъ понималъ г. Гладстонъ свои симпатіи къ христіанскимъ подданнымъ турецкаго султана, опозиція не рѣшалась ихъ поддерживать, какъ это сказалось на судьбѣ, постигшей его резолюцію въ парламентѣ. Приговоръ надъ нею, какъ увѣрялъ лондонскій корреспондентъ. *le Temps*, былъ произнесенъ заранѣе, на предварительномъ совѣщаніи, происходившемъ у оффиціальнаго вождя оппозиціи, Марк. Гартингтона. Большинство старыхъ товарищей покинуло г. Гладстона, отказавшись слѣдовать за нимъ въ существеннѣйшей части его резолюціи, выражавшей порицаніе правительству султана за его дурное управленіе и гнетъ надъ христіанскими подданными. Относящіеся сюда параграфы были взяты назадъ. Покуда, русская политика не переходила отъ слова къ дѣлу, оппозиція толкала министерство идти съ ней за одно; но лишь только наступила пора дѣйствовать, — тактика измѣнилась и даже

союзъ съ Турціей для англійскихъ либераловъ не представлялся невозможнымъ.

Параллельно тому, какъ оппозиція стушевывалась, дерзость англійскихъ туркофиловъ росла неимовѣрно. Въ засѣданіи палаты общинъ 21-го апрѣля, нѣкто г. О'Клери заявилъ, что если резолюція Гладстона будетъ принята, то онъ О'Клери, предложитъ распространить заключающееся въ ней порицаніе султана и на русское правительство „за муки, угнетенія и преслѣдованія чинимыя имъ въ Польшѣ и въ другихъ провинціяхъ". Вотъ какъ! Россія передъ судомъ англійскаго парламента! Разсказывали, что на одномъ дипломатическомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Петербургѣ, въ полномъ потокѣ своей рѣчи, резонировавшій англійскій дипломатъ обратился къ своему сосѣду съ такими словами: вы нападаете на турокъ, защищаете славянъ, но чтобы вы заговорили, еслибы мы указали вамъ на Польшу? — Мы заставили бы замолчать,—отвѣтили ему;—и разговоръ перешелъ на другой предметъ, къ той печальной участи, которая постигла „*польскій легіонъ*" въ Турціи и что самостоятельность дѣйствій Русскаго Царя начала выказываться на его обнаженномъ мечѣ въ защиту балканскихъ славянъ.

Въ промежутокъ этого времени 16-го, 17-го и 18-го апрѣля въ Малой Азіи, кавалерія наша, подъ начальствомъ Чавчавадзе, производила дальный обыскъ къ югу отъ Карса; отдѣльные отряды доходили до Личагирита, гдѣ имъ удалось уничтожить телеграфъ на протяженіи 10-ти верстъ. Выступившіе 16-го апрѣля изъ Карса на Эрзерумъ восемь турецкихъ баталіоновъ съ баттареею были

преслѣдуемы нашею конницею; при этомъ движеніе турокъ подъ командою Мухтаръ-паши, походило на бѣгство; турки потеряли отсталыхъ, вьюки и патронные ящики, а 18-го апрѣля кавалерія наша имѣла двухъ-часовую артиллерійскую перестрѣлку съ вышедшимъ изъ крѣпости непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ восьми баталіоновъ и полевой артиллеріи; у непріятеля было подбито одно орудіе. Вся наша потеря: нижнихъ чиновъ убитъ одинъ и ранено пять, плѣнныхъ взято болѣе ста человѣкъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, кавалерію оставилъ у Визинъ-Кева, а остальными силами занялъ лагерь у Займа. Жители относились къ нашимъ войскамъ дружелюбно, получались безчисленныя просьбы о принятіи ихъ въ нашу службу и приступлено было къ формированію изъ нихъ коннаго полка.

По свѣденіямъ изъ „*Русскаго Инвалида*“, на азіятскомъ театрѣ войны, въ первой половинѣ апрѣля у Турціи находились слѣдующія войска, которыя, до открытія военныхъ дѣйствій были размѣщены: батумскій корпусъ, въ самомъ Батумѣ – 6 баталіоновъ; къ сѣверу отъ него, въ батумскомъ санджакѣ, на пространствѣ между Батумомъ и Гурійскою границею, въ сторонѣ Изургентъ, до 20-ти баталіоновъ, изъ которыхъ большая часть находилась у Цихедзири (на половинѣ прибрежнаго пути между Батумомъ и постомъ св. Николая); кромѣ того 8 баталіоновъ въ Александровскомъ санджакѣ, по долинѣ р. Аджаръ. Всего 34 баталіона, съ нѣсколькими полевыми баттареями, 3 роты саперовъ и крѣпостная артиллерія въ Батумѣ. Ардаганъ: 11 баталіоновъ пѣхоты (2 стрѣлковыхъ); 2 эскадрона кава-

леріи, 5 баттарей, рота саперовъ и крѣпостная артиллерія. *Карскій* отрядъ: 21 баталіонъ пѣхоты, 9 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 8 баттарей, рота саперовъ и 4 роты крѣпостной артиллеріи. *Когызманъ:* 1 баталіонъ пѣхоты и 1 эскадронъ. *Баязетъ:* 8 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи и 4 баттареи. *Эрзерумъ*: 13 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2 стрѣлковыхъ), 2 эскадрона регулярной кавалеріи, 10 полевыхъ и 3 горныхъ баттареи, 4 роты саперовъ, 2 баталіона волонтеровъ и до 2,000 крѣпостной артиллеріи. Всего, по приблизительному разсчету, вдоль русской границы отъ Батума до Баязета, т. е. отъ Чернаго моря до Персидской границы, и затѣмъ въ Эрзерумѣ, Ванѣ и другихъ пунктахъ азіатскаго театра войны собрано до 116 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 6 стрѣлковыхъ) 29-ть эскадроновъ кавалеріи, 23 полевыхъ и 8 горныхъ баттарей, 17 ротъ крѣпостной артиллеріи и 10 ротъ саперовъ. Да сверхъ того сынъ Шамиля, Мехмедъ-бей, отдалъ распоряженіе принимать соотечественниковъ Шамиля, въ корпуса волонтеровъ.

Наше движеніе впередъ къ Дунаю продолжалось безпрепятственно. Жители Румыніи встрѣчали войска сочувственно. Турецкія войска на Дунаѣ пока ничего не предпринимали противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ прибрежные пункты на Нижнемъ Дунаѣ и нигдѣ не имѣли попытокъ переправиться черезъ Дунай.

По даннымъ достовѣрнымъ свѣденіямъ къ 21-му апрѣля находилось въ Румыніи 150,000 русскихъ, двѣ трети которыхъ было уже на Дунаѣ, остальная треть на пути и вскорѣ присоединилась. Состоявшіе уже на

Дунаѣ имѣли слѣдующее расположеніе: *въ Барбошѣ* и окрестностяхъ—30,000, *въ Рени* и окрестностяхъ—25,000, *въ Измаилѣ* и окрѣстностяхъ до *Килліи*—10,000, на пути *въ Бузео*—15,000, въ окрестностяхъ *Браилова*—10,000, между *Рени и Измаиломъ*—10,000. Остальные затѣмъ 60,000, вскорѣ присоединились и другіе корпуса, переходившіе границу. Сосредоточенные корпуса имѣли при себѣ всю артиллерію, весь военный матеріалъ, громадные запасы провіанта и пр. При Барбошскомъ корпусѣ уже имѣлось сверхъ того два парка осадной артилллеріи, значительное количество повозокъ для раненыхъ, два полевые лазарета, два понтонныхъ экипажа и 15 разработанныхъ конанирскихъ лодокъ. Предполагалось, лодки эти спустить на рѣку Серетъ.

По занятіи мѣстъ стоянокъ нашими войсками, корресподентъ изъ Браилова сообщилъ, что самый городъ Браиловъ находится на высокомъ и крутомъ берегу Дуная и замаскированъ гребнемъ обрыва. Турецкій берегъ противъ Браилова—низменный; здѣсь отъ главнаго русла отдѣляется широкій, судоходный рукавъ, такъ называемый—Мачинскій; у раздѣла на самомъ берегу расположено небольшое турецкое село Гечети. 18-го апрѣля два турецкихъ военныхъ парохода пришли сверху и стали на якорь у Гечети. Наши артилеристы попытались прогнать эти пароходы, что имъ и удалось какъ нельзя лучше. Дѣло происходило такъ: часовъ въ 12 дня два четырехъ-фунтовыхъ орудія выкачены были на самый гребень обрыва и ровно къ половинѣ перваго открыли огонь,—первый нашъ снарядъ перелетѣлъ надъ пароходами и ударился въ берегъ;

второй сдѣлалъ рикошетъ по водѣ,—не долетѣвъ до цѣли? третій снарядъ разорвался, какъ разъ надъ носомъ турецкаго парохода и снесъ ему бугъ-иритъ;—пристрѣлка сдѣлана и всѣ остальные выстрѣлы падали аккуратно. Послѣ перваго выстрѣла на противуположенномъ берегу замѣтно было, даже невооруженнымъ глазомъ, сильное движеніе. Батальонъ турецкой пѣхоты разсыпался вдоль берега, нѣсколько конныхъ черкесовъ понеслись по песчаной береговой косѣ въ Мачинъ и изъ Гочетской кофаны выбѣжали моряки, спѣша на свои суда. Турецкіе пароходы стали отвѣчать послѣ шестаго нашего выстрѣла; первый ихъ снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами; второй далеко влѣво; ждали третьяго удачнаго, но этотъ третій оказался картечью, брызнувшей безполезно по водѣ, что вызвало громкій смѣхъ, какъ артеллеристовъ, такъ и всѣхъ присутвовавшихъ на берегу. Съ нашей стороны было сдѣлано всего 20 выстрѣловъ изъ четырехъ полевыхъ четырехъ-фунтовыхъ орудій; менѣе чѣмъ въ полчаса и оба парохода должны были отступить за островъ и скрылись въ Мачинскомъ рукавѣ; у нихъ снесены были борты,—значитъ была потеря и въ людяхъ,—и повреждено колесо. Турки еще разъ пытались выдвинуться изъ-за острова, но нѣсколько не менѣе удачно пущенныхъ снарядовъ заставили ихъ снова скрыться и на этотъ разъ уйти совсѣмъ. Судя по тяжелому и не ловкому ходу этихъ судовъ, поврежденія должны быть весьма серьезны.

Съ нашей стороны ни одного раненаго, ни убитаго. Жители Браилова, и въ томъ числѣ даже дамы наблюдали съ береговаго гребня за ходомъ перестрѣлки и ап-

плодировали нашимъ артиллеристамъ. На другой день ожидали еще сверху турецкихъ пароходовъ, и притомъ и мониторовъ: предполагали, что турки захотятъ мстить. Наши по этой причинѣ сильно заторопились окончаніемъ постройки береговыхъ баттарей. Кампанія на Дунаѣ значитъ начата. Въ Рени, какъ выше описано, турецкія суда пытались пройти съ низу, но были остановлены выстрѣлами съ нашихъ баттарей и повернули обратно къ устьямъ.

21-го апрѣля въ половинѣ двѣнадцатаго на Дунаѣ, нѣсколько ниже Рени, показался пароходный дымокъ, и наши баттареи приготовились къ встрѣчѣ; ровно въ полдень появился большой турецкій мониторъ и первый открылъ огонь по баттареямъ, выстроеннымъ на возвышенномъ берегу между Рени и устьемъ Прута; наши пушки тотчасъ же отвѣчали. Получивъ нѣсколько удачныхъ ударовъ, пароходъ отступилъ, но чрезъ четверть часа снова подошелъ на выстрѣлъ. Турецкое судно держало себя очень осторожно, боясь подводныхъ заграждeній, протянутыхъ черезъ рѣку, на высотѣ нашей позиціи; до четверти третьяго продолжалась перестрѣлка, послѣ которой мониторъ отступилъ совсѣмъ, съ сильными поврежденіями. Одновременно съ этимъ и противъ Браилова изъ Мачинскаго рукава показались пароходы и въ числѣ ихъ одинъ вчерашній, пострадавшій, какъ описано, не меньше своего товарища; туркамъ и здѣсь не удалось прорваться къ Галацу.

Корреспондентъ писалъ, что изъ оконъ гостинницы, въ которой онъ останавливался, видѣнъ весь заворотъ Дуная и мѣстечко Рени, можно было очень удобно

наблюдать за ходомъ боя; клубы пароховаго дыма видны были отчетливо, звукъ выстрѣловъ доносился, впрочемъ, довольно слабо. Въ Галацѣ вся и все переполошилось страшно, на крышахъ, на балконахъ, на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ видны были толпы любопытныхъ, наблюдавшихъ за перестрѣлкою; къ тремъ часамъ дня на томъ берегу, полузатопленномъ еще водою, показались группы болгарскихъ бѣглецовъ и нѣсколько повозокъ, запряженныхъ волами. Несчастные, бредя по поясъ въ водѣ, пробирались къ берегу Дуная; съ ними были и женщины. Отсюда послали лодки, чтобы ихъ принять; опо и кстати, потому что вдали, верстахъ въ десяти, уже было видно нѣсколько полковъ, — въ бинокль, даже очень ясно.

Самъ Галацъ собственно беззащитенъ — здѣсь не было береговыхъ баттарей, и турки, если-бы только могли прорваться у Браилова и у Рени, — могли бы почти безнаказанно бомбардировать городъ; но у Рени прорваться невозможно; тамъ сильная баттарея и, какъ уже сказано подводныя загражденія и линіи; у Браилова же работы предполагалось окончить дня черезъ два и съ мониторами, пока тягались наши полевыя орудія, какъ описано довольно успѣшно.

Жертвою этой перестрѣлки былъ на нашей сторонѣ только одинъ ребенокъ, — непріятельскій снарядъ случайно залетѣлъ въ городъ и, не разорвавшись, пробилъ стѣну одного дома, въ прибрежномъ кварталѣ.

У Рущука всѣ военныя приготовленія были окончены, войска уже расположены на земляныхъ укрѣпленіяхъ по

берегу Дуная въ различныхъ пунктахъ соединенныхъ между собою телеграфною проволокой. Вся турецкая боевая сила въ Рущукѣ и его окрестностяхъ достигала не болѣе 20,000, но на дняхъ, по полученію телеграммы изъ Стамбула, контингентъ этотъ увеличился прибытіемъ нѣсколькихъ батальоновъ изъ Видднна. Турки намѣрены были сосредоточить большую часть своей арміи въ Рущукѣ; по тѣмъ слухамъ, что изъ Видднна въ скоромъ времени должны прибыть сюда еще 30 батальоновъ. Турки, какъ видно, Рущукъ считали однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ на Дунаѣ. Дѣйствительно, Рущукъ, какъ центръ дунайскаго вилайета, имѣетъ большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи; по взятіи Рущука, можно считать всю Болгарію уже въ рукахъ русскихъ; отсюда прямая дорога въ Варну, Софію, Адріонополь и Филиппополь; такимъ образомъ, Рущукъ есть ключъ не только придунайской, но и забалканской Болгаріи. Ходили слухи, что султанъ въ скоромъ времени пріѣдетъ сюда, но этому вѣры недавали, такъ какъ объ его пріѣздѣ говорилось уже давно, а султана все нѣтъ и нѣтъ.... Хотя туркофильскія газеты возлагали всю надежду на воинственное настроеніе турокъ, но этому настроенію не придавали большаго значенія. Турки боятся русскихъ какъ огня и проклинаютъ людей, вызвавшихъ эту войну; какъ на главныхъ виновниковъ войны они указывали на болгаръ и ихъ революціонные комитеты, забывая при этомъ, что вовсе не болгары вызвали войну, а сами турки своими звѣрствами, постоянными разбоями и гибельнымъ управленіемъ страной... Турки,

нисколько не стѣсняясь, разсказывали въ кофейняхъ, что по переходѣ русской арміи въ Добруджу, они не замедлятъ увести съ собою всѣхъ болгаръ и ихъ скотъ въ плѣнъ въ Азію, а ихъ жилища предать огню, такъ что русскимъ — говорили они — Болгарія достанется въ видѣ пустыни; но этой болтавнѣ не придавали здѣсь никакого значенія. Нѣкоторые старожилы изъ болгаръ разсказывали про 29-й годъ, когда русскіе дошли до Адріонополя, что турки были въ такомъ ужасномъ страхѣ, что, растерявшись, бросали свои дома, имущество и скотъ и, взявъ съ собою лишь свои семьи, спѣшили добраться до морскаго берега и оттуда переселиться въ Азію. Многіе изъ нихъ въ торопяхъ забывали даже своихъ женъ и дѣтей, а о болгарахъ въ то время имъ и думать было нѣкогда. Теперь при одномъ имени „московъ-казакъ“ — не смотря на то, что русскія войска еще въ Румыніи — не одинъ турокъ блѣднѣетъ и принимаетъ самый жалкій и комическій видъ, схватываясь за бороду и раскачивая головой, — обычный у турокъ способъ выражать страхъ, когда разсказываютъ что-нибудь ужасное и сверхъ.естественное.

Что касается до укрѣпленія другихъ придунайскихъ городовъ Турціи, то преимущественно обращено вниманіе на городъ Туртукай, лежащій на правомъ берегу Дуная, противъ устья рѣки Ардыжъ. Въ этомъ городѣ находилось до 2,500 низамовъ, воздвигавшихъ земляныя укрѣпленія въ двухъ пунктахъ. Здѣсь находился также извѣстный опустошитель Болгаріи — Дели-Неджибъ (т. е. сумасшедшій Неджибъ); онъ въ прошломъ

году въ маѣ мѣсяцѣ, сжегъ Ново-Село, Боташево, Крывяникъ, Нову-Махалу, а также и женскій Боташевскій монастырь. Этотъ разбойникъ, пролившій столько невинной крови, опять назначенъ начальникомъ надъ черкескими ордами и успѣлъ уже навербовать для своего отряда до 8,000 черкесовъ. Въ болгарскихъ селахъ и деревняхъ черкесы грабили и убивали безпощадно, такъ что цѣлыми толпами болгары бѣжали къ берегу Дуная, а оттуда переселялись въ Румынію. Жители Кады-Кіой, послѣ недавняго опустошенія ихъ села, были принуждены переселиться въ Туртукай и Попину, лежащія, какъ извѣстно, на берегу Дуная. Въ Систовѣ турецкаго регулярнаго войска не болѣе двухъ батальоновъ. Турки вообще съ небрежностью отнеслись къ систовскимъ укрѣпленіямъ. Какъ видно, они не очень охотно защищали этотъ пунктъ, это являлось также изъ того, что они съ особеннымъ стараніемъ укрѣпляли города и мѣстности около Балкановъ. Такъ, напримѣръ, въ Тырновѣ, отстоящемъ на 50 верстъ отъ Дуная, турки оставили восемь батальоновъ регулярнаго войска и одну горную баттарею и укрѣпили этотъ пунктъ гораздо лучше, чѣмъ Систовъ. Впрочемъ, Тырново, древняя столица болгарскихъ царей, хорошо укрѣпленъ и самой природой, благодаря своему мѣстоположенію: онъ помѣщается на скалистой и высокой горѣ въ Балканахъ, куда весьма трудно подняться въ повозкѣ. Турки думали здѣсь защищаться отчаянно, а въ случаѣ взятія русскими Тырнова, они удалятся въ Балканы, укрѣпленные поспѣшно.

Въ Балканахъ для перехода войскъ есть два удоб-

ные прохода: Шипкинскій, лежащій между Габровымъ и Шипкою, и Ханкіойскій, проходящій между Еленою и Ханкіой и ведущій на Ини-Зарга, въ нѣсколькихъ верстахъ ходьбы отсюда проходитъ желѣзная дорога, соединенная съ Андріонопольско-Филипопольской. Эти два прохода, по своей ширинѣ, представляютъ большое удобство для перехода любой арміи черезъ Балканы. Турки, зная это, еще въ 29-мъ году позаботились воздвигнуть три земляныхъ укрѣпленія въ Шипкинскомъ проходѣ, къ исполненію которыхъ уже приступлено. Въ Шипкѣ расположено 1,500 солдатъ, отправлявшихся ежедневно работать на укрѣпленіяхъ; въ Габрово прибыло также 600 солдатъ, размѣстившихся по домамъ. Изъ Тырнова отправлено 600 солдатъ въ Ханкіой для укрѣпленія Ханкіойскаго прохода, оставшагося въ 29 году безъ защиты.

Въ несчастной Болгаріи, замкнутой совсѣхъ сторонъ турецкими войсками, откуда съ трудомъ достигались до насъ свѣденія, черкесы и башн-бузуки продолжали совершать неистовства. Одинъ болгаринъ, переплывшій Дунай, ночью изъ Рущука въ Журжево, сообщилъ слѣдующія свѣденія о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи. Башн-бузуки и черкесы, вмѣстѣ съ турками сосѣднихъ деревень, напавъ на церковь села Трестеники, во время богослуженія, совершили ужасныя звѣрства: связавъ сперва руки и ноги мужчинамъ и поваливъ несчастныхъ на-полъ, злодѣи передъ ихъ глазами совершали самыя возмутительныя неистовства надъ ихъ женами и дочерьми, причемъ самымъ звѣрскимъ образомъ убили многихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пы-

тавшихся оказать имъ нѣкоторое сопротивленіе. Затѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ христіанской религіей, на лбу у мужчинъ и на груди у женщинъ, они дѣлали своими ятаганами нарѣзы въ видѣ креста. По удовлетвореніи своихъ звѣрскихъ страстей, эти изверги начали издѣваться надъ иконами и священными сосудами: у всѣхъ святыхъ на образахъ выковыряли глаза и осквернили церковные сосуды. Наругавшись надъ святыней, они обобрали все, что только было цѣннаго въ церкви: сняли ризы съ образовъ, взяли поникадилы и церковныя ризы. Не забыли также снять съ убитыхъ и живыхъ жертвъ, лежавшихъ на полу, со связанными руками и ногами, одежду и даже рубашки; уложивъ все это въ мѣшки и навьючивъ на лошадей, злодѣи преспокойно удалились изъ села.

Одному священнику только удалось избѣжать ожидавшей его мученической смерти, благодаря двери, выходившей изъ алтаря прямо на дворъ, въ которую онъ и бѣжалъ. При этомъ прибавилъ разсказчикъ,— отчаенные вопли и крики несчастныхъ жертвъ, раздиравшіе душу прохожаго, были слышны на далекомъ разстояніи.

Жители села Двѣ-могилы, лежащаго въ близи Трестеника, узнавъ о совершенныхъ башибу-зуками звѣрствахъ въ этомъ селѣ, вооружили троихъ болгаръ и поставили ихъ въ своей церкви, чтобы стеречь отъ нападенія черкесовъ. Но сосѣди турки, пришли ночью къ старшинѣ, говоря ему что имъ поручено правительствомъ немедленно схватить спрятавшихся въ ихъ церкви „кометовъ“ и наказать мятежниковъ, а по этому

онъ долженъ пойти съ ними въ церковь и отпереть ее. Несмотря на старанія старшины убѣдить турокъ что это не мятежники, простые вооруженные сторожа, поставленные имъ въ церкви для защиты ея отъ нападенія разбойниковъ, они его потащили съ собой. Когда вооруженная толпа турокъ, сопровождаемая старшиною, появилась на церковномъ дворѣ, то изъ церкви раздался выстрѣлъ это былъ условленный между сторожами и селянами сигналъ, дававшій послѣднимъ знать, что они должны спѣшить къ первымъ на помощь. Этотъ выстрѣлъ еще больше раздражилъ турокъ они бросились, какъ хищные звѣри, въ дверь съ обнаженными ятаганами и стали ее ломать, но толстая дубовая дверь не легко подавалась; тогда разбойники схвативъ за шиворотъ старшину заставили его уговорить кометовъ отпереть имъ дверь. Старшина, послѣ долгаго убѣжденія сторожей, что турки имъ не сдѣлаютъ никакого вреда, наконецъ уговорилъ ихъ отпереть церковь; но лишь только дверь отворилась, раздалось залпомъ нѣсколько выстрѣловъ и трое несчастныхъ сторожей—пали мертвыми. Наконецъ прибѣжали и поселяне въ церковь на помощь, но, имѣя только однѣ дубины въ рукахъ, должны были удалиться. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и рвнулись въ церковь на помощь, но тутъ же были убиты турками на-повалъ. Церковь была усыпана трупами. Обобравъ церковь, злодѣи убили наконецъ старшину и удалились.

Еще фактъ. Въ городѣ Раховицѣ турки, напавъ на болгарскаго торговца Папайора, обобрали его отрѣзавъ при этомъ у него правое ухо. Разсказывали, что онъ положилъ свое ухо въ спиртъ, вмѣстѣ съ письмомъ

отправилъ его въ Рущукъ въ подарокъ англійскому консулу—Рпду, чтобы тотъ видѣлъ, какъ поступаютъ съ болгарами его любимцы-турки, которыхъ консулъ считалъ невинными жертвами мнимой русской интриги.

Взрывъ турецкаго монитора „Литфи-Джелиль“ подъ Браиловымъ.

10-го апрѣля въ гавань крѣпости Сулины прибыли два большихъ турецкихъ монитора—„Летфи-Джелиль“ т. е. милость всевышняго и „Хывзи—Рахманъ“ т. е. заступникъ милосердый. Оба судна построены по одному типу и съ совершенно одинаковымъ вооруженіемъ „Хывзи—Рахманъ“ остался на низовьяхъ Дуная, а „Литфи“ направился вверхъ и дошелъ до Мачина—этотъ самый мониторъ, что какъ описано выше проходилъ 12-го апрѣля мимо Галаца въ виду нашихъ войскъ, двигавшихся въ походномъ порядкѣ. Удобный моментъ нанести намъ ощутительный вредъ во время нашихъ первоначальныхъ передвиженій, когда лѣвый берегъ Дуная былъ совершенно безоруженъ, былъ турками упущенъ, вода рѣки начала уже спадать и большому судну, какъ покойный „Литфи-Джелиль“, не оставалось больше ничего, какъ попытаться прорваться снова къ морю. Попытки эти онъ уже дѣлалъ нѣсколько разъ, но все неудачно. Дѣло ограничивалось всегда легкими перепалками съ нашими береговыми баттареями.

29-го апрѣля, въ два часа пополудни, дали знать съ баттарей, что за островомъ Мачинымъ видны труба и дымъ приближающихся турецкихъ мониторовъ. Артил-

леристы приготовились. Множество офицеровъ всѣхъ частей войскъ и даже постороннихъ зрителей собралось по близости баттарей. Въ три часа передній мониторъ показался изъ-за острова, прошелъ нѣсколько десятковъ саженей по дунайскому форватеру и раскрылъ бортъ—это былъ „Литфи“—красивое трехъ-мачтовое судно, грозно выпускавшее изъ своей широкой приземистой трубы густые клубы чернаго дыма. За нимъ, не выдвигаясь изъ-за острова, виднѣлись еще два судна подъ парами, задержавшія ходъ. На первый выстрѣлъ съ борта „Литфи“ отвѣчала наша 24-хъ-фунтовая баттарея. Нѣсколько нашихъ бомбъ легли очень близко отъ монитора, всплески воды взлетали почти у самаго борта, артиллеристы сердились не на шутку, совершенно забывая о томъ, что они и сами служили мишенью для турецкихъ снарядовъ. „Литфи“ снова тронулся впередъ, — пожалуй, на этотъ разъ ему и посчастливилось бы прорваться. Тогда съ нашей второй мортирной баттареи тоже открыли огонь по непріятелю. Первые два выстрѣла не долетѣли и легли много ближе цѣли; было уже отдано приказаніе остановить безполезную трату снарядовъ, когда третій выстрѣлъ легъ даже дальше цѣли, взборозднвъ воду у самаго противуположнаго берега, эти три пробные выстрѣла дали возможность провѣрить дистанцію и бить на вѣрняка. Совершенно одновременно раздалось два выстрѣла — одинъ изъ 24-хъ фунтовой пушки и другой изъ мортирной, оба снаряда ударились въ „Литфи“ и черезъ мгновеніе надъ водою поднялся громадный столбъ пламени, сверкнувшій даже не смотря на то, что день былъ ясный и солнечный. Черные клубы

дыма сплошнымъ облакомъ совершенно окутали „Литфи“; ударъ былъ глухой и короткій: длинныя волны, образовавшіяся отъ этого чудовищнаго всплеска, докатились даже до нашего берега, всколыхнувъ вереницу мирныхъ судовъ и рабочихъ лодокъ. У насъ на баттареяхъ и въ толпѣ зрителей царствовало въ это мгновеніе глубокое молчаніе. Но когда черезъ нѣсколько секундъ, эту дымовую тучу отнесло вѣтромъ и на поверхности воды, на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ грозный броненосецъ, не осталось ничего кромѣ торчащей верхушки мачты съ краснымъ флагомъ—на баттареяхъ грянуло громкое „ура“, подхваченное всѣми, даже посторонними присутствовавшими. Это была страшная мгновенная катастрофа. Могучее трехмачтовое судно съ пятью колосальными орудіями, съ 219-ю человѣкъ экипажа—все это разомъ погибло отъ удачно попавшей бомбы, пробившей палубу и разорвавшейся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ бомбовой камерѣ.

Со всѣхъ русскихъ баттарей было замѣчено, что въ турецкій броненосецъ попало разомъ и почти въ одну точку два русскихъ снаряда. Одинъ изъ этихъ снарядовъ выпущенъ былъ изъ мѣдно-заряжающаго съ казенной части орудія, прицѣливаніе котораго непосредственно передъ взрывомъ было особенно тщательно вывѣрено, поручикомъ Самойло. Второй попавшій снарядъ выпущенный изъ единорога, былъ наведенъ завѣдывавшимъ работами на 1-й баттареи саперпымъ поручикомъ Романовымъ, который между прочимъ интересовался также стрѣльбой. Поручикъ Самойло, дворянинъ Смоленской губерніи, имѣетъ всего 23 года отъ роду и всего

годъ и девять мѣсяцевъ, какъ состоитъ на дѣйствительной службѣ. Поручикъ 7-го сапернаго батальона Романовъ—21 года родомъ Подольской губерніи и состоитъ всего восемь мѣсяцевъ на дѣйствительной службѣ. Ему поручена была постройка баттареи № 1-й, и онъ продолжалъ производить работу и во время самой стрѣльбы, помогая при этомъ „изъ любви къ искусству“ и въ прицѣливаніи орудій. Честь уничтоженія турецкаго монитора „Литфи“ принадлежитъ по праву обоимъ офицерамъ.

„Литфи Джелиль“, по разсказамъ единственнаго человѣка, котораго удалось спасти изо всего экипажа, имѣлъ задачею вмѣстѣ съ другими турецкими мониторами очистить отъ русскихъ баттарей и загражденій теченіе Дуная между Браиловымъ и Рени. За тѣмъ предполагалось бомбардировать: Браиловъ, Галацъ и Рени и превратить ихъ въ груду развалинъ. Тотчасъ послѣ катастрофы, два другихъ турецкихъ судна поспѣшно обратились въ бѣгство, не заботясь не мало о спасеніи тѣхъ, которыхъ еще можно было спасти; а потому первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды, у русскихъ была забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна. Испросивъ разрѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько морскихъ офицеровъ бросились на три паровыя шлюпки и на всѣхъ парахъ пустились къ мѣсту катастрофы. Первою шла шлюпка „Олавъ“ съ лейтенантомъ Дубасовымъ и Дукмасовымъ; въ 150 саженяхъ отъ него шелъ лейтенантъ

черноморскаго флота Шестаковъ, а въ третьей шлюпкѣ, на такомъ же разстояніи плыли гг. Струковъ, Рогуля, Персонъ и др. Всѣ они держа направленіе къ Гечету, обогнули затопленный островъ и, войдя въ Мачинскій рукавъ, прослѣдовали мимо Гечетскихъ окоповъ, за которыми видна была турецкая пѣхота, не дававшая однако по шлюпкамъ ни одного выстрѣла; какъ видно, паника турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія взрыва; пѣхотинцы эти, молча и не подвижно, смотрѣли на плывущія мимо ихъ лодки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ за спѣшностію отхода шлюпокъ его не успѣли захватить съ собою.

Наконецъ наши пришли на мѣсто гибели корвета. Но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ воды, не было уже ни малѣйшаго слѣда только что совершившихся ужасовъ. Ни гдѣ вокругъ ни одного трупа, ни одного обломка, все изчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе мониторы были со всѣмъ на виду; отъ нашихъ шлюпокъ оставалось до нихъ не болѣе трехъ *кабельтовыхъ*, но мониторы, также точно какъ турецкая пѣхота, и не подумали дать по своимъ врагамъ ни одного выстрѣла, равно какъ раньше нашего прибытія не подумали и о томъ, чтобы спустить шлюпку на помощь утопавшимъ товарищамъ.

Лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, доставшійся намъ единственнымъ,—по достойнымъ трофеямъ этой побѣды. Всѣ поиски нашихъ шлюпокъ остались тщетными. Онѣ уже возвращались

назадъ, когда съ гечетскаго берега донесся слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ же причалили къ берегу и высадились изъ одной шлюпки. Здѣсь на берегу нашли матеріалы для телеграфа, который турки намѣревались было проводить въ этомъ мѣстѣ; часть проволоки и фарфоровые болваки забрали съ собою, а часть потопили; за тѣмъ, продолжая поиски, услышали снова тотъ же стонъ и вскорѣ наткнулись въ невысокихъ камышахъ на лежавшаго турка. Руки и ноги его были страшно обожжены и опалено все платье. Его подняли и перенесли въ лодку. Сначала онъ былъ ужасно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха, но его тотчасъ же постарались успокоить ласковымъ обращеніемъ, и несчастный мало по-малу пришелъ въ себя и пріободрился на столько, что по доставкѣ его въ браиловскій военно-временной госпиталь могъ уже отвѣчать на вопросы. Оказалось, что весь страхъ его происходилъ отъ того, что начальство турецкое распространило между матросами и солдатами убѣжденіе, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ же сажаютъ по-турецки на колъ, и онъ думалъ, что такая же участь неизбѣжно предстоитъ и ему; но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою и такое человѣческое обращеніе, то начиная уже поправляться, съ искреннымъ чувствомъ сознался, на сколько всѣ его собратья заблуждаются въ „Московѣ“ и говорилъ, что впередъ уже не только самъ не пойдетъ, но и дѣтямъ, и роднымъ, и всему дальнѣйшему своему будущему потомству закажетъ воевать противъ „Москова“. Отъ этого плѣннаго узнали, что взорванный корвертъ на-

звался „Литфи-Джелиль“, и что за нѣсколько секундъ передъ послѣдними выстрѣлами съ русскихъ баттарей, отъ турецкаго корверта отчалила въ Мачинъ восьми-весельная шлюпка съ адмираломъ Буюкъ-паша.

Когда въ Кишиневѣ, часовъ около $7^1/_2$ вечера, получена была главнокомандующимъ первая вѣсть о взрывѣ броненосца, отправленная по телеграфу тотчасъ же послѣ произшествія, Его Высочество вышелъ изъ кабинета въ пріемную залу, гдѣ оставалось еще послѣ обѣда нѣсколько чиновъ главной квартиры и воскликнулъ: „Слушай, ребята!“ прочелъ эту телеграмму.

Громкое и единодушное „ура“ тотчасъ же огласило весь домъ Великаго Князя и чрезъ минуту было подхвачено на бульварѣ, гдѣ противъ квартиры Его Высочества всегда, бывало, стояла толпа народа.

Черезъ четверь часа уже весь городъ зналъ и радостно толковалъ объ этомъ счастливомъ для русскаго оружія началѣ.

Его Высочество тотчасъ же отправилъ къ командиру 11-го корпуса, князю Шаховскому, слѣдующую отвѣтную телеграмму.

„Отъ всей души поздравляю тебя и войско со слав-„нымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. При-„кажи объявить тому наводчику, который вѣрнымъ „выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что Я его жалую „знакомъ военнаго ордена. Пришли Мнѣ его имя и фа-„милію, и фамилію офицера, который командовалъ ору-„діями. Объявить артиллеристамъ мое большое спасибо!“

Кромѣ вышеписанныхъ офицеровъ командовавшихъ орудіями, наводчиками были: строеваго отдѣла осадной

артиллеріи рядовые: Романъ Давыдюкъ и Иванъ Помпарю. Первый изъ нихъ былъ подъ наблюденіемъ поручика Самойло,—наводилъ 24-хъ фунтовое орудіе, а второй—мортиру, подъ руководствомъ поручика Романова.

Въ періодъ этого времени, въ Черномъ морѣ, турецкая эскадра въ числѣ 20 пароходовъ, хотя и крейсировала въ виду Ѳеодосіи, Ялты, Севастополя, Евпаторіи и другихъ прибрежныхъ пунктовъ, но не безпокоила нашихъ береговъ Крыма, а обратила непріятельское дѣйствіе на Сухумскій отдѣлъ, гдѣ 30-го апрѣля, турецкій флотъ, подъ защитою своихъ мониторовъ, высаживалъ въ различныхъ мѣстахъ отдѣла цѣлыя массы иррегулярныхъ войскъ, главнымъ же образомъ абхазцевъ, выселенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскимъ правительствомъ въ Турцію; затѣмъ появлялась и турецкая пѣхота, даже артиллерія. Мѣстное абхазское почти сплошь магометанское населеніе,—половина его недавно выкрещена и держится христіанской вѣры лишь номинально—не оставалось равнодушнымъ къ призыву своихъ бывшихъ единовѣрныхъ соплеменниковъ и соединялась съ ними. Турецкіе броненосцы разрушали не только беззащитный Сухумъ, но и другія совершенно ничтожныя поселенія, при чемъ своихъ не различали отъ враговъ, какъ напримѣръ въ Гудаутахъ, гдѣ большая часть лавокъ принадлежала турецкимъ торговцамъ и стоимость всѣхъ построекъ навряд-ли даже окупали цѣну истраченныхъ на ихъ разрушеніи дорогихъ снарядовъ. Пылали мирныя деревни и дачи, опустошались сады и виноградники.

4-хъ тысячный отрядъ генералъ-маіора Кравченко, уничтоживши передовую партію десанта въ самомъ Сухумѣ, разбивши затѣмъ четыре раза абхазскія турецкія скопища, не считая мелкихъ схватокъ, совершилъ, наконецъ, отступленіе изъ возмутившейся страны, чтобы избѣжать безполезной траты людей въ борьбѣ съ чрезмѣрно превосходившимъ его силы непріятелемъ, а также не быть отрѣзаннымъ отъ всякой помощи и запертымъ въ бездорожной, гористой мѣстности. Отступленіе это онъ совершилъ благополучно, не смотря на то, что оно было почти невѣроятно по своей трудности: отряду, окруженному буквально со всѣхъ сторонъ, пришлось пройдти въ теченіи 4-хъ сутокъ болѣе 50-ти верстъ, въ дождливое время, по горамъ и лѣсамъ, черезъ разлившіяся рѣки, безъ всякихъ дорогъ, имѣя съ собою до 70 раненыхъ, 200 слишкомъ больныхъ и 150 семействъ болгаръ, грековъ и иныхъ поселенцевъ, всего 1200 человѣкъ, которымъ иначе угрожала бы неминуемая гибель, и, понесъ потерю за все это время лишь 110 человѣкъ убитыми и ранеными. Хотя приблизительное понятіе о характерѣ этого отступленія можетъ составить себѣ лишь тотъ, кто знакомъ лично съ этими дѣвственно-густыми южными лѣсами и картинными пропастями, роскошная природа которыхъ на каждомъ шагу представляетъ прикрытіе непріятелю, съ дѣтства пріученному пользоваться всѣми выгодами мѣстности. И черезъ такія мѣста, гдѣ нельзя иначе двигаться, какъ пѣшкомъ и которыя составляли половину всего пути, отряду приходилось буквально перетаскивать больныхъ и раненыхъ. Наконецъ 19-го

мая сухумскій отрядъ вступилъ въ предѣлы вѣрной намъ Самурзакани и вошелъ въ составъ кутайскаго отряда генералъ-маіора Алхазова.

Вотъ въ краткихъ чертахъ описаніе тѣхъ блестящихъ турецкихъ побѣдъ въ Сухумѣ, о которыхъ кричали иностранныя газеты и за которыя султану преподнесенъ пышный титулъ „побѣдоноснаго“.

Безспорно, что турки удачно выбрали сухумскій отдѣлъ театромъ своихъ дѣйствій на Кавказѣ; да иначе и не могло быть, такъ какъ на всемъ Кавказѣ нѣтъ другаго пункта, который представлялъ бы для нихъ такія очевидныя и важныя выгоды. На кавказскомъ берегу Чернаго моря сѣверная часть сухумскаго отдѣла есть единственная мѣстность, населенная значительнымъ (45 т. душъ абхазцевъ), магометанскимъ населеніемъ и притомъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, почти совершенно отчужденнымъ отъ русскаго и вообще христіанскаго вліянія. Вслѣдствіе близости моря, у абхазцевъ несравненно болѣе тяготѣнія къ турецкимъ берегамъ, съ которыми они и имѣютъ постоянныя, не только торговыя, но и вообще близкія родственныя связи, чѣмъ внутрь страны, куда нѣтъ никакихъ даже дорогъ. Подчиненные такимъ образомъ родному и близкому для нихъ турецкому вліянію, еще болѣе усилившемуся со времени выселенія части ихъ въ Турцію, они имѣютъ весьма малое понятіе о могуществѣ Русскаго государства. Самый актъ объявленія войны долженъ былъ произвести на нихъ впечатлѣніе побѣды турокъ надъ русскими, такъ какъ съ этого момента русскіе теряли море, не смѣли показываться на немъ, а турецкій флотъ безпрепятственно крейсировалъ у бе-

реговъ. Абхазское населеніе, необыкновенно впечатлительное, замиренное всего въ 1866 г., весьма еще воинственное, не могло не возстать, когда сзади его явились пришедшіе изъ Турціи самые знаменитые, вліятельные абхазскіе представители, такъ напримѣръ сынъ Шамиля „Кози-Магометъ“ и др. въ лицѣ англичанъ и австрійцевъ пропитанные упорною ненавистью къ Россіи. Они во имя Магомета, а также обѣщая своимъ собратіямъ милость ихъ всемогущаго падишаха, готоваго, по ихъ словамъ, пролить за нихъ послѣднюю каплю крови, предложили абхазцамъ помочь имъ истребить русскихъ, которые такъ немногочисленны, и вернуть себѣ эти, потерянныя при выселеніи въ Турцію, дивно-прекрасныя родныя ихъ мѣста. И это повторялось бы каждый разъ при войнѣ съ Турціей, пока Черное море не сдѣлается русскимъ моремъ, пока на немъ не будетъ нашего флота. Иначе для удержанія въ покорности береговаго магометанскаго населенія и отраженія турецкаго десанта, нужно было-бы употреблять весьма значительныя военныя силы, размѣщая ихъ по укрѣпленнымъ лагерямъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и прежде всего провести хоть какія-нибудь дороги внутри страны, а также въ Кубанскую область и Мингрелію, такъ какъ до настоящаго времени во всемъ отдѣлѣ, кромѣ вьючныхъ, не было никакихъ другихъ дорогъ. Система же собственно береговыхъ укрѣпленій и загражденій, при отсутствіи русскаго флота и значительныхъ сухопутныхъ силъ „наврядъ ли можетъ принести здѣсь какую-либо существенную пользу вслѣдствіе слишкомъ большой длины береговой линіи и разбросанности прибрежныхъ поселеній и дачъ.

Съ открытіемъ дѣйствій, отряда генералъ-маіора Алхазова начался новый фазисъ войны на черноморскомъ берегу, такъ какъ отрядъ этотъ значительно больше бывшаго Сухумскаго и не запертъ въ бездорожней и возмутившейся странѣ, а имѣлъ базисомъ Самурзаканъ. Но и Сухумскій отрядъ, честно выполнилъ свою не легкую задачу — отступилъ съ честью передъ несравненно сильнѣйшимъ врагомъ и, не смотря на всю трудность этого отступленія, увелъ съ собою 1,200 человѣкъ беззащитнаго христіанскаго населенія. При этомъ отступленіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо выказалъ себя этотъ все перенесшій и незамѣнимый русскій солдатъ, конечно и здѣсь онъ умеръ бы геройскою смертью, не справляясь, противъ сколькихъ враговъ приходилось сражаться ему одному, еслибы отъ этого могла быть хоть какая-нибудь польза.

Неравенство силъ нападенія и обороны, вызвавшее присоединеніе мѣстнаго абхазскаго населенія на сторону сильнѣйшаго, т. е. нападавшихъ турокъ, сдѣлалось чрезъ возстаніе еще болѣе значительнымъ и ставило малочисленный сухумскій отрядъ въ довольно тяжелое положеніе.

Ему необходимо было усилить защиту селеній: Ольгинскаго и Цебельдинскаго, а также селеній: Анастасьевскаго, Георгіевскаго и Александровскаго, гдѣ жили греческіе и болгарскіе поселенцы, и наконецъ, обезпечить себѣ путь сообщенія въ Самурзакань, но, главное, не допустить непріятеля овладѣть селеніемъ Ольгинскимъ, гдѣ былъ весь провіантъ и боевые припасы, такъ какъ тогда стоявшему подъ Сухумомъ незначительному отряду генерала Кравченко, части котораго

охраняли всѣ вышеупомянутые пункты, пришлось-бы, продержавшись подъ Сухумомъ нѣсколько дней, — остаться безъ продовольствія и путей отступленія, потерять съ разу весь край и погубить все христіанское населеніе, и потому отрядъ немедленно двинулся на Ольгинское. Укрѣпившись въ Ольгинскомъ, отрядъ занялъ всѣ нужные пункты и началъ наступательныя дѣйствія на непріятеля, узнавая черезъ лазутчиковъ о его скопищахъ и разбивая ихъ, причемъ непріятель, благодаря превосходнымъ качествамъ нашихъ войскъ, при ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, несъ постоянно,—особенно въ дѣлахъ при селеніяхъ: Оранды и Александровскомъ,—весьма значительный уронъ.

Но когда были получены достовѣрныя свѣденія объ отправленіи въ Сухумъ изъ Константинополя еще 10 тыс. регулярныхъ войскъ съ 5-ю баттареями, то въ виду бездорожья и соединенной съ нимъ невозможности быстраго подкрѣпленія отряда изъ Кутайской губерніи, ему посланъ былъ приказъ отступить немедленно въ Самурзакань. Отступленіе это необходимо было произвести съ величайшею скоростью, такъ какъ отрядъ имѣлъ при себѣ госпиталь и семьи поселенцевъ до 1,200 человѣкъ мирныхъ гражданъ, которымъ, какъ сказано, предстояла неминуемая гибель; нужно было отступить раньше, чѣмъ могъ высадиться въ Сухумѣ новый турецкій дессантъ и стать на путь отступленія. Поэтому нельзя было воспользоваться сравнительно удобной, но болѣе открытой дорогой на Ноа, и отряду пришлось совершить неимовѣрно трудный путь черезъ Багадскій мостъ.

Нельзя не отдать полной справедливости и предусмотрительности начальства, отдавшаго приказъ объ отступленіи изъ Цебельды, и не посредственнымъ исполнителямъ, столь быстро и энергически выполнявшимъ это приказаніе, такъ какъ насколько могло сдѣлаться затруднительнымъ положеніе сухумскаго отдѣла, это видно уже изъ того, что вскорѣ по выходѣ его изъ Цебельды возстаніе охватило и ту часть страны, которая отдѣляетъ Цебельду отъ Самурзакани, и даже вдвое сильнѣйшей, соединенный кутайско-сухумскій отрядъ ген. Алхазова, несмотря на два успѣшныя дѣла съ непріятелемъ, на р. Кодарѣ и при Илори, все-таки нашли болѣе разсчетливымъ отступить временно на югъ.

Какъ-бы то ни было, но моментъ, когда непріятель, въ союзѣ съ измѣной населенія и недоступностью страны могъ, при извѣстномъ сгруппированіи силъ, дѣйствительно уничтожить нашу горсть войскъ, прошелъ, и мы вышли совершенно благополучно изъ этой западни.

Конечно, трудно было предсказать, сдѣлается-ли Абхазія, въ свою очередь, западней для непріятеля, такъ какъ послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи флотъ, а потому всегда располагалъ возможностью очистить страну; но что касалось до серьезности, которую онъ хотѣлъ придать своимъ дѣйствіямъ въ этой странѣ, то для этого пока невстрѣчалось никакихъ данныхъ, такъ какъ на сѣверъ отъ него находился пустынный Черноморскій округъ, въ которомъ нѣтъ не только дружественнаго ему населенія, но даже продовольствія для

его дессантовъ, съ юга ему угрожалъ сильный отрядъ генерала Алхазова, а на востокѣ его отдѣляли отъ Кубанской области горы, перебравшись черезъ которыя, онъ удалился-бы отъ моря и подвергнулся опасности быть совершенно уничтоженнымъ, такъ какъ появленіе его тамъ уже не могло быть непредвидѣннымъ.

Такимъ образомъ, повидимому, непріятелю приходилось удовольствоваться лишь временнымъ обладаніемъ оставленной нами ничтожной части береговой полосы, удерживая которую, ему необходимо было имѣть возлѣ нея постоянно и безъ всякой особенной для себя пользы, какъ вредный намъ на Черномъ морѣ турецкій флотъ; и самая уступка этого ничтожнаго пункта, который иначе потребовалъ бы съ нашей стороны несоразмѣрнаго съ его значеніемъ количества силъ и жертвъ, особенно, когда она совершается современно и занимаетъ у непріятеля извѣстныя силы, которыми онъ могъ бы съ несравненно большимъ успѣхомъ воспользоваться на другомъ пунктѣ, такая уступка, по справедливости, не можетъ равняться неуспѣху.

Такова возможно полная оцѣнка факта, оставленія нами Абхазіи и дѣйствій сухумскаго отряда генерала Кравченко.

Къ числу этому относились дѣйствія наши въ Азіятской Турціи, гдѣ колонны нашихъ войскъ, постепенно сближаясь, входили между собою въ непосредственную связь и вводили русское управленіе въ занятыхъ ими округахъ.

Александропольскій корпусъ, занимая центральную позицію у Занма, высылалъ сильные кавалерійскіе отряды по обѣ стороны Карса для рекогносцировокъ, а

также съ цѣлью затруднить сообщеніе крѣпости съ Эрзерумомъ и для введенія русскаго управленія въ окрестныхъ округахъ. Такъ, 24-го апрѣля, летучіе отряды, направленные съ двухъ сторонъ,—отъ Кульпъ, графа Граббе и отъ Визинкева, генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, всего, въ составѣ трехъ конныхъ полковъ, заняли городъ Кагызманъ, находящійся въ 55 верстахъ къ югу отъ Карса и ввели тамъ русское управленіе. Два дня спустя, другой поискъ былъ произведенъ къ сѣверо-западу отъ Карса отрядомъ генерала Шереметьева, состоявшимъ изъ одного драгунскаго полка и трехъ сотенъ казаковъ. Этотъ небольшой кавалерійскій отрядъ, при обратномъ слѣдованіи, имѣлъ горячее дѣло съ непріятелемъ, высланнымъ изъ Карса, на перерѣзъ нашей кавалеріи, колону изъ всѣхъ трехъ родовъ оружій (четыре баталіона, баттарея и нѣкоторое число конницы). Въ этомъ дѣлѣ, употребленіе кавалеріею, пѣшаго строя и скорострѣльныхъ ружей, которыми вооружены драгуны и казаки, принесло большую пользу: часть кавалеріи спѣшилась и огнемъ своимъ удержала непріятеля до тѣхъ поръ, пока отрядъ прошелъ мимо занятой турками позиціи.

Съ этимъ Александропольскимъ корпусомъ, успѣлъ войти въ сообщеніе Ахалцыхскій отрядъ, который подошелъ къ Ардагану (откуда идетъ прямая дорога на Ольти и Эрзерумъ) и произвелъ осмотръ мѣстности.

Рекогносцировка, бомбардированіе и штурмъ Ардагана.

Извѣстно, что Ардаганъ имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе, придаваемое ему его положеніе на

пересѣченіи дороги изъ Батума въ Карсъ съ тою, которая ведетъ отъ Ахалцыха къ Ольтѣ. Въ виду этого значенія турки постарались укрѣпить этотъ пунктъ на столько, что сверхъ прежней ардаганской цитадели, сдавшейся въ минувшую войну безъ боя, ими возведено въ окрестностяхъ Ардагана множество укрѣпленій и передовыхъ фортовъ.

Ахалцыхскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Девеля, уже стоялъ подъ Ардаганомъ; но чтобы усилить этотъ отрядъ и нанести Ардагану рѣшительный ударъ, изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса отдѣленъ былъ отрядъ, который подъ личнымъ начальствомъ командующаго корпусомъ генерала Лорисъ-Меликова, выступилъ 28-го апрѣля изъ Зайскаго лагеря и направился чересъ Джелаусъ и Омеръ-Ага къ Ардагану. 1-го мая этотъ отрядъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, и командующій корпусомъ тотчасъ же отправился на рекогносцировку, разрѣшивъ лицамъ, составлявшимъ его штабъ и слѣдовавшимъ за нимъ сопутствовать ему, если они того пожелаютъ.

Около 11-ти часовъ утра командующій корпусомъ выѣхалъ изъ лагеря у сел. Гельгали, сопровождаемый своимъ штабомъ, сотнею терскихъ казаковъ и незначительнымъ числомъ мѣстныхъ милиціонеровъ. Корреспондентъ этого описанія высказывалъ, что они подымались все въ гору, наводя почти ежеминутно бинокли на укрѣпленія Геляверды, грозно смотрѣвшія на нихъ съ высоты. Они должны были взобраться на высоты, лежащія почти въ одномъ уровнѣ съ этими передовыми укрѣпленіями, и съ гребня этихъ высотъ осмотрѣть расположеніе всѣхъ вообще ардаганскихъ укрѣпленій.

Городъ Ардаганъ лежитъ въ цвѣтущей долинѣ рѣки Куры, у того мѣста, гдѣ долина эта примыкаетъ къ тѣсному ущелью рѣки Куры, спертому съ обѣихъ сторонъ довольно значительными горами, подступающими къ самой рѣкѣ. Городъ расположенъ амфитеатромъ на лѣвомъ берегу Куры, фронтомъ къ долинѣ. Цитадель примыкаетъ къ нему съ восточной стороны. Съ пункта наблюденій могли видѣть лишь незначительную часть города и цитадели. Остальныя части закрыты были высотами, усѣянными укрѣпленіями. Видна была часть этихъ укрѣпленій и вся ардаганская равнина.

У Ардагана р. Кура, вступая въ свою тѣснину, образуетъ поворотъ почти прямымъ угломъ. Со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ западной; тутъ толпятся бугры и высоты, господствующіе надъ городомъ и ущельемъ Куры. На большой части этихъ бугровъ и высотъ турками возведены форты, и въ эти форты нагромождено множество орудій всякаго калибра. Еще прошлою зимою, по словамъ жителей, сюда привезено изъ Карса 12 круповскихъ большаго колибра („запряженныхъ 70-ю паръ быковъ и буйволовъ“, какъ увѣряли мѣстные жители).

Важнѣйшимъ укрѣпленіемъ несомнѣнно слѣдуетъ считать фортъ Рамазанъ, построенный на горѣ Магласе, къ сѣверу отъ Ардагана, и господствующій не только надъ городомъ, но и надъ большею частію, если не всѣми, ардаганскими укрѣпленіями. Со стороны Ардагана онъ неприступенъ, такъ какъ гора Магласе, возвышается надъ равниной почти отвѣсною скалою. Единственный доступъ къ Рамазану — со стороны горы Гюргуна, еще и

теперь покрытой снѣгомъ, прегражденъ тѣмъ; что фронтъ укрѣпленій обращенъ именно въ эту сторону, а не къ городу или ущелью. Очевидно, турки, боясь занятія русскими горы Магласе, построили фортъ Рамазанъ съ единственною цѣлью воспротивиться такой попыткѣ.

У подножья г. Магласе, какъ разъ на Ахалцыхской дорогѣ, возведено укрѣпленіе Кара-ташь чухуръ, въ 700 саженяхъ отъ Ардаганской цитадели. Гораздо ближе къ ней возведены, на лѣвомъ берегу Куры, на возвышенности, господствующей надъ Ардаганомъ, два укрѣпленія Кая-Баши №№ 1 и 2, первое въ 150 саженяхъ отъ цитадели, а второе—въ 200 саж. На правомъ берегу Куры построены укрѣпленія Ахали-Табіэ, Казъ-Тапаси и Сингеръ, всѣ трое на значительной высотѣ. Всѣ эти форты и укрѣпленія оберегаютъ Ардаганъ съ сѣвера, востока и юга. Независимо отъ нихъ, въ долинѣ р. Куры, на низменности, стоятъ укрѣпленія Дюзъ, Мехрабъ и Кудіанъ-Чипръ, господствующія надъ дорогами въ Ольту и Батумъ. На правомъ же берегу Куры, съ восточной стороны Ардагана возвышаются форты Чума-Кеннъ и Гюля-Верди. Послѣдній господствуетъ надъ всѣми безъ исключенія ущеліями, ведущими къ Ардагану съ восточной, южной, и даже отчасти съ сѣверной стороны, и построенъ на громадной высотѣ, видной за 15-ть верстъ въ окрестностяхъ.

Ближайшее изъ укрѣпленій праваго берега отстоитъ отъ ардаганской цитадели на 500 саженей. Отдаленнѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее – Гюля-Верди— на 4 версты.

Въ такомъ положеніи Ардаганъ представлялся силь-

нѣйшимъ образомъ укрѣпленной позиціею. Его цитадель окружена со всѣхъ сторонъ отдаленными передовыми укрѣпленіями, большею частью возведенными на значительномъ возвышеніи.

Наши войска подступили къ Ардагану около 20-го апрѣля, съ сѣверо-восточной стороны. Ахалцыхскій отрядъ генерала Девеля расположенъ былъ лагеремъ въ Чегестанѣ и Ольгенѣ. Подошедшая же 1-го мая часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса расположилась лагеремъ съ юго-восточной стороны, сперва подъ Бурдосаномъ, а затѣмъ близь Алагеза, чѣмъ она отрѣзала Ардаганъ отъ Карса.

1-го мая, какъ только отрядъ дѣйствующаго корпуса прибылъ къ Бурдосану, командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, предпринялъ рекогносцировку ардаганскихъ укрѣпленій, какъ сказано около 11 часовъ утра кромѣ упомянутой милиціи и казаковъ терскихъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхали: начальникъ его штаба С. М. Духовскій, начальникъ пѣхоты дѣйствующаго корпуса генералъ Гейманъ, корпусный хирургъ Я. П. Малининъ, полковникъ П. Ф. Семеновъ и большая часть лицъ составлявшихъ корпусный штабъ. Генералъ Гейманъ, то отставалъ отъ колонны, чтобы осмотрѣть иные пункты, то присоединялся къ ней. Его всюду сопровождалъ начальникъ кавалерійской дивизіи отряда генералъ Шереметьевъ. Всѣ взбирались на возвышенность, стоящую какъ разъ противъ Гюля-Верди, почти на одномъ съ нимъ уровнѣ, въ $2^1/_4$ версты отъ этого укрѣпленія. Чтобы судить о высотѣ этихъ пунктовъ, удостовѣряетъ то, что снѣгъ еще уцѣлѣлъ частями на нихъ, и стѣны укрѣ-

леній, какъ и гребень той высоты, на которую взбирались, оттѣнялся значительными залежами уцѣлѣвшаго снѣга. Гора же Гюргуна, господствующая надъ Рамазанскимъ фортомъ, какъ и весь хребетъ, къ которому она примыкаетъ, также покрыта была толстымъ слоемъ снѣга.

На полупути заяцъ перебѣжалъ дорогу шедшей колоннѣ, передъ самою головою ея. У многихъ пресутствовавшихъ по тѣлу забѣгали мурашки, но никто не сказалъ ни слова. Мертвое молчаніе, когда многимъ, очевидно, хотѣлось вспомнить русское народное повѣрье, лучше всего свидѣтельствовало, что никто не въ духѣ былъ острить или смѣятся.

Когда взобрались на гребень, передъ всѣми открылась чудная картина; большая часть ардаганской равнины лежала точно на ладони. Кура вилась по ней свѣтлою змѣйкою, оттѣняя своими блестящими каскадами ея изумрудную зелень, рѣзко бросающуюся въ глаза, благодаря блѣдно коричневому цвѣту всѣхъ сосѣднихъ возвышенностей и всего пройденнаго пути. Деревни и мѣстечки толпились по берегамъ рѣки, испещренной въ добавокъ множествомъ мельницъ и отдѣльныхъ строеній. Во всѣ стороны вились грунтовыя дороги, обнаруживавшія богатѣйшій черноземъ всей долины. Эта свѣтлая зелень, эта—хрустальная змѣйка рѣки и черныя ленточки дорогъ увѣнчены были по обѣимъ сторонамъ снѣгомъ, лежавшимъ на темнозеленыхъ высотахъ хребтовъ, окаймляющихъ эту чудную долину. Для вящаго эффекта, на право возвышалась гора Магласе, вся темно-коричневаго цвѣта, съ укрѣпленіями, такого же

колорита. Все это, освѣщенное яркими лучами солнца, переносило мысль и воображеніе въ область чистыхъ поэтическихъ наслажденій, весьма отдаленныхъ отъ цѣли поѣздки.

Прямо, противъ рекогносировавшихъ возвышалась высота Гюля-Верди, усѣянная крѣпостными стѣнами, орудіями и массою любопытныхъ турокъ, высыпавшихъ на валъ поглядѣть на отрядъ и прозрѣть помышленія рекогнасцировавшихъ. Впереди главнаго возвышенія выставлялось другое, нѣсколько менѣе значительное, на которомъ красовалась оттоманская военная публика и видны были какія-то земляныя работы, по безъ пушекъ, рвовъ и каменныхъ стѣнъ. Еще дальше къ сѣверу, на отлогости третьей возвышенности, бѣлѣлись палатки, межъ которыми сновали турецкіе солдаты. Все это было близко, точно рукою подать и въ бинокль видны были почти всѣ движенія „осаждаемыхъ“.

Въ добрый часъ, всѣ смотрѣли спокойно любуясь необычайной прелестью вида и удивляясь апатическому положенію турецкихъ силъ, — поминутно у всѣхъ срывалось съ языка: отчего нестрѣляютъ въ отрядъ? что это значитъ?

Въ то время, когда главнѣйшія лица штаба подошли къ гребню горы и принялись внимательно разсматривать турецкія укрѣпленія, свитѣ командующаго корпусомъ и его конвою дано было приказаніе держаться поодаль, подъ прикрытіемъ гребня горы. Кромѣ того лицамъ допущеннымъ къ гребню, сказано было держаться не кучками, и въ разбросъ. Поэтому каждый держался въ одиночку, кромѣ не большой группы, окружавшей командующаго корпусомъ по обязанности службы.

Наконецъ, все было осмотрѣно и отрядъ тронулся въ обратный путь по гребню и частію подъ его прикрытіемъ. Съ противоположной стороны гребня ѣхалъ къ отряду мѣрными шагами генералъ Гейманъ, сопутствуемый генераломъ Шереметьевымъ и пятью казаками. Фигуры этихъ всадниковъ ярко очерчивались всѣмъ корпусомъ, надъ гребнемъ горы, высокія, стройныя и мужественныя. Онѣ какъ будто вызывали крупповскія орудія форта на выстрѣлъ.

По приближенію къ отряду Геймана, вдругъ послышался глухой гулъ, какого-то взрыва. Прошло нѣсколько секундъ и раздался шипящій свистъ, точно самъ звукъ шелъ поспирали. Описывающій это корреспондентъ, поднялъ голову, чтобы разглядѣть гранату, но, конечно, ничего не увидѣлъ въ воздухѣ. За то въ пятнадцати или много въ двадцати шагахъ отъ Геймана, почти у хвоста лошади послѣдняго казака его свиты, послышался другой взрывъ и вдругъ изъ земли поднялся громадный букетъ осколковъ гранаты, кусковъ земли и спугнутыхъ птичекъ. Желтоватый дымъ служилъ фономъ этого букета.

Ни для кого изъ присутствующихъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что за первымъ выстрѣломъ послѣдуютъ и другіе. Не менѣе ясно было, что турецкіе артиллеристы великолѣпные стрѣлки: попасть такъ мѣтко въ линію, почти въ ту самую точку, на которой въ моментъ выстрѣла находилась группа Геймана, и попасть на разстояніи 1,100 саженей,—что ни говорите, а это не мало. Всѣ понимали, что второй выстрѣлъ, или слѣдующій за нимъ, направлены

будутъ въ командующаго корпусомъ, и были увѣрены, что второй выстрѣлъ перелетитъ, черезъ его голову, чтобы задѣть его многочисленный конвой, скрывавшейся за гребнемъ. Но прошло съ добрыхъ полчаса, а выстрѣла не раздавалось. Генералъ Лорисъ-Меликовъ совѣщался на гребнѣ, противъ форта, съ Гейманомъ, Духовскимъ и генераломъ Девелемъ; только что прибывшимъ послѣ выстрѣла, изъ ахалцыхскаго отряда. Всѣ они поминутно смотрѣли на укрѣпленія въ бинокль, разворачивали и разсматривали карты и планы фортовъ, провѣряя ихъ съ дѣйствительностью, и показывая другъ другу руками на тотъ или другой выгодный пунктъ нападенія. Если бы турки были слѣпы, и тогда бъ они должны были понять, что предъ ними не простые туристы или офицеры, а наивысшіе начальники осаждавшихъ войскъ. Но группа командующаго корпусомъ нетрогалась. Она высокомѣрно выставляла себя мишенью турецкихъ орудій. Всѣ сознавали, что вотъ вся эта группа будетъ превращена въ порошокъ. Такъ прошло слишкомъ полчаса. Наконецъ, увидѣли струю дыма на стѣнѣ форта. Черезъ нѣсколько секундъ раздался снова гулъ, повидимому, сильнѣе перваго. Снова пронесся свистъ, долгій, пранзительный, рѣзкій, и снова послышался взрывъ гранаты, далеко позади всѣхъ, по направленію къ конвою. Мурашки забѣгали по кожѣ отъ одной мысли, что человѣкъ двадцать уже погибло отъ этого мѣткаго выстрѣла. Любопытство тянуло каждаго къ мѣсту взрыва гранаты, но отвращеніе къ виду крови и ожиданіе новыхъ выстрѣловъ, направленныхъ къ гребню, удержало каждаго на прежнемъ мѣстѣ,

близь этого гребня. И дѣйствительно, не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ самою группою командующаго корпусомъ съ грохотомъ разорвалась также граната, осыпавшая, какъ показалось, своими осколками весь главный штабъ. Но сдѣлавъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ по направленію къ группѣ видно было, что всѣ цѣлы и невредимы. Скоро потомъ всѣ спустились къ тому мѣсту, гдѣ разорвало вторую гранату. Она разорвалась въ дребезги передъ сотнею Моздокскаго Гребенскаго полка. Осколокъ ея задѣлъ шею одной изъ лошадей, среди строя, и, пролетѣвъ ей черезъ шейные позвонки, мигомъ уложилъ ее на мѣстѣ. Всѣ же прочія остались цѣлы.

Спустившись по горѣ, отправились въ обратный путь, также тихо, шагомъ, останавливаясь, какъ пришли.

Рекогносцировка, чуть было не превратилась въ трагедію, но кончилось девертисментомъ во вкусѣ стародавнихъ драмъ. Отрядъ приходилъ понюхать пороху и ушелъ обратно. Казалось-бы тутъ и дѣлу конецъ. Такъ нѣтъ-же! На возвратномъ пути, и на томъ же мѣстѣ, гдѣ заяцъ перебѣжалъ дорогу, — снова выскочилъ заяцъ, быть можетъ, тотъ-же самый. Онъ полетѣлъ стремглавъ впередъ, закинувъ длинныя свои уши на спину и высоко задравъ свое бѣлое подобіе хвоста. За нимъ помчалась собака полковника князя Эристова, пріѣхавшаго съ генераломъ Девелемъ. Поднялись веселые крики „ату его, ату его“ и бѣдный заяцъ скоро палъ жертвою похода на Ардаганъ Его принесли съ тріумфомъ къ хозяину собаки и запрятали въ сумку сопровождавшаго его казака. На этотъ

разъ появленіе зайца вызвало со всѣмъ не то чувство, какъ въ первый разъ, и суевѣры могли удостовѣриться воочію, что народныя повѣрья сплошь и рядомъ оказываются вздорными.

Въ самомъ дѣлѣ, быть предъ носомъ непріятеля, стоящаго въ фронтахъ за дальнострѣльными орудіями, получить по четкому адресу три гранаты, разлетѣвшіяся въ клочки среди того количества народу и ограничиться потерею одной лишь лошади, —да! можетъ ли быть, что-нибудь счастливѣе этого?

Наши войска, подошли къ Ардагану съ двухъ сторонъ. Ахалцыхскій отрядъ подошелъ съ сѣверо-востока, а часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса—съ юго-востока.

1-го мая генералъ Лорисъ-Меликовъ произвелъ описанную выше рекогносцировку укрѣпленій. 2 и 3-го мая употреблены были на подготовленіе аттаки и на подвозъ артиллеріи, въ особенности осадной, привезенной чрезъ Ахалкалаки и Ольченъ. Ночью съ 3-го на 4-е мая установлены были инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ наши баттареи на высотахъ обстрѣливаемыхъ непріятелемъ, т. е. доступныхъ огню его фортовъ. Какъ провозъ осадной артиллеріи изъ лагеря Ахалцыхскаго отряда въ нашъ лагерь у Алагеза, такъ и установленіе баттареи, могли встрѣтить сильнѣйшее сопротивленіе со стороны турокъ. Но и то, и другое было сдѣлано ночью, съ замѣчательною ловкостью и осторожностью съ нашей стороны, при непонятномъ невниманіи непріятеля. Турки, вообще говоря, пропускали мимо своихъ фортовъ наши отдѣльныя колонны,

не тревожили ихъ своими выстрѣлами, не смотря на то, что онѣ проходили на разстояніи ближе пушечнаго выстрѣла. Все время до открытія бомбардированія турки стрѣляли вяло и скупо, быть можетъ съ цѣлью, приберечь снаряды про критическія минуты. Слѣдуетъ ли приписать этому разсчету то обстоятельство, что турецкіе форты не воспрепятствовали сооруженію нашихъ баттарей, или дѣло объясняется просто тѣмъ, что турки въ темнотѣ не замѣтили нашихъ работъ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что наши войска безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля успѣли установить всѣ свои баттареи. Только разъ, когда батальонъ Эриванскаго полка, подкрѣпленный за тѣмъ батальономъ Тифлисскаго, занялъ высоты подъ селеніемъ „Гурджи-бекъ“, въ него пущено было изъ Геляверды до 24-хъ или 30-ти гранатъ, непричинившихъ особеннаго вреда войскамъ. Эти высоты господствуютъ надъ городомъ и надъ правобережными передовыми его укрѣпленіями, хотя и обстрѣливаются съ Геляверды и съ Казъ-Тапасъ Тутъ установлена была одна изъ нашихъ баттарей, изъ трехъ девятифунтовыхъ орудій и двухъ мортиръ. Къ сожалѣнію мортиры не могли быть подвезены на высоту въ желаемое время. Разсвѣтъ засталъ ихъ на ея склонѣ.

Другая баттарея, еще важнѣе этой, какъ по своему составу, такъ и по значенію, возведена была на возвышенности, надъ дер. Бурдосанъ, противъ Геляверды, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда командующій корпусомъ производилъ рекогносцировку 1-го мая, и куда долетали непріятельскія гранаты, направленныя въ него. Эта баттарея должна была громить Геляверды и сосѣднія

съ ними укрѣпленія, лежащія значительно выше ея самой. За тѣмъ съ южной стороны отъ села Саписхеви почти до Гурджибека заложены были на склонѣ Алагеза 4 баттареи на различныхъ мѣстахъ и высотахъ частію полевыя, частью же осадныя. Эти послѣднія баттареи должны были бомбардировать городъ и ближайшіе форты праваго берега – Казъ-Тапаси, Слигеръ, Дюзъ и Ахалн-Табіэ.

Всѣ наши баттареи, какъ сказано, возведены были на высотахъ, доступныхъ артиллерійскому огню —непріятельскихъ фортовъ, что несомнѣнно говоритъ въ пользу строителей ардаганскихъ укрѣпленій, съумѣвшихъ затруднить аттаку этой важной позиціи.

4-го мая, рано утромъ, большая часть баттарей готовы были открыть огонь. Но для того чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ баттарей еще не вполнѣ установленныхъ, —генералу Девелю, начальнику Ахалцыхскаго отряда, поручено было открыть съ сѣвера перестрѣлку. Съ этою цѣлью генералъ Девель придвинулъ къ укрѣпленіямъ свои войска и открылъ канонаду Кубанскою конною баттареею. Ему отвѣтили изъ Геливерды непрерывнымъ рядомъ залповъ, и съ этой сѣверной стороны артиллерійская перестрѣлка тянулась довольно долго, безъ особенныхъ, впрочемъ, результатовъ.

Около 7-ми часовъ утра командующій корпусомъ объѣхалъ Алагезскія баттареи, измѣнилъ отчасти ихъ расположеніе, выдвинувъ нѣкоторыя изъ нихъ на нѣсколько сотъ саженъ впередъ. Ровно въ 8 часовъ была пущена сигнальная ракета и всѣ наши баттареи, полукругомъ опоясывавшія съ юго-востока Ардаганъ и всѣ

его укрѣпленія, одновременно открыли огонь. Пальба производилась на каждой баттареи по очереди, съ промежуткомъ около двухъ минутъ между выстрѣлами. Особенно громки были выстрѣлы нашихъ новыхъ двухъпудовыхъ мортиръ, бьющихъ въ цѣль почти на 6 верстъ. Въ отвѣтъ на первые же наши выстрѣлы загудѣли форты: Слигеръ, Казъ-Тапаси и Геляверды, и даже самъ Рамазанъ пустилъ въ пространство нѣсколько гранатъ, очевидно для очищенія совѣсти, такъ какъ его выстрѣламъ недоступны были наши баттареи, да и всѣ вообще городскія укрѣпленія. Первые выстрѣлы непріятеля ложились въ цѣлой верстѣ отъ нашихъ баттарей, тогда какъ наши орудія свободно забрасывали гранатами рвы и стѣны ардаганскихъ укрѣпленій. Но съ теченіемъ времени гранаты все болѣе и болѣе начали приближаться, канонада съ обѣихъ сторонъ велась усердно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большимъ оживленіемъ.

Часовъ въ 11-ть командующій корпусомъ, сопутствуемый его штабомъ, двинулся къ главной баттареи, возведенной на возвышенности надъ Бордосаномъ. Тутъ гранаты летали, какъ градъ, падая межъ орудіями и зарядными ящиками. Здѣсь штабъ остался за пригоркомъ вплоть до самаго начала штурма.

Нужно отдать справедливость турецкой артиллеріи,— она стрѣляла мѣтко. Въ теченіе двухъ часовъ, съ 11-го до 1-го, какъ высказываетъ корреспондентъ, что при его глазахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разорвалась не одна дюжина гранатъ. Другія перелетали тутъ же неподалеку, разлетаясь въ дребезги. А между тѣмъ ни одна изъ лопнувшихъ гранатъ не убила и не ранила

никого рѣшительно, ни людей, ни лошадей. Одна изъ гранатъ упала буквально въ 4—5 шагахъ отъ казака, стоявшаго съ лошадью. Онъ пригнулся, граната разлетѣлась съ грохотомъ и казакъ сейчасъ же всталъ, живъ и невредимъ. Этой странности повѣрить нельзя, еслибы кто-нибудь разсказывалъ, замѣчаетъ корреспондентъ, но онъ самъ видѣлъ собственными глазами, — подобную счастливую случайность.

Между тѣмъ со стороны Ахалцыхскаго отряда поведена была аттака противъ передовыхъ эполементовъ, защищавшихъ лагерь, расположенный къ сѣверу-востоку отъ Геляверды, на одномъ изъ отроговъ той группы возвышенностей, къ которой принадлежитъ самъ Геляверды. Солдатики шли на штурмъ со стройностью изумительною въ людяхъ, въ первый разъ видящихъ огонь. Молодые мало чѣмъ отличались отъ старыхъ ветерановъ: одинъ изъ совершенно молодыхъ солдатъ Елисаветпольскаго полка, почти еще ребенокъ, выскочилъ передъ рядами, увидя направленныя къ нимъ ружья турецкихъ солдатъ и закричалъ: „за мной ребята! я этому турку въ ротъ пулю всажу“, и всадилъ! увлекши за собою всю свою роту.

По окончаніи штурма, этого солдатика командиръ его полка, кн. Амираджиби, привелъ къ командующему корпусомъ. Генералъ Лорисъ-Меликовъ обнялъ солдата передъ цѣлымъ полкомъ, три раза поцѣловалъ его и навѣсилъ ему на грудь, отъ имени Великаго Князя,—знакъ отличія военнаго ордена, солдатскій Георгіевскій крестъ. Корреспондентъ внимательно разсматривалъ, и очень долго, фигуры солдатъ 2-го баталіона Эриванскаго полка князя Путятина, въ то

время, когда они собирались перейдти чрезъ гребень горы и начать штурмъ. Всѣ физіономіи были оживленныя, довольныя, глаза сіяли, и въ рядахъ слышались слова „наконецъ-то доберемся до нихъ“. Старикъ знаменщикъ этого баталіона 73 хъ-лѣтняго возраста, Василій Колесовъ, который еще въ прошломъ году ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію, и, вернувшись вновь записался на службу. Онъ шелъ съ 1-мъ баталіономъ, но дряхлыя кости отказывались служить, и онъ отсталъ отъ своей части. Тогда онъ упросилъ Христомъ-Богомъ командира 2-го баталіона взять его на штурмъ И онъ шелъ впередъ, какъ могъ, еле-еле передвигая ноги, поддерживаемый кучею солдатъ, восторженно смотрѣвшихъ на него.

Докторъ Я. И. Малининъ разсказывалъ корреспонденту, что больные отказывались сказаться больными, чтобы только не прозѣвать штурма. Къ нему на перевязочный пунктъ привезли раненаго, которому еще за четыре дня слѣдовало записаться въ госпиталь. Докторъ спросилъ его, отчего же ты до сихъ поръ не пришелъ въ госпиталь? „Да ваше в—діе, я этого дня давно ждалъ“. О подобныхъ фактахъ разсказывали очень многіе очевидцы, но всѣхъ случаевъ, такого молодечества перомъ не описать. Интересно также поведеніе раненыхъ: почти не слихать, не смотря на тяжелыя раны.—Раненъ?—„Раненъ!“ Куда?—„Въ ногу или въ руку“, и покуриваетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Одному солдату осколокъ гранаты оторвалъ нѣсколько реберъ, обнаживъ съ лѣвой стороны грудную полость. Его перевязываютъ, въ это время онъ говоритъ доктору. „Нѣтъ, ты лучше того лѣчи, кто легче

раненъ,—а мнѣ видно умирать надо Безъ костей, безъ мяса, безъ груди, какъ тутъ жить!“ И ни вздоха, ни слова болѣе. Такое равнодушіе къ жизни, такое хладно кровіе передъ смертью трудно представить себѣ. Не даромъ сказано про этихъ солдатъ:

„Безъ наслажденья онъ живетъ,
И безъ сожалѣнья умираетъ!“

Понятно, что съ такими солдатами чудеса можно дѣлать!

Пока елисаветпольцы, предводимые своимъ храбрымъ командиромъ кн. Амираджиби, брали штурмомъ одну укрѣпленную позицію за другою,—съ южной стороны наши баттареи „жарили“ фортъ Геляверды, осыпая его мѣтчайшими выстрѣлами. Наконецъ около 1-го часу пополудни къ командующему корпусомъ прискакалъ ординарецъ генерала Девеля, съ извѣстіемъ, что слѣдуетъ подкрѣпить его колонны аттакою, а штурмъ съ южной стороны. Наши колонны давно ждали этого момента. Генералъ Гейманъ сѣлъ на коня, и повелъ эриванцевъ и бакинцевъ на штурмъ Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятельскихъ баттарей 2¼ версты, между тѣмъ вмѣсто гранатъ отъ баттарей во всякую минуту могли шарахнуть въ войска картечью. Войска бодро шагали, разсыпавшись въ розницу и только одна группа шла сомкнутымъ строемъ, вызывая выстрѣлы, своею численностью и значкомъ, гордо развѣвавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Геляверды, впрочемъ, продолжало стрѣлять въ нашу баттарею, но когда штурмующія дошли до основанія высоты, выстрѣлы прекратились. Наши баттареи

тоже замолчали, чтобы не попасть въ своихъ. Сердце у всѣхъ билось какъ въ лихорадкѣ, и казалось, что выстрѣлы турокъ пріостановлены только для того, чтобы перемѣнить гранатные снаряды на картечные. Но оказалось, что въ этихъ предположеніяхъ ошиблись. Въ это время, какъ узнали въ послѣдствіи, елисаветпольцы подходили штурмомъ къ форту, и, конечно, осажденнымъ было уже не до нашей баттареи.

Елисаветпольцы уже вломились въ укрѣпленіе, когда эриванцы и бакинцы подошли къ нему съ юга. Непріятель же бѣжалъ, какъ только наши солдаты подошли ко рвамъ, не успѣвъ взять съ собою ни орудій, ни снарядовъ, ни даже заклепать пушки. Остались до послѣдней крайности и бились до смерти одни лишь артиллеристы, это лучшее оружіе турецкаго войска. Они усѣяли своими трупами рвы, крѣпости и платформы своихъ баттарей.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Лорисъ-Меликовъ двинулся съ своимъ штабомъ въ укрѣпленіе. Войска встрѣтили его восторженно, оглася воздухъ несмолкаемыми криками „ура“ и бросая вверхъ шапками. Командующій корпусомъ поблагодарилъ ихъ за службу, сказалъ, что они „первые обрадовали Царя и матушку Россію“, что вызвало трудно вообразимый энтузіазмъ. На глазахъ многихъ,—какъ солдатъ, такъ и повыше,—замѣтны были навертывавшіяся слезы. Но отъ великаго до смѣшнаго—одинъ лишь шагъ: въ строю Елисаветпольскаго полка стоялъ плѣнный турецкій низамъ, который въ тактъ съ нашими солдатами кричалъ „ура“, блѣдный какъ полотно, и тоже въ тактъ

съ ними подбрасывалъ свою красную феску! Фортъ Рамазанъ, безмолвно взиравшій издалека на это торжество, долженъ былъ покраснѣть за измѣну турецкаго военнопленнаго. Но онъ впрочемъ, и безъ того достаточно красенъ!

Корреспондентъ замѣчаетъ, что онъ, объѣзжая укрѣпленія Геляверды, невольно былъ пораженъ мѣткостью и силою нашихъ выстрѣловъ. Почти всѣ снаряды попали въ баттареи или передъ ихъ прикрытія. Вся крѣпость изрыта и изрѣшетчата была гранатами. Земляной блиндажъ казематовъ на половину свалился. Трупы валялись искалѣченные, обезображенные, обезглавленные, посинѣлые. У входа въ казематъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, сложивъ на груди руки и свѣсивъ голову, закрытую башлыкомъ, — раненный турецкій солдатъ, весь истекавшій кровью; другіе раненые лежали или валялись тамъ и сямъ. Солдаты наши съ любопытствомъ осматривали военно-плѣнныхъ....

По лицамъ убитыхъ или плѣнныхъ и бѣглыхъ было видно, что турецкія войска, въ Азіатской Турціи, терпѣли всевозможныя лишенія и страданія: они блѣдны, тощи, со впалыми до ужаса глазами, съ апатическимъ выраженіемъ лица, оборваны, общипаны, босы и наги.

Вскорѣ по взятіи Геляверды, командующій корпусомъ вернулся въ лагерь. Когда проѣзжали въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Слингера, у подошвы горы А. А., надъ нашими головами съ необычайнымъ свистомъ пролетѣли одна послѣ другой три гранаты, визгъ которыхъ заставилъ плясать нашихъ лошадей. Гранаты зарылись въ землю далеко выше насъ.

Паденіе Ардагана.

Взятіемъ Геляверднискихъ укрѣпленій, — которыя, какъ оказывается, турки величали именемъ укрѣпленій Эмиръ-Оглу,—была выполнена лишь часть задачи, но до главной цѣли было еще далеко. На 5-е мая предполагалось лишь продолжать бомбардированіе остальныхъ укрѣпленій. Что же касается до употребленія открытой силы, т. е. штурма, опредѣленіе его момента зависѣло отъ результатовъ бомбардированія. Утромъ 5-го мая наши баттареи установлены были на взятой Геляверди, значительно ниже турецкихъ укрѣпленій, занятыхъ наканунѣ, по скату горы къ Ардагану. Здѣсь поставлены были двѣ баттареи, каждая изъ восьми, девяти-фунтовыхъ орудій. Эти баттареи составляли правое крыло аттакующихъ. Въ центрѣ, на высотѣ горы, окрещенномъ именемъ „пунктъ А. А.“, осталась баттарея, дѣйствовавшая тутъ на канунѣ и составленная изъ четырехъ осадныхъ девяти-фунтовыхъ орудій. Часть этихъ орудій, наканунѣ направленная противъ Геляверди, повернута была въ сторону города. На лѣвомъ флангѣ, по скатамъ горы Алагезъ, расположены были четыре баттареи, изъ которыхъ одна вооружена была тремя шести-дюймовыми мортирами, другая—двумя такими же мортирами, а двѣ остальныя — девяти-фунтовыми полевыми орудіями, по восьми въ каждой. Баттареи алагезскаго склона были спущены и установлены гораздо ниже тѣхъ высотъ, гдѣ они стояли наканунѣ и несравненно ближе къ городскимъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ всѣ названныя выше наши баттареи

обхватывали полукругомъ оставшіяся укрѣпленія Ардагана.

Позади этихъ баттарей, довольно далеко отъ расположенія ихъ зарядныхъ ящиковъ, стояла въ безопасномъ мѣстѣ пѣхота, скрытая отъ непріятеля неровностями пригорокъ.

Цѣлое утро прошло въ выжиданіи отвѣта ардаганскихъ жителей, на сдѣланное имъ предложеніе—сдаться безъ дальнѣйшаго боя. Но турецкія власти предложили такія условія сдачи, что принять ихъ было невозможно: онѣ требовали, чтобы войскамъ дано было право выступить изъ укрѣпленій, вывезти оружіе, запасы, орудія, имущество и т. п., и удалиться безъ всякихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Вслѣдствіе этого, въ 3 часа пополудни началась канонада города и его правобережевыхъ укрѣпленій. Наша артиллерія мѣткостію своей стрѣльбы въ этотъ день превзошла всѣ ожиданія. Снаряды ея сыпались градомъ въ ограду укрѣпленій и разрывались съ ужасающимъ громомъ среди артиллерійской прислуги непріятеля. Внутреннее пространство этихъ укрѣпленій буквально изборожденно и взрыто нашими снарядами и масса грудою валявшихся тутъ труповъ непріятеля свидѣтельствовала объ убійственности снарядовъ. Съ своей стороны, турки отвѣчали изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій, за исключеніемъ Рамазана, хранившаго упорное молчаніе и тѣмъ сильно интриговавшаго всѣхъ участниковъ аттаки. Укрѣпленія Кая-Баши, Слигеръ-Дюзъ, Ахали-Табіе и Мехрабъ безъустанно забрасывали гранатами наши баттареи, но вреда отъ ихъ выстрѣловъ причинялось очень мало, потому что большая

часть снарядовъ не долетала до баттарей и ложилась у валовъ прикрывавшихъ наши орудія. Но съ продолженіемъ бомбардировки, непріятельскіе форты все болѣе и болѣе ослабляли огонь своихъ орудій, и это ослабленіе сочтено было наилучшимъ доказательствомъ дѣйствительности нашего артиллерійскаго огня. Почва штурма показалась достаточно подготовленною, и не смотря на то, что было уже довольно поздно, и что до сумерекъ оставалось всего лишь два часа; — въ 6 часовъ вечера командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ далъ сигналъ къ штурму.

Ахалцихскій отрядъ, отличившійся наканунѣ при взятіи штурмомъ Гелявердскихъ укрѣпленій, не принималъ ни малѣйшаго участія въ штурмѣ 5 мая. Онъ расположенъ былъ къ сѣверу отъ Геляверды, — на обоихъ берегахъ нижняго теченія Куры. Правый флангъ аттакующихъ составлала колонна генерала Геймана, изъ двухъ батальоновъ 1-го и 4-го Эриванскаго полка и 4-й роты перваго сапернаго батальона. Въ резервѣ эта колонна имѣла батальонъ 2-й того же Эриванскаго полка. Во главѣ колонны, какъ и наканунѣ, ѣхалъ генералъ Геймань; съ инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ, пошедшимъ на штурмъ, не смотря на то, что онъ былъ не только главнымъ, но и единственнымъ инженеромъ отряда. За ними слѣдовалъ кучкою штабъ генерала Геймана, съ его синимъ значкомъ. Пѣхота этой колоны, шедшая стрѣлковыми цѣпями, слѣдовала сначала по балкѣ, идущей отъ Гелявердскихъ высотъ по направленію къ укрѣпленію Слигеръ, составляющему, благодаря новѣйшимъ работамъ, одно

укрѣпленіе съ прежнимъ отдѣльнымъ люнетомъ Казъ-Тапаси. По другой балкѣ и тѣмъ же высотамъ, и потому же направленію, и также разсыпнымъ строемъ, подвигались два батальона Бакинскаго полка. Стоявшія на тѣхъ же высотахъ двѣ баттареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады въ началѣ штурма, участили свои выстрѣлы въ укрѣпленіе Слигеръ; но вскорѣ послѣ начала аттаки онѣ снялись и пошли впередъ на помощь штурмующихъ.

Въ центрѣ, по балкамъ Алагезскаго ската, выдвинулись два батальона Тифлискаго полка, направившіеся къ укрѣпленіямъ Дюзъ и Ахали-Табіэ. Эти батальоны тоже двигались разсыпнымъ строемъ, перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому и представляя видъ нѣсколькихъ стрѣлкокыхъ цѣпей.

На лѣвомъ флангѣ между деревнями Сазора и Санисъ-хеви, выступилъ 4-й батальонъ Тифлисскаго же полка, имѣвшій цѣлью предмостное укрѣпленіе Мехрабъ, послѣднее изъ правобережныхъ укрѣпленій Ардагана. Въ подспорье этому батальону двигалась кавалерія, изъ дивизіона Тверскаго драгунскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ конной Кубанской артиллеріи, стоявшей на высотахъ противъ деревни Чунчури и подвигавшейся по Ольтинской дорогѣ.

Съ начала штурма непріятель напрегъ всѣ свои усилія: онъ принялся стрѣлять изъ орудій картечью, и открылъ ружейный огонь гораздо раньше подступленія нашихъ силъ на ружейный выстрѣлъ. О степени смущенія непріятеля можно было судить по безпорядочности его огня: цѣлые залпы картечи перелетали черезъ

головы пѣхоты, вредя лишь немногимъ стрѣлкамъ, десятки тысячъ ружейныхъ патроновъ растрѣлены были даромъ безъ малѣйшаго ущерба для нашихъ солдатъ. Удивительнѣе всего то, что наши молодые солдаты, могшіе растеряться въ эти горячія минуты, сохранили полное спокойствіе духа; они шли медленно, не открывая огня, покрайней мѣрѣ, въ теченіи цѣлаго получаса, несмотря на сильный и непрерывный огонь непріятеля, направленный въ нихъ. Но когда они дошли до близости ружейнаго выстрѣла, они принялись стрѣлять методично, пригибая колѣно и мѣтя внимательно въ цѣль. Это замѣчательное и, неожиданное хладнокровіе нашихъ солдатъ, принесло громадную пользу штурму. Наши патроны не пропадали даромъ, пѣхота не горячилась и твердо выполнила возложенную на нее задачу; непріятель же, страдавшій отъ мѣткаго огня нашихъ стрѣлковъ и видя упорный натискъ людей, которыхъ какъ будто даже и смерть не беретъ, все болѣе и болѣе терялъ голову. Онъ угощалъ выстрѣлами, не заботясь объ ихъ мѣткости, такъ что въ иные моменты валы укрѣпленій освѣщались непрерывнымъ и сплошнымъ пламенемъ и застилались цѣликомъ густымъ облакомъ пороховаго дыма. Если бы турки въ эти моменты стрѣляли спокойно и въ прицѣлъ, нѣтъ сомнѣнія, что наши стрѣлки пострадали бы жестоко, и Богъ знаетъ, каковы бы были результаты аттаки. Но турки съ горяча палили, точно грохотомъ ружейныхъ выстрѣловъ, они хотѣли не ослабить аттакующихъ, а разсѣять свой же собственный страхъ. Какъ бы то ни было, ихъ пальба не дала серьезныхъ результатовъ. Брустверы ихъ

укрѣпленій освѣщались сплошнымъ пламенемъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ; полагали, что цѣпь нашей пѣхоты легла костьми отъ такого количества снарядовъ,—но глядь, стрѣлки перебѣгаютъ, пригибаясь осторожно, пользуясь мертвымъ пространствомъ и неровностями пути. Отъ залповъ, долженствовавшихъ уложить сотни двѣ солдатъ, погибали или падали по три, по четыри или по пяти человѣкъ.

Такимъ образомъ медленно и одновременно подвигались всѣ эти колонны, все болѣе и болѣе окружая своею цѣпью правобережныя укрѣпленія Ардагана. И чѣмъ ближе приближались онѣ къ непріятелю, тѣмъ сильнѣе становился ихъ огонь. По мѣрѣ приближенія ко рвамъ, колонны становились гуще и цѣпь превращалась въ кучки. Видя такое неопредѣленное наступленіе нашихъ войскъ, видя, что они скоро ударятъ въ штыки, непріятельская пѣхота побросала оружіе и амуницію, и стремглавъ пустилась въ бѣгство на лѣвый берегъ Куры, наводя ужасъ и панику на городскихъ жителей и на гарнизоны бережныхъ укрѣпленій. Турецкіе артиллеристы остались немного дольше; но часть ихъ была заколота, а остальная бѣжала, не успѣвъ даже заклепать множество превосходныхъ и драгоцѣнныхъ орудій, которыми вооружены были въ избыткѣ всѣ ардаганскія укрѣпленія.

Такимъ образомъ правобережныя укрѣпленія были заняты аттакующими. Предстояло переправиться на лѣвый берегъ, штурмовать лѣвобережныя укрѣпленія, и въ особенности два главныя: Кая-Баши и Рамазанъ.

Городъ Ардаганъ дѣлится Курою на двѣ не ровныя

части. На правомъ берегу стоитъ нѣсколько домовъ зажиточныхъ жителей, жилище паши, инженерная канцелярія, госпиталь, казармы, пороховой погребъ и не много убогихъ хатъ и землянокъ; остальная часть города, съ цитаделью, караванъ-сараемъ, торговыми рядами и со множествомъ частныхъ и казенныхъ зданій помѣщается на лѣвомъ берегу. Два моста соединяютъ обѣ эти части, одинъ близъ укрѣпленія Михрабъ, а другой между Силигеромъ и Кая-Баши. Первый мостъ устроенъ безъ всякихъ сводовъ, изъ круглыхъ брусьевъ, продолженныхъ по каменнымъ быкамъ. Второй же мостъ предназначенъ лишь для пѣшихъ и устланъ въ родѣ подмостокъ, поставленныхъ на козлы лубочной работы. Замѣчательное дѣло, что ни одно изъ орудій, ни одного изъ множества ардаганскихъ укрѣпленій не обстрѣливало ни одинъ изъ этихъ мостовъ! Но когда наши войска приблизились къ городу, Кая-Баши выслалъ свой гарнизонъ впередъ къ крутому спуску Куры, какъ разъ подъ вторымъ мостомъ, и этотъ гарнизонъ оттуда открылъ по нашей колоннѣ, подходившей къ мосту, сильный штуцерный огонь, причинившій не мало вреда. Но дальнѣйшее наступленіе колонны эриванцевъ навело панику и на этотъ гарнизонъ. Какъ только эриванцы перешли мостъ и начали подыматься въ гору, гарнизонъ Кая-баши бѣжалъ, предоставивъ артиллерійскую прислугу ея горькой судьбѣ.

Между тѣмъ гарнизонъ правобережныхъ укрѣпленій успѣлъ отчасти взобраться на первый обширный мостъ, чтобы по немъ бѣжать въ городъ и за городъ. Подлетѣвшая къ тому времени казачья конная артиллерія пус-

тила въ толпу, спасавшихся бѣгствомъ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, и масса солдатъ полетѣла въ воду. Остальной части отступавшихъ отрѣзанъ былъ путь къ мосту тифлисцами, занявшими его. Цѣлые батальоны турокъ, побрасавъ оружіе, бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее вплавь. Наши солдаты и тутъ преслѣдовали ихъ, и вся эта масса турокъ потонула въ Курѣ. Часть же гарнизона, спасшаяся въ госпиталѣ и сосѣднихъ казармахъ и принявшаяся стрѣлять въ наши войска изъ оконъ, была перебита или переколота солдатами Тифлисскаго полка.

Тифлисцы перебрались на лѣвый берегъ позже кавалеріи, которая пущена была для преслѣдованія бѣжавшихъ. Вслѣдъ за нею переправилась пѣхота. Перестрѣлка, впрочемъ весьма не долгая, продолжалась на улицахъ города. Но вскорѣ все успокоилось: успѣхъ нашихъ уже не оспаривался, и турки бѣгствомъ своимъ предоставили побѣдителю право распоряжаться, какъ укрѣпленіями, такъ и орудіями, запасами, снарядами и т. п.

Бѣгство турокъ было неправильное отступленіе, не спасеніе оставшихся солдатъ, а безпорядочное, одиночное и паническое разрушеніе турецкихъ войскъ: оружіе все было побросано, люди спасались кому какъ пришлось и куда ни попало. Раненые скоро поумерали въ окрестныхъ селеніяхъ. Наша кавалерія преслѣдовала бѣглецовъ на протяженіи 18-ти верстъ. Темнота ночи, не дозволявшая разглядѣть непріятеля, заставила ее вернуться назадъ въ городъ съ военноплѣнными, схваченными дорогою.

Какъ уже сказано, что упорное молчаніе Рамазанскихъ укрѣпленій приводило въ недоумѣніе всѣхъ на-

шихъ. Поминутно ожидалось, что онъ вотъ-вотъ шарахнетъ гранатами по нашимъ войскамъ. И дѣйствительно, когда колонна эриванцевъ придвигалась къ Слигеру, изъ Рамазана выкатили одно орудіе, поставили его ниже укрѣпленій, на косогоръ, и пустили изъ него въ солдатъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Но этимъ и ограничилась вся роль этой неприступной твердыни: орудіе скоро перестало стрѣлять, такъ какъ солдаты наши, подошедшіе къ валамъ Слигера, скрыты были отъ дѣйствія рамазанскихъ орудій, и выкаченная пушка такъ и осталась на косогорѣ. Послѣ взятія лѣваго берега, на Рамазанъ отряжено было два батальона Эриванскаго полка, съ приказаніемъ взойти на гору, пользуясь темнотою ночи, и къ разсвѣту аттаковать гарнизонъ. Эриванцы, подошедшіе къ Рамазану, увидѣли, что фортъ оставленъ турками, бросившими въ немъ оружіе, запасы, снаряды, и даже не докушанный супъ, и немедленно же заняли его, разумѣется, безъ выстрѣла.

При занятіи Слигера случайно столконулись инженеры, строившіе турецкіе форты и руководившіе работами, направленными противъ нихъ. Въ Слигерѣ убитъ строитель фортовъ, въ тотъ самый моментъ, когда инженеръ-полковникъ Бульмерингъ подходилъ къ валамъ Слигера во главѣ штурмовавшихъ эриванцевъ.

Командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, лично направлявшій аттаку, слѣдилъ за ея результатами со склона Алагеза, подвигаясь шагъ за шагомъ, со всѣмъ своимъ штабомъ вслѣдъ за движеніемъ штурмующихъ колоннъ. Онъ вступилъ въ городъ вслѣдъ за нашими войсками, и распорядился насчетъ призрѣнія ране-

ныхъ и приведенія въ извѣстность непріятельскихъ запасовъ и орудій. Когда наши проходили по улицамъ города, онѣ буквально завалены были трупами турокъ. Тутъ валялись не только тѣ, что убиты были при штурмѣ, но и убитые разрывами нашихъ снарядовъ, градомъ падавшихъ въ городѣ еще съ 4-го мая. Нашихъ же труповъ на улицахъ города видно было очень мало. Бѣжавшій непріятель, очевидно, уже пересталъ думать объ оборонѣ, съ тѣхъ поръ, какъ наши солдаты вступили на мостъ.

Въ сущности побѣда, по приведеніи въ извѣстность всего добытаго съ боя и по тщательномъ осмотрѣ укрѣпленій, оказывается въ высочайшей степени замѣчательною.

Наши войска взяли не фортъ какой-нибудь, не рядъ укрѣпленій, а первоклассную крѣпость, отлично выстроенную и вооруженную, съ громадными запасами, могшими продлить сопротивленіе гарнизона на цѣлые мѣсяцы. Гарнизонъ этой крѣпости былъ многочисленный, продовольствіе его было обезпечено, но чѣмъ же объяснить то, что не большая часть нашего войска смогла взять такую крѣпость съ такою быстротою, при сравнительно ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны?

На этотъ любопытный вопросъ корреспондентъ заявлялъ, что изъ направленія фасовъ почти всѣхъ ардаганскихъ укрѣпленій, въ особенности главнѣйшихъ, видно, что турки ожидали нападенія русскихъ лишь съ одной стороны,—со стороны Ахалцыха или Ахалкалака, съ сѣвера или съ сѣверо-востока. Главнѣйшія укрѣпленія направлены именно въ эту сторону. Сюда же глядѣли всѣ крупнѣйшія орудія, крѣпостныя

и береговыя. Повернуть ихъ не легко было въ 2 — 3 дня. И дѣйствительно, когда мы подходили къ Ардагану и даже послѣ рекогносцировки 1-го мая, общее мнѣніе спеціалистовъ заключалось въ томъ, что атаку Ардагана слѣдуетъ начать съ нападенія на Рамазанъ, съ высотъ, господствующихъ надъ нимъ, съ тѣхъ самыхъ высотъ, въ которыя направлены изумительно прочныя трехъ-ярусные верки этого форта. Но это мнѣніе не было принято, и ключемъ Ардагана выбранъ былъ, генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, фортъ Геляверди, а наступательною линіею — высоты, господствующія надъ Ардаганомъ съ юго-восточной стороны. Съ этой же стороны турки не предвидѣли нималѣйшей аттаки, это видно изъ слабости, конечно, сравнительной, фортовъ, направленныхъ противъ этихъ высотъ: Ахали-Табіэ, Дюзъ, Мехрабъ, были ничто иное, какъ люнеты довольно скромныхъ размѣровъ. Увидя, что наши войска подходятъ со стороны Карса, турки бросились укрѣплять и усиливать эти послѣднія укрѣпленія; въ два—три дня они вырыли рвы и насыпали валы для соединенія отдѣльныхъ южныхъ люнетовъ въ одно цѣлое и для придачи имъ новой силы, возвели новые люнеты и редуты, словомъ, дѣлали всѣвозможныя усилія для укрѣпленія ахилесовой пяты своей позиціи. Но все оказалось тщетнымъ. Съ этой именно стороны, съ которой турки, по ихъ же словамъ, никогда не ждали нападенія, наши войска быстрымъ и энергическимъ натискомъ, произведеннымъ съ полнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, заняли шагъ за шагомъ всѣ ардаганскія укрѣпленія; пресловутому Рамазану неудалось сдѣлать даже

десятка залповъ, хотя бы только для очищенія совѣсти. Какъ только наши войска вступили въ городъ, туда же проникли и карапанахи, недавніе подданные султана, слѣдовавшіе за нашими войсками съ просьбою зачислить ихъ въ нашу службу.

Подобно собакамъ, бросающимся терзать тѣло павшаго собрата, эти карапанахи, стоявшіе во время штурма на почтительной дистанціи, неустрашимо бросились на побѣжденныхъ, какъ только эти послѣдніе прекратили огонь. Никакая сила уже не въ состояніи была удержать ихъ хищническіе инстинкты. Они разбивали окна, выбивали двери, грабили, разрушали все, и, нагрузивъ своихъ лошадей точно стогъ сѣна, сами вели ихъ подъ уздечку въ лагерь.

Но солдаты наши цѣлыми батальонами стояли въ сторонѣ отъ грабившихъ, не принимая никакого участія въ этомъ безобразіи. Хотя въ военной практикѣ большинство полководцевъ допускали разграбленіе городовъ, взятыхъ штурмомъ, но Лорисъ-Меликовъ, узнавши о грабежахъ, распорядился прекратить ихъ. Сдѣлать это, однакожъ, было не легко для нашего слишкомъ немногочисленнаго штаба. Лишь на слѣдующій день сдѣлалось возможнымъ осилить нагайками хищническіе инстинкты карапанахъ, и даже вознаградить нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ возвращеніемъ того, что можно было розыскать и выдачею червонцевъ-полуимперіаловъ. Впрочемъ, это обстоятельство, вызвавшее во всемъ нашемъ штабѣ и во всѣхъ нашихъ офицерахъ справедливое и благородное негодованіе, послужило съ одной стороны и въ пользу: къ подготовленію серьезныхъ

мѣръ для предупрежденія подобныхъ безобразій въ будущемъ, когда войскамъ нашимъ приходилось брать штурмомъ прочіе укрѣпленные города Малой Азіи.

Ахалцыхскій отрядъ, окончивъ дѣло съ паденіемъ Ардагана, присоединился къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса. Для охраненія Ардаганской провинціи и обороны нашихъ границъ сформированъ ардаганскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Комарова. Гражданское управленіе уже организовано и наши войска направились далѣе къ главному своему объекту.

Кромѣ того объ Ардаганѣ слѣдуетъ сказать, что Ардаганъ или правильнѣе Артаанъ, одинъ изъ древнихъ городовъ страны. Полагаютъ, что упоминаемый Птоломеемъ Артанисса, есть названіе именно этого города. Въ дни армянскихъ Аршакидовъ, Ардаганъ входилъ въ составъ древне-армянской провинціи Гугаркъ. Съ паденіемъ Анійскаго царства Багратидовъ, этотъ городъ съ окрестностями отошелъ къ Грузіи и находился въ такъ-называемой Верхней Карталиніи. Въ XIII вѣкѣ городомъ владѣли особые эристави, называемые Артанскимъ и Колаасскимъ. Въ XVI столѣтіи онъ взятъ турками и съ того времени находится въ ихъ рукахъ. Въ этихъ мѣстностяхъ турки съ особою настойчивостью и насиліемъ превращали христіанское населеніе въ магометанство. До 1829 г. Ардаганъ входилъ въ составъ бывшаго Ахалцыхскаго пашалыка, за тѣмъ по настоящее время считался особымъ округомъ подъ управленіемъ особаго паши.

Городъ Ардаганъ расположенъ на высотѣ 5,400 футовъ у рѣки Куры, при впаденіи въ нее рѣчки Арда-

ганъ. Крѣпость его когда-то считалась неприступною. Извѣстно, что 22-го іюля 1828 года графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ былъ взятъ Карсъ, а 15-го августа русскія войска вступили въ Ахалцыхъ. Разбитые подъ этимъ городомъ турецкія войска бѣжали по направленію къ Ардагану. Между тѣмъ на выручку турокъ спѣшилъ съ значительными силами Мушскій паша. Узнавъ объ этомъ генералъ Берхманъ отрядилъ изъ Карса небольшой отрядъ подъ командою полковника князя Бековича-Черкасскаго, который и встрѣтилъ пашу 17-го августа недалеко отъ Ардагана, въ тѣснинахъ и, сразившись освободилъ мирныхъ жителей—христіанъ болѣе чѣмъ изъ 20 деревень, которыхъ турки гнали въ Эрзерумъ. Паша отступилъ въ Ардаганъ, но, не смѣя здѣсь остановиться, бросилъ городъ и двинулся къ Эрзеруму. Между тѣмъ 20-го августа направились къ Ардагану изъ Ахалцыха отрядъ генерала Муравьева, и изъ Карса, 21-го августа—отрядъ генерала Берхмана. Муравьевъ однако встрѣтилъ затрудненія при переходѣ хребта Улгарь, такъ что въ четверо сутокъ отрядъ его едва прошелъ 70 верстъ.

22-го августа 1828 года отрядъ генерала Берхмана былъ у Ардагана; при появленіи русскихъ, жители города встрѣтили ихъ за нѣсколько верстъ и поднесли ключъ крѣпости. 31 орудіе и значительные артиллерійскіе запасы были трофеями русскаго войска. Въ день сдачи города отрядъ Муравьева находился въ 25 верстахъ. Наконецъ 18-го сентября вступилъ въ городъ и главнокомандующій графъ Паскевичъ.

Однако главный отрядъ не долго здѣсь оставался,

такъ какъ въ войскахъ показалась чума. Въ 1829 году Ардаганъ возвращенъ Турціи.

Въ 1853 году, съ открытіемъ компаніи, турки сосредоточили въ Ардаганѣ большія силы и отсюда ворвались и подошли къ Ахалцыху. Однако, когда 24-го мая 1855 года войска наши выступили противъ главныхъ силъ Анатолійской арміи, то турки отступили изъ Ардагана и 31-го мая отрядъ генерала Ковалевскаго безъ боя взялъ Ардаганскую крѣпость и разрушилъ ея стѣны. Въ іюлѣ 1856 года наши войска вновь оставили турецкую территорію.

Въ послѣдніе годы на Ардаганъ обращено турками особое вниманіе. Англійскіе инженеры воздвигли вокругъ и въ окрестностяхъ города сильныя укрѣпленія. Одинъ изъ такихъ слѣдуетъ считать воздвигнутое уселенія Геляверды, находящагося примѣрно въ пяти верстахъ отъ города, къ сѣверо-востоку, у рѣчки, впадающей въ Куру у крѣпостцы Уръ.

Ардаганъ имѣетъ до 200 домовъ жителей, большую частью армянъ и принявшихъ мусульманство грузинъ. Дома построены на скатѣ горы, на вершинѣ которой красуется крѣпость. Есть нѣсколько христіанскихъ древностей въ городѣ, въ томъ числѣ древній храмъ съ куполомъ.

Ардаганскій округъ имѣетъ свыше 120 селеній, съ смѣшаннымъ съ христіанскимъ и турецкимъ населеніемъ. Въ окрестностяхъ города богатыя дубовыя рощи, въ послѣдніе годы безпощадно истреблявшіяся.

Отъ этихъ блестящихъ началъ дѣйствія русскаго оружія у друзей порты начали проявлятся лихорадоч-

ные параксизмы, что видно изъ резолюціи Гладстона продолжавшей служить предметомъ преній въ англійскомъ парламентѣ. Телеграфъ передавалъ сущность двухъ рѣчей произнесенныхъ въ засѣданіи палаты общинъ 28-го апрѣля. Одна изъ нихъ должна была привести въ ужасъ англійскихъ туркофиловъ. Ораторъ доказывалъ, что англійское правительство поступило бы благоразумнѣе, если-бы оно, вмѣсто того чтобы поддерживать Турцію,—содѣствовало ея распаденію. „Если-бы Англія предложила Германіи говорилъ онъ, совмѣстное соглашеніе съ Россіей по Восточному вопросу, то война была-бы предотвращена". Онъ основывалъ эту увѣренность на томъ соображеніи, что мѣстную автономію въ Герцеговинѣ и въ Босніи было-бы не труднѣе ввести, чѣмъ нѣкогда въ Румыніи и Греціи. О Болгаріи ораторъ почему-то не упомянулъ; быть можетъ, онъ относитъ свои соображенія къ тому моменту, когда все дѣло ограничивалось еще герцеговинскимъ возстаніемъ и дипломатическими переговорами, къ которымъ оно послужило поводомъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что возможность устранить войну была—и не прибѣгая къ столь радикалъному средству, какъ разложеніе Турціи. На первыхъ порахъ достаточно было не многаго, чтобы избѣжать вооруженнаго столкновенія. Даже автономія для Босніи, Герцеговины, требовалась не Богъ знаетъ какая,—и вопросъ, вѣроятно, былъ-бы отсроченъ. Но почтенный ораторъ, требовавшій политическаго умерщвленія Турціи руками англичанъ, вѣроятно позабылъ, что помѣхою реформамъ, сначала въ Босніи и Герцеговинѣ, а за тѣмъ и

въ Болгаріи, служили великія трудности ихъ примиренія. При нѣкоторомъ искренномъ согласіи державъ, онѣ были-бы легко преодолѣны. Но къ сожалѣнію, этихъ реформъ столько же не захотѣла Турція, сколько не хотѣла ихъ прежде всего Англія. Какъ реактивъ противъ ошибокъ министерства, ораторъ рекомендовалъ своимъ соотечественникамъ союзъ съ Россіей. Но для этого необходимо, чтобы англійская политика взяла назадъ все то, что ею до того времени было сдѣлано въ восточномъ вопросѣ. Конечно, не кабинетъ лорда Биконфильда взялъ-бы на себя такую задачу самоотреченія. Да! и что могло побуждать его къ этому? Оппозиція очень прытка на словахъ; но и только, Это подтвердилось на той-же резолюціи Гладстона по поводу которой произнесена была запальчивая рѣчь г. Кортней? Самыя существенныя части этой резолюціи были взяты назадъ. А что они значили, въ сравненіи съ тѣмъ радикальнымъ средствомъ разрѣшенія вопроса, которое предлагалъ ораторъ, взывавшій къ разрушенію Турціи! Англійскіе либералы отказывались даже выразить порицаніе правительству султана за управленіе вообще и гнетъ надъ христіанами въ особенности. А г. Кортней совѣтывалъ союзъ съ Россіей! Вѣроятно, онъ одинъ въ этомъ союзѣ и останется.

Другой ораторъ, Форстеръ, порицалъ правительство за вышеписанный намъ отвѣтъ гр. Дэрби на депешу русскаго государственнаго канцлера. Онъ находилъ этотъ отвѣтъ опаснымъ по скрывающимся въ немъ тенденціямъ, а высказанное въ немъ осужденіе русскаго правительства за вооруженное вмѣшательство—недѣй-

ствительнымъ при отсутствіи общеевропейскаго согласія, взглядовъ на этотъ предметъ. Въ Петербургѣ на депешу гр. Дэрби взглянули болѣе снисходительно, въ ней не усмотрѣли ничего опаснаго, и гораздо болѣе нежели ей, повидимому, придавали значенія объявленному Англіи нейтралитету. Покрайней мѣрѣ причисляли его къ симптомамъ, разрѣшающимъ натянутость политическаго положенія, въ связи съ другими признаками, и между прочимъ съ внутреннимъ состояніемъ Турціи, для которой борьба оказалась затруднительною.

Чѣмъ меньше сопротивленія въ силахъ оказывали-бы турки, тѣмъ меньше понадобилось-бы жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Но нейтралитетъ Европы, локализующій войну, оставался въ своей силѣ, до тѣхъ поръ когда настанетъ время подводить результаты войны, которыми должны быть искуплены тягости, поднявшія Россіей, только въ предвидѣніи этихъ результатовъ, долженствовавшихъ уравновѣсить приносимыя для войны жертвы?

Впечатлѣніе произведенное въ Европѣ депешей гр. Дэрби въ отвѣтъ на ноту русскаго государственнаго канцлера отъ 7-го апрѣля, заключавшую въ себѣ сообщеніе объ объявленной Турціи войнѣ, было равносильно тому, какое нислучалось-бы отъ вѣсти о послѣдовавшемъ разрывѣ между Россіей и Англіей. Депешу иначе и не истолковывали, какъ въ смыслѣ предвѣстника этого разрыва, за которымъ должно было послѣдовать выступленіе Англіи въ качествѣ открытаго союзника Порты;—до такой степени тонъ и содержаніе депеши гр. Дэрби казались рѣзкими и даже вызывающими. Такъ оцѣнивали этотъ дипломатическій доку-

ментъ и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, одинаково находя его опаснымъ для локализаціи войны. Полагали, что с.-петербургскій кабинетъ потому уже не могъ отвѣчать на него, что единственнымъ отвѣтомъ могло бы служить объявленіе войны. Въ Парижѣ депеша гр. Дэрби произвела панику; биржа долгое время была въ сильной тревогѣ, для успокоенія которой нѣкоторыя газеты поспѣшили заявить, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, обращался, будто бы, въ Лондонъ съ чѣмъ-то въ родѣ протеста по поводу того мѣста англійской депеши, въ которомъ графъ Дэрби произносилъ приговоръ надъ Россіей, какъ будто по уполномочію Европы. Въ Вѣнѣ туркофильскія газеты рукоплескали и, принимая на себя роль органовъ австро-венгерской политики, поздравляли Англію съ имѣющимся у нея союзникомъ. Но нигдѣ, конечно, депеша графа Дэрби не произвела такого восторга, какъ въ Константинополѣ. Въ турецкой столицѣ въ честь англійскаго правительства устраивались небывалыя овація. Палата вотировала адресъ министерству лорда Биконсфильда; султанъ благодарилъ всѣхъ,—и англійское правительство во всемъ его составѣ, и автора депеши графа Дэрби, и новаго англійскаго посланника г. Лейярда, въ отдѣльности. Недоставало одного, чтобы была отправлена въ Лондонъ спеціальная депутація, на подобіе той, которая передъ этимъ ѣздила въ Пештъ. Еслибы непослѣдовало изъ Лондона предупрежденія,—можно быть увѣреннымъ, что энтузіазмъ дошелъ бы до этой степени и подобная мысль уже возникала-бы.

Депеша гр. Дэрби пришлась для турецкаго правительства, какъ нельзя болѣе кстати.

Но по всѣмъ приходившимъ изъ Константинополя извѣстіямъ, послѣ краткаго возбужденія, которымъ сопровождалось начало войны, тамъ настало совершенное уныніе, котораго не скрывали даже газеты, преданныя Турціи.

Чрезвычайныя мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство, въ родѣ поголовнаго привлеченія жителей къ исполненію работъ по сооруженію оборонительныхъ линій, что равнялось новому поголовному налогу, свидѣтельствовало о крайнемъ недостаткѣ средствъ, для пополненія котораго правительство намѣревалось, по нѣкоторымъ признакамъ, наложить руку на имущества, принадлежащія мечетямъ, съ каковою цѣлью, говорили, что султанъ принялъ титулъ „защитника вѣры“. Извѣстія съ театра войны не могли ободрительно дѣйствовать ни на министровъ, ни на народъ, если только послѣднему они сообщались.

На театрѣ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, какъ описано выше по взятіи Ардагана, паденіе Карса представлялось неизбѣжнымъ; усилія воспрепятствовать переходу русскихъ войскъ черезъ Дунай, на первыхъ же порахъ стоили туркамъ потери одного изъ своихъ наилучшихъ мониторовъ „Литфи“. При такихъ обстоятельствахъ отвѣтная на русскій циркуляръ депеша гр. Дерби подоспѣла, какъ нельзя болѣе во время, чтобы поднять общій упадокъ духа надеждой на вѣрную помощь отъ Англіи, которой помянутая депеша служила предвозвѣстникомъ.

Будущность должна показать насколько вѣрно впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ этимъ дипломати-

ческимъ документомъ и оправдаются ли надежды, возлагавшія на него въ Константинополѣ. Пока можно было замѣтить, что значеніе депеши гр. Дэрби, независѣло отъ ея содержанія и тона, а усиливалась обстоятельствами, предшествовавшими ея составленію. Говорили, что она явилась результатомъ продолжительной борьбы, которую долженъ былъ вынести глава министерства, лордъ Биконсфильдъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по управленію. Побѣда, имъ одержанная, тѣмъ болѣе знаменательна, что на министерскомъ совѣтѣ, на которомъ текстъ депеши вырабатывался, онъ заявилъ имъ, какъ увѣряли, что не остановится передъ могущими возникнуть послѣдствіями этого шага. Молчаніе с.-петербургскаго кабинета, на англійскую депешу, — отняло у этой послѣдней рискъ непосредственной опасности, которую она могла бы породить для мира западной Европы, будучи раздражительно принята русскимъ правительствомъ. Это молчаніе предоставляло сентъ-джемскому кабинету самому выбирать по его усмотрѣнію моментъ для болѣе осязательнаго выраженія своего „неодобренія“ образу дѣйствій Россіи.

Моментъ, который вывелъ бы Англію изъ ея нейтралитета, послужитъ, какъ неоднократно заявлялось англійскими министрами въ парламентѣ, — нарушеніе англійскихъ интересовъ. Но въ чемъ эти интересы заключаются — объ этомъ, какъ уже помянуто высказывалось англійское правительство; въ засѣданіи палаты общинъ, 25-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Кроссъ, формулировалъ ихъ въ трехъ пунктахъ: цѣлость и независимость Египта, сообода и

безопасность Суэзскаго канала и независимость Константинополя, или, какъ выражался министръ, неприкосновенность трактатовъ, обусловливающихъ проходъ чрезъ Дарданеллы. О неприкосновенности Турціи и о полнотѣ власти турецкаго султана, надъ его христіанскими подданными не было рѣчи. Это само по себѣ уже была важная уступка со стороны англійской политики, дававшая нѣкоторую надежду, что прочное улучшеніе участи христіанъ Балканскаго полуострова, составляющее ближайшую цѣль войны, не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны англичанъ. Но если такъ, то какой же смыслъ имѣла двуличная политика лорда Биконсфильда за время, предшествовавшее войнѣ, политика, въ которой константинопольское правительство почерпало твердость для своего упорства? Развѣ во все время переговоровъ заходила когда-нибудь рѣчь: о притязаніяхъ Россіи на Египетъ, Суэзскій каналъ или на исключительное обладаніе Дарданеллами?

Телеграфъ передавалъ содержаніе письма помѣщеннаго въ брюсельской газетѣ. Письмо это было писано изъ Петербурга и, надо думать, имѣло въ виду успокоеніе нѣкоторыхъ взволнованныхъ европейскихъ политиковъ на счетъ истинныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Россіей въ настоящей войнѣ. Подтвердивъ еще разъ, что единственной для нея цѣлью служило улучшеніе быта христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана, авторъ письма замѣчалъ, что если Россія, по окончаніи борьбы, потребуетъ болѣе дѣйствительныхъ гарантій для этого улучшенія, т. е. какъ надо догадываться, болѣе дѣйствительныхъ, нежели тѣ, какія

предъявлялись, когда была надежда на дипломатическое разрѣшеніе вопроса, то Европа не должна ее заподозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ. Но неужели же можно было воевать за результаты константинопольской конференціи, или за лондонскій протоколъ? Кто же могъ усумниться, что войной пріобрѣтаются новыя права, о которыхъ могло и не заходить рѣчи въ то время, когда на сценѣ дѣйствовали миролюбивые способы, но которыя предъявляются, будучи добыты мечемъ! Слѣдующимъ, логическимъ, за войною моментомъ кажется должно бы служить не толкованіе, которое, можетъ быть, придано этимъ правамъ, а удержаніе этихъ правъ за собою, если разъ они добыты. Такъ, кажется, бывало во всѣхъ войнахъ, особенно въ позднѣйшихъ, которыя сохранились на памяти у современниковъ. Взявъ Севастополь, союзники не церемонились отнять у насъ Черное море, часть Бессарабіи, исключительный протекторъ надъ княжествами, надъ славянскими подданными Турціи, предоставивъ намъ разсуждать, какъ хотимъ, объ руководившихъ ими замыслахъ. Еще менѣе на этотъ счетъ церемонилась, сначала Пруссія, вытолкнувъ Австрію изъ состава германскаго союза, а затѣмъ Германія, разгромила французовъ. Зачѣмъ же мы должны изображать подобіе двуликаго Януса, и, обнажая мечь одной рукой, прижимать къ сердцу другую, въ знакъ нашей глубокой кротости и совершенной невинности въ какихъ-либо свойственныхъ людямъ побужденіяхъ.

Петербургскій корреспондентъ брюссельской газеты, кого-то ублажалъ увѣреніями, что „Россія послѣ войны

снова докажетъ свою умѣренность (?) тѣмъ, что пригласитъ державы къ совмѣстному обсужденію условій? долженствующихъ быть постановленными Турціи для предупрежденія новыхъ непстовствъ". Но эти условія— будущій результатъ войны; это тѣ самыя права, которыя имѣютъ быть добыты оружіемъ. Неужели пріобрѣтаемыя цѣною столькихъ жертвъ, они будутъ подлежать вопросу? По словамъ корреспондента выходило такъ. Принявъ его увѣренія за правду, можно опасаться новой конференціи, которая приметъ въ свои руки то, что добыто будетъ русской кровью и русскимъ достояніемъ, и распорядится этимъ по своему усмотрѣнію? Мысль высказанная авторомъ письма—не новая; она неоднократно встрѣчалась въ иностранной печати. Ничего нѣтъ мудренаго, что она имѣла своихъ друзей и въ Петербургѣ, принимавшихъ, надо полагать, свои иностранныя мечтанія за сложившіеся уже планы русской политики.

Война! укажетъ дипломатія! какъ нужно будетъ ей дѣйствовать, зачѣмъ и куда идти. Въ ожиданіи этихъ указаній не слѣдуетъ забывать урока, только что даннаго намъ. Уступчивость русской политики, простиравшаяся въ періодъ предшествовавшихъ войнъ нескончаемыхъ дипломатическихъ переговоровъ, принесла-ли что-либо въ награду за наше миролюбіе? Она лишь поощряла упорство всѣхъ, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, и въ концѣ концовъ привела къ войнѣ начавшейся въ Малой Азіи, на Черномъ морѣ и съ придѣловъ Румыніи на Балканскомъ полуостровѣ гдѣ, какъ сказано выше, что войска наши были уже на берегахъ Дуная и не

доѣзжая Текуча, вправо и влѣво отъ дороги, на обширной, слегка волнистой, равнинѣ расположились лагеремъ, на двѣ версты въ длину и версту въ глубину, лицомъ по направленію къ Дунаю, котораго впрочемъ изъ лагеря не было видно, такъ какъ онъ скрытъ отчасти городомъ Галацемъ и крутизною обрывистаго берега. Лагерь былъ распланированъ весьма правильно, довольно просторно, такъ что отыскать требуемую часть очень легко и удобно. У самой дороги, какъ разъ въ центрѣ лагеря, помѣщались лазаретные обозы, надъ ними развивался большой бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ; длинные ряды высокихъ лазаретныхъ фуръ перемежались рядами коновязей и палаточками санитаровъ.

Отсюда къ правому флангу тянулись полковыя колонны пѣхоты, расположенныя тремя линіями; солдаты укрывались отъ дождя и солнца подъ низенькими палатками, тентабри, французскаго образца; въ каждой такой палаткѣ помѣщалось по шести человѣкъ, они же и носятъ съ собою свою палатку, разобранную на шесть же частей; разборка и уборка такой палатки не занимала и десяти минутъ времени; стоять въ такой палаткѣ, конечно, невозможно и сидѣть-то въ ней нужно согнувшись, за то лежать удобно, а главное — тепло и дождемъ не мочитъ, — чего же еще лучше? Люди спали не на голой землѣ, а на соломѣ. Между линіями палатокъ стояли ряды ружейныхъ козелъ, вдоль передней линіи, на довольно значительномъ разстояніи отъ фронта лагеря разставлена была цѣпь часовыхъ. Далѣе на правомъ флангѣ позиціи, раскинулась бивуаками

кавалерія; здѣсь не всѣ полки имѣли палатки и, большинство помѣщалось въ оригинальныхъ импровизированныхъ шалашахъ, устроенныхъ изъ соломы на пикахъ. Лошади въ коновязяхъ, длинные ряды пикъ, воткнутыхъ вертикально тупымъ концомъ въ землю, придавали бивуакамъ въ высшей степени воинственный, оригинальный характеръ, словно все поле ощетинилось — выраженіе это сюда подходитъ, какъ нельзя болѣе. Самый правый флангъ занимали кубанцы и терцы; ихъ бивуаки только и напоминали иррегулярный характеръ своихъ обитателей. Рослыя фигуры нашихъ кавказцевъ, ихъ смуглыя, горбаносыя, бородатыя лица, косматыя бурки, высокія папахи съ краснымъ верхомъ обращали на себя общее вниманіе, давно уже не видавшихъ русскихъ, здѣшнихъ жителей, и около этого бивуака можно было всегда видѣть .толпу зѣвакъ, со страхомъ и любопытствомъ поглядовавшихъ на это лихое и грозное воинство. Влѣво отъ центра позиціи тянулись пѣхотные батальоны въ колоннахъ, а за ними артиллерія на походномъ положеніи, т. е. орудія не сняты съ передковъ и стояли на тѣсныхъ интервалахъ. Вдоль всей задней линіи лагеря расположены кухни и ротныя повозки, а сзади всего ямы для нечистотъ вырыты на разстояніи далеко изрядномъ, что можетъ быть не такъ удобно для солдатъ, да за то сохраняла чистоту и здоровость лагернаго воздуха.

Солдаты довольствовались одной горячей варкой въ день, но за то въ достаточномъ количествѣ—сухари превосходные, ржаные съ пріятною кислотою, общій видъ людей здоровый и веселый. Лошади, хотя и успѣли

подтянуться, но это не была бѣда, потому что подтянувшаяся лошадь выносливѣе и сильнѣе, что и доказывало наглядно этими небывалыми, чуть не стоверстными переходами нашей кавалеріи.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія помѣщались въ полаткахъ такого же образца, какъ и солдатскія—не много только выше, и покрайней мѣрѣ большинство имѣли желѣзныя складныя кровати; послѣ полуторонедѣльныхъ маршей и передвиженій, состояніе здоровья не ухудшалось.

Къ этому времени русскими войсками были заняты румынскія города: Барбошъ и Браиловъ, а другія направлялись черезъ Марасещи, Фокшаны и Рымникъ, въ Бузео и Плоешти, гдѣ назначена главная квартира Главнокомандующаго.

Каждый день на станціи желѣзной дороги въ Бухарестѣ, въ ожиданіи прибытія русскихъ войскъ, собиралась такая густая толпа народа, что сквозь нихъ невозможно протѣсниться. Жители оказывали самый радушный пріемъ русскимъ войскамъ, угощали ихъ водкой и всѣмъ, что только могли найти лучшаго, прося взамѣнъ всего этого только кусокъ чернаго хлѣба, который имъ очень нравился. Въ особенности хорошо встрѣчали русскихъ солдатъ румынское духовенство; оно оказывало имъ самый радушный пріемъ и напутствовало своимъ благословеніемъ и пожеланіями побѣдъ надъ врагами. Русскія войска были бодры и веселы—только и слышались ихъ шутки, громкій смѣхъ и пѣсни, чему не мало дивились румынскіе солдаты, не понимавшіе, какъ могутъ русскіе съ радостію идти на вѣрную смерть, ожидав-

шую многихъ изъ нихъ, по переходѣ черезъ Дунай; но гдѣ долженъ совершиться переходъ, въ то время никто не могъ опредѣлить. Судя по направленію, принимавшему сосредоточеніемъ русскихъ войскъ, можно было предполагать, что главная операція перехода произойдетъ у Зимницы.

Мимо Яссъ проходили отъ 8 до 10 военныхъ поѣздовъ, направлявшихся въ Плоешти, Питешти, Слатину и Корбу. Отъ Слатины войска направлялись пѣшкомъ къ Зимницу, гдѣ сосредоточили большія массы. По достовѣрнымъ извѣстіямъ туда двигалось 52,000 чел. пѣхоты, 7,400 чел. кавалеріи и 12 баттарей. На Браиловъ—Драганешты также направлялись безостановочно значительныя боевыя силы; до 6-го мая въ Зимницѣ назначено было сосредоточить до 90,000 чел. войска съ многочисленной артиллеріей.

Зимница расположена на лѣвомъ берегу Дуная на противъ турецкой крѣпости Систово; поэтому было основаніе заключить, что главный переходъ произойдетъ между этими мѣстечками. Вслѣдствіе чего на нѣкоторыхъ пунктахъ Дуная русскими были опущены тарпеды и съ той цѣлью, чтобы воспрепятствовать плаванію турецкихъ мониторовъ, которые уже нѣсколько дней дѣлали попытки бомбардировать румынскіе придунайскіе города.

О пріѣздѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго въ Бухарестъ.

1-го мая въ 12 часовъ дня, прибылъ въ Бухарестъ Августѣйшій Главнокомандующій. Такъ какъ о пріѣздѣ

его было еще наканунѣ объявлено во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, то съ ранняго утра громадная толпа народу сдѣлала почти не проходимымъ весь путь отъ дворца до вокзала; у этихъ же двухъ мѣстъ, а въ особенности у вокзала, собралось до 10,000 народу и болѣе 1,000 экипажей. На вокзалѣ начали еще около десяти часовъ утра собираться мѣстныя начальствующія лица и члены румынской палаты и сената, а около 11 часовъ прибылъ на вокзалъ и князь Карлъ съ супругой, въ сопровожденіи довольно многочисленной свиты. Ровно въ 12 часовъ прибылъ экстренный поѣздъ съ Главнокомандующимъ и его свитой. Князь Карлъ вышелъ на платформу и, привѣтствуя Главнокомандующаго, обнялся съ нимъ. Представивъ затѣмъ Его Императорскому Высочеству всю свою свиту, князь Карлъ вышелъ съ Великимъ Княземъ изъ вокзала, и картежъ двинулся слѣдующимъ порядкомъ: въ первой коляскѣ помѣстился Главнокомандующій съ румынской княгиней Елисаветой; во второмъ — князь Карлъ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ; въ третьемъ—начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адьютантъ Непокойчицкій съ румынскимъ министромъ Братіано, и, наконецъ, за ними болѣе 1,000 экипажей съ встрѣчавшей публикой.

Во дворцѣ встрѣтилъ Августѣйшаго гостя почетный караулъ съ знаменемъ и музыкой. Принявъ здѣсь завтракъ, во время котораго постоянно играли два хора музыки; Великій Князь опять въ сопровожденіи князя и княгини румынскихъ и нѣкоторыхъ высшихъ членовъ своего штаба, отправился въ 3 часа, осмотрѣть въ окрестности Бухареста расположенныя части только что

прибывшихъ въ этотъ день войскъ, и около 6 часовъ вечера изволилъ отправиться съ цѣлой свитой въ Плоешти,—мѣстопребыванія главной квартиры, куда прибылъ въ половинѣ девятаго утра, 2-го мая. Трудно въ Плоешти описать восторженную встрѣчу Главнокомандующаго: на станцію собрался весь городъ и восторженные клики привѣтствовали Его Высочество. Великій Князь со станціи поѣхалъ въ открытой коляскѣ, которую мѣстныя дамы буквально забросали цвѣтами. За Его Высочествомъ ѣхалъ конвой, и впереди его казакъ везъ собственное знамя Великаго Князя: бѣлое, съ крестомъ и съ подписью „съ нами Богъ“. Знамя это всюду возится за Главнокомандующимъ и указываетъ его мѣстопребываніе. Такія же знамена, но меньшихъ размѣровъ, присвоены и начальникамъ отдѣльныхъ частей: корпусные командиры имѣютъ красныя знамена, начальники дивизіи — синія, а бригадные камандиры — малиновыя.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Плоешти князь Карлъ, котораго Великій Князь, со свитой, встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги. Встрѣча была самая дружественная: Великій Князь обнялъ и поцѣловалъ своего высокаго гостя; затѣмъ онъ представилъ ему начальника штаба Непокойчицкаго, гг. Масальскаго Деппа и помощника начальника штаба *Левицкаго*. Почетный караулъ при князѣ Карлѣ былъ отъ дружины болгарскихъ волонтеровъ, расположенный около Плоешти. Князь пробылъ здѣсь два часа и затѣмъ возвратился въ Бухарестъ. На другой день, 3-го мая, Великій Князь отдалъ ему визитъ.

Плоешти—небольшой, очень красивый городокъ, на-

поминающій своей внѣшностью маленькіе итальянскіе города: дома каменные, улицы мощеныя, зелени очень много.

Войска проходили черезъ Плоешти каждый день, направляясь въ различныя мѣстности по Дунаю. Великій Князь лично встрѣчалъ части и пропускалъ ихъ мимо себя. Войска, какъ уже сказано, имѣли молодцеватый бодрый видъ, который порожалъ всѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что они прошли пѣшкомъ уже болѣе 400 верстъ, неся на себѣ небольшую ношу. Несмотря на бивачное расположеніе, больныхъ и отсталыхъ было очень мало.

Въ Плоешти пребываніе главной квартиры предполагалось до пріѣзда въ армію Государя, т. е. до 25 или 26-го мая. Затѣмъ она предназначалась въ Бухарестъ или еще ближе къ Дунаю. Сосредоченіе русскихъ войскъ на Дунаѣ производилось весьма поспѣшно, такъ что въ первыхъ числахъ іюня ожидали рѣшительныхъ дѣйствій. Движенію войскъ много препятствовали дожди, безпрерывно портившіе дороги.

Какъ уже сказано, что наши войска всюду принимались весьма радушно и надо отдать имъ полную справедливость, что армія вела себя безукоризненно въ предѣлахъ Румыніи, такъ что 28-го апрѣля князь Карлъ послалъ, черезъ графа Штакельберга, благодарность Русскому Императору за примѣрное поведеніе русскихъ войскъ въ Румыніи. Консулъ въ Яссахъ говорилъ, что къ нему не поступало рѣшительно ни одной жалобы, на какое-либо предосудительное дѣйствіе нижняго чина выражавшееся въ той или другой неблаговидной формѣ.

До прихода русскихъ войскъ въ предѣлы Румыніи, въ Бухарестѣ, въ княжескомъ дворцѣ, былъ созванъ большой совѣтъ, въ которомъ участвовали всѣ министры и знаменитѣйшіе политическіе дѣятели Румыніи, подъ предсѣдательствомъ князя Карла. Предметомъ преній былъ вопросъ о томъ: какое положеніе должна занять Румынія въ виду ожиданныхъ событій?

Главный вопросъ, предложенный на обсужденіе совѣта, заключался въ слѣдующемъ: „должна ли Румынія, въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, оказать сопротивленіе туркамъ въ занятіи ими нѣкоторыхъ пунктовъ румынской территоріи, и съ кѣмъ слѣдуетъ заключать ей союзъ: —съ русскими или съ турками?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ почти единодушный отвѣтъ членовъ совѣта, что азіятскимъ варварамъ, смотрящимъ на всѣхъ христіанъ, какъ на гяуровъ, вносящихъ съ собою смерть и раззореніе всюду, куда они проникаютъ, — Румынія не должна дозволить занять и пяди своей земли; что же касается Россіи, сдѣлавшей столь много для блага и свободы Румыніи, то съ нею необходимо заключить прочный и искренній союзъ, такъ какъ это предписывается собственными интересами Румыніи. Противъ этого рѣшенія подали голоса только два закоренѣлые туркофила: князь І. Гика и Димитрій Стурдза. Эти личности предложили союзъ съ Турціей противъ Россіи.

Послѣ продолжительныхъ преній вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу союза съ Россіей большинствомъ 16 голосовъ противъ двухъ. За тѣмъ, князь Карлъ, поблагодарилъ совѣтъ за такое счастливое рѣшеніе столь важнаго для страны вопроса, произнесъ: „*пока я живъ*,

ни одинъ турокъ не ступитъ на почву нашего княжества".

Вслѣдствіе этого министръ иностранныхъ дѣлъ, Когальничано, внесъ въ палату депутатовъ конвенцію заключенную 4 го апрѣля между Румыніей и Россіей. Въ силу этой конвенціи, румынскій князь гарантировалъ русскому войску свободный проходъ, а также ручался за такой образъ дѣйствій относительно него, какой подобаетъ оказывать вооруженнымъ силамъ дружественнаго народа; Россія же, согласно съ трактатами обязалась уважать права и цѣлость Румыніи.

Румынской палатой, 7-го мая, была единогласно провозглашена независимость Румыніи, по предложенію депутата г. Флеви. Не подавали голоса только два вышеписанные депутата и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Іонеску; румынскіе туркофилы даже удалились изъ собранія, въ эту торжественную минуту. Тѣмъ не менѣе торжество было полное, и великое дѣло провозглашенія независимости Румыніи, открывающее для нея новую эру существованія, сопровождалось восторженными кликами и выраженіями неописаннаго энтузіазма присутствовавшихъ. Къ довершенію этому румынская палата постановила — 250,000 рублей, которые Румынія ежегодно платила въ видѣ дани Портѣ, прибавить къ военному бюджету. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено — установить знакъ отличія „румынская звѣзда". И всѣ молдованскія войска были сосредоточены за рѣчкой Ольтой, такъ какъ, они должны образовать правое крыло русской арміи.

Пока русское войско шло для освобожденія Болгаріи,

изъ подъ гнёта турецкаго, то изъ оной получались весьма прискорбныя извѣстія. Въ Бухарестъ прибыли нѣсколько бѣглецовъ изъ Тульчанскаго округа и вотъ что они разсказывали о новыхъ звѣрствахъ турокъ и черкесовъ.

Отъ города Бабадая вплоть до Тульчи не осталось ни одной деревни, которая ни была бы опустошена, разграблена и раззорена турками и черкесами. Болгарская деревня Башъ-Кюю возстала первая, и рѣшилась защищаться съ оружіемъ въ рукахъ противъ этихъ варваровъ. Къ ней присоединились и жители окрестныхъ деревень, сознававшіе, что имъ иначе не избѣжать участи деревень, уже разоренныхъ турками и черкесами. Они всѣ собрались въ Башъ-Кюю и укрѣпили ее довольно крѣпкими шанцами и другими сооруженіями. Несчастные болгары надѣялись, что, укрѣпившись такимъ образомъ, они будутъ въ состояніи отражать нападенія черкесовъ и башп-бузуковъ до перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай въ Добруджу; но они горько ошиблись въ своихъ надеждахъ. Нѣсколько дней спустя, на нихъ напала шайка изъ 300 человѣкъ черкесовъ. Произошло кровопролитное, ожесточенное побоище, въ которомъ черкесы потеряли 80 человѣкъ убитыми, болгары же — только двоихъ. Дикая орда черкесовъ обратилась въ бѣгство; но на другой день явилась вновь, и уже въ числѣ 800 человѣкъ. Они окружили со всѣхъ сторонъ Башъ-Кюю и, такъ какъ у болгаръ не было достаточнаго и надлежащаго оружія для обороны, успѣли проникнуть въ деревню. Всѣ находившіеся въ ней люди были избиты, а самая деревня сожжена; безчеловѣчные варвары не пощадили ни женщинъ, ни дѣтей, ни стар-

цевъ; словомъ въ Башъ-Кюю повторились всѣ ужасы, которымъ подвергался въ 1876 году Батакъ и къ которымъ способны только турки и черкесы.

Въ запустѣлой Добруджи рыскали на просторѣ одни только черкесы да баши-бузуки. Жившіе тамъ татары сами сожгли свои деревни и перебрались съ семействами въ Шумлу и Варну. Болгарское населеніе изъ деревень: Хамамдуши, Дольна-Чамурли, Горна-Чамурли, Потуръ, Кара-Пасунъ, Гаргалакъ, и проч. бѣжало на близь-лежащій островъ на Черномъ морѣ, не подалеку отъ того мѣста, гдѣ ожидали перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай. Этотъ островъ простирается отъ Махмудія почти до самой Кюстенджи. Тамъ бѣглецы были въ безопасности, такъ какъ турки и черкесы не могли на него переправиться за неимѣніемъ лодокъ, къ тому же онъ, когда дуютъ южные вѣтры, дѣлается, по случаю большаго разлива, положительно, неприступнымъ. Оставленныя ими деревни всѣ сожжены; словомъ Добруджа превращена въ пустыню.—

Бѣглецы съ того берега прибывали въ Галацъ ежедневно и по одиночкѣ, и болѣе значительными партіями. Большинство изъ нихъ, конечно, болгары изъ окрестныхъ деревень, разбросанныхъ по всей низменной полосѣ праваго берега. Турки стянули всѣ свои регулярныя войска къ крѣпостямъ и балканскимъ подножьямъ. Добруджа была почти очищена отъ регулярныхъ войскъ, тамъ ихъ оставалось не болѣе 6000 человѣкъ, страна предоставлялась въ полное распоряженіе голодающимъ шайкамъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Каждый день съ возвышенныхъ пунктовъ Галаца,

откуда весь противоположный берегъ видѣнъ верстъ на тридцать, какъ на ладони, можно было наблюдать за этимъ отчаяннымъ бѣгствомъ; прежде нѣсколько дней тому назадъ, видны были и преслѣдователи, не рисковавшіе впрочемъ близко подъѣзжать къ берегу и останавливавшіеся всегда за чертою втораго разлива рѣки, внѣ выстрѣла съ лѣваго румынскаго берега. Съ тѣхъ поръ же, какъ начали высылать съ нашей стороны маленькія казачьи команды для прикрытія бѣглецовъ, черкесовъ больше въ виду не показывалось. Ночью обыкновенно несчастные болгары оставляли свои жилища, захвативъ съ собою свои плачевные остатки добра и подъ прикрытіемъ темноты брели по болотамъ, вязли по колѣно въ грязи, а то и въ плавь переправлялись черезъ болѣе значительныя водныя затопи, выбирая дорогу по прямѣе и по ближе къ цѣли— къ разсвѣту они уже достигали берега Дуная.... Сердце болѣло и ноило, когда наблюдали за этими, медленно двигающимися человѣческими фигурами; въ сильный бинокль различали даже нѣкоторыя подробности, женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, ряса священника, и проч.

Въ Галацѣ, полиціи и береговымъ командамъ было вмѣнено въ обязанность имѣть всегда на готовѣ лодки для перевозки этихъ страдальцевъ. Завидѣвъ такую партію, лодка отчаливала и шла къ нимъ, забирала ихъ на свою палубу и черезъ полтара, много два часа бѣглецы уже внѣ всякой опасности,—но въ какомъ отчаянномъ положеніи! Это уже не люди изъ плоти и крови,—а какія-то страшныя тѣни, едва-едва сохранившія образъ человѣческій.... Вмѣсто щекъ—глубо-

кія сухія впадины, носъ завостренъ, какъ у труповъ, въ воливщихся глазахъ огонь горячки и изнурительной лихорадки, намокшія, грязныя до нельзя, а то и окровавленныя лохмотья, увѣчное, израненое тѣло.... какой-то несвязный лепетъ вмѣсто рѣчи и боязливое вздрагиванье при каждомъ рѣзкомъ звукѣ, при каждомъ не ожиданномъ прикосновеніи.

„Болгарамъ жителямъ прибрежныхъ деревень, до которыхъ доходили воды дунайскаго разлива, удавалось добывать кое-какія лодченки, и на этихъ щепкахъ, рискуя пойдти ко дну, они переплывали Дунай, борясь съ его быстрымъ волнистымъ теченіемъ, которое неся такую несчастную лодку внизъ, швыряя изъ стороны въ сторону, пока ее не выручало подоспѣшее съ противоположнаго румынскаго берега, — болѣе солидное судно. Кромѣ этихъ рискованныхъ переправъ бѣглецовъ, какъ то изъ-за зеленой осоки и густой заросли молодаго плавника появился даже цѣлый плотъ, связанный изъ бревенъ и настланный плетнями; на этомъ плоту тѣснилось нѣсколько семей, человѣкъ двадцать, съ волами и овцами; по срединѣ стоялъ церковный престолъ съ книгами и сосудами, узелъ съ ризами и самъ священникъ, сѣдой, совсѣмъ дряхлый старикъ, въ изношенной, побурѣвшей отъ времени суконной рясѣ, вмѣсто пояса подхваченный веревкою, босой и съ крестомъ въ рукахъ, деревяннымъ, околоченнымъ жестью. Тутъ же торчали хоругви и большой церковный крестъ, снятый съ крыши даже колоколъ, маленькій впрочемъ, захватили съ собой раззоренные въ конецъ бѣглецы... Этотъ плотъ медленно вытягивался на бограхъ изъ за-

тоновъ, вошелъ въ Дунай и уже на веслахъ переправился на румынскую сторону. Съ колокольни галацкой болгарской церкви тоже должно быть замѣтили эту плавучую группу и встрѣтили ее звономъ своихъ колоколовъ и открытыми дверями для пріема и помѣщенія всѣхъ спасенныхъ священныхъ предметовъ".

Эти несчастные случаи, а въ особенности жестокости турокъ надъ болгарами,—въ русскомъ войскѣ зародило горячее нетерпѣніе скорой переправы черезъ Дунай въ Болгарію и выручить угнетенныхъ собратовъ отъ ига турецкаго, которое отравляетъ существованіе не однимъ подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ, находящимся въ непосредственномъ подданствѣ Турціи, или въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ. Положеніе Греціи, напримѣръ, во многомъ тождественно съ положеніемъ въ которомъ была Сербія весною прошлаго года и которое вынудило ее къ войнѣ. Пограничныя съ Грецією, обширнѣйшія турецкія провинціи, каковы Эпиръ и Фессалія, населены въ значительнѣйшей степени греками, не говоря объ островахъ Эгейскаго архипелага. До двухъ милліоновъ грековъ считаются въ непосредственномъ подданствѣ Турціи. Большинство ихъ, особенно въ провинціяхъ, прилегающихъ къ границамъ Греческаго королевства, естественно смотритъ на это послѣднее какъ на свое отечество, отъ котораго греки Турціи лишь временно отторгнуты, но въ лоно котораго рано или поздно они должны возвратиться. Такое же тяготѣніе къ нимъ обнаруживается и со стороны Греціи, которая чувствуетъ себя неполной и незаконченной, безъ областей, по племенному сродству

ей принадлежащихъ и лишь отъ нея отдѣленныхъ. Движеніе, обнаруживавшееся въ какой-либо изъ греческихъ провинцій, или на какомъ-либо изъ греческихъ острововъ, принадлежащихъ Турціи, всегда сообщалось грекамъ королевства, возбуждая къ нимъ сочувствіе и вызывая поддержку. Критское возстаніе 1866 года, изумившее всѣхъ своей живучестью и упорствомъ, было энергически поддерживаемо греками королевства, доставлявшими на островъ не мало оружія и волонтеровъ. Прошлогоднія майскія избіенія не коснулись собственно греческихъ провинцій; но уже одна близость ихъ привела грековъ въ большое напряженіе, и правительство не безъ труда удержало націю въ ея порывахъ принять участіе въ сербско-турецкой войнѣ. Вооруженное вмѣшательство Россіи пробудило съ новою силой патріотическія и національныя стремленія грековъ, которые требовали отъ своего правительства участія въ войнѣ, считая себя столько-же въ правѣ вступаться за своихъ единоплеменниковъ находящихся подъ игомъ Турціи, сколько Россія за своихъ. Греческое правительство, уступая этому давленію, выходило изъ своего колеблющаго положенія и несомнѣнно готовиться дабы могущая возникнуть неизбѣжность войны не застала его въ расплохъ.

Сербія, хотя и утомленная недавней непосильной борьбой, видимо тяготилась и тяготится бездѣйствіемъ, на которое осуждена. Отрывочно приходившія изъ Бѣлграда извѣстія, не оставляли однако сомнѣнія, что партія войны, чувствовавшая себя побѣжденной послѣ дюнишскаго погрома, снова становилась и становится на ноги.

Уже было нѣсколько извѣстій сообщавшихъ, что въ совѣтѣ министровъ обсуждался вопросъ: о вмѣшательствѣ Сербіи и былъ поставленъ очень рѣзко для самого князя. Упоминалось при этомъ о какихъ-то пререканіяхъ Сербскаго правительства съ русскимъ консуломъ въ Бѣлградѣ, достигшихъ будто бы такой степени, что сербскому агенту въ Петербургѣ поручено просить объ удаленіи русскаго консула, г. Карцева. Во всемъ этомъ, можетъ быть, и несомнѣнно, есть своя доля преувеличенія. За несомнѣнное можно было признавать одно, что Сербія находилась въ положеніи, болѣе трудномъ, чѣмъ то, въ какомъ она была предъ войной съ Турціей. Боснія и Герцеговина по прежнему въ возстаніи; Черногорія продолжала войну; Греція къ ней готовилась; наконецъ изъ-за Дуная на турокъ надвигалась русская армія, одной Сербіи суждено было оставаться въ бездѣйствіи въ столь важный моментъ для славянскаго мира. Много нужно самообладанія, чтобы остаться нейтральнымъ княжеству и не обнажить меча за общественное дѣло, котораго Сербія была передовымъ бойцомъ.

Всѣ эти симптомы не пугали Турцію. Она имѣла не безъосновательныя причины не страшиться разширенія войны, на Балканскомъ полуостровѣ, но даже желать таковаго, особенно со стороны сербскаго княжества. Не смотря на туманъ, которымъ облекала себя австровенгерская политика, и который не разсѣялся послѣ недавнихъ объясненій ея въ вѣнскомъ и пештскомъ парламентахъ, — косвеннымъ путемъ, при посредствѣ статей, внушенныхъ изъ Вѣны нѣкоторымъ органамъ печати, на этотъ разъ французской, выяснились нѣкоторые

пункты этой политики, очерчена такъ называемая сфера дѣйствія и вліянія Австро-Венгріи, переступивъ за которую, событія могли побудить эту державу къ вмѣшательству. Въ эту заповѣдную орбиту почему-то включена была Сербія, вѣрнѣе говоря, — ея нейтралитетъ. Вмѣшательство Сербскаго княжества въ русско-турецкую войну, по авторитетнымъ толкованіямъ австро-венгерской политики, почему-то считалось вопросомъ до такой степени важнымъ и грознымъ для существованія монархіи Габсбурговъ, что эта послѣдняя не останавливалась ни передъ какими соображеніями; даже самое занятіе Бѣлграда не показалось бы ей рискованнымъ и она готова была на него рѣшиться. Въ Константинополѣ не могли не знать этого чувствительнаго мѣста въ австро-венгерской политики и старались, конечно, эксплоатировать напряженное положеніе, въ которомъ находилась Сербія, эксплоатировать въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшить его войной и этимъ вызвать на сцену дѣйствія новаго участника, и уже сообщалось объ угрожающей нотѣ, полученной сербскимъ правительствомъ отъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Не удивились бы и тому, если бы за нею послѣдовали и другіе шаги въ такомъ же родѣ, имѣющіе цѣлью вызвать Сербію на нарушеніе нейтралитета. Такіе же планы руководили Портой и относительно Греціи, къ которой она обращалась съ протестомъ по поводу ея вооруженій, съ той разницей, что здѣсь имѣлось въ виду вмѣшательство Англіи относительно ея интересовъ на Востокѣ; но въ чемъ собственно заключались эти интересы, казалось, что вопросъ этотъ уже разъясненъ; въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій

палаты общинъ министръ внутреннихъ дѣлъ Кроссъ опредѣлилъ интересы англійской политики на Востокѣ, а именно неприкосновенностью трехъ пунктовъ,—Египта, Суэзскаго канала и Дарданельскаго пролива. Доколѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій не произойдетъ ничего, что угрожало бы какими-либо измѣненіями существующаго по отношенію къ этимъ пунктамъ порядка вещей, англійская политика не выйдетъ изъ занятаго ею нейтральнаго положенія, относительно воюющихъ сторонъ, и не вмѣшается въ опредѣленіе результатовъ войны, если они не коснутся перечисленныхъ трехъ условій сохраненія англійскаго нейтралитета. Объясненія г. Кросса были такъ точно формулированы, что не оставляли ни малѣйшаго недоразумѣнія о томъ, какъ слѣдуетъ понимать англійскіе интересы въ Восточномъ вопросѣ. Но послѣ этого формулированія въ недавнемъ времени и въ той же палатѣ общинъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Буркъ, при обсужденіи резолюціи Гладстона, значительно измѣнилъ толкованіе этихъ интересовъ.

Правительство, сказалъ онъ, желаетъ до послѣдней крайности сохранять обсолютный нейтралитетъ; но оно не будетъ безстрастно присутствовать при зрѣлищѣ разчлененія Турціи. Рамки англійскихъ интересовъ въ устахъ г. Бурка значительно расширились. Это уже не то, что говорилъ Кроссъ. Подъ разчлененіе Турціи подводили всякую существенную реформу, которая предоставляла бы административную самостоятельность любой изъ турецкихъ провинцій. Но кромѣ этого, провозглашеніе, напримѣръ, независимости Румыніи, можетъ

быть, совершенно свободно подводилось подъ категорію явленій, опредѣлявшихъ разчлененіе Оттоманской имперіи. Рѣчь г. Бурка возвращала насъ опять къ тому времени, когда цѣлость и независимость Турціи провозглашалась догматами англійской политики, и служила единственнымъ критеріумомъ англійскихъ интересовъ на Востокѣ.

Останавливаясь на подобныхъ противорѣчіяхъ, англійскую политику не разъ упрекали въ непослѣдовательности, ставя ей въ вину разногласія, замѣчаемыя порою въ томъ, что говорили ея оффиціальные представители. Но въ сущности эта непослѣдовательность только кажущаяся; она не шла далѣе внѣшней стороны. Въ существѣ, политика лорда Биконсфильда осталась неизмѣнной. Она противъ всякихъ радикальныхъ преобразованій на Балканскомъ полуостровѣ и если переносила вооруженное вмѣшательство Россіи, то потому только, что въ моментъ дѣйствій не имѣла средствъ помѣшать ему. Съ другой стороны, еще неизвѣстны итоги начавшейся войны и тѣ преобразовательные результаты, въ которыхъ они должны выразиться; не извѣстно, слѣдовательно, въ какой степени могли быть поколеблены основы государственнаго устройства Оттоманской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскіе интересы, на нихъ-же покоющіеся. Г. Кроссъ намѣтилъ наиболѣе осязательные изъ нихъ, тѣ, которые могли быть названы и точно формулированы. Но они не исключали интересовъ болѣе общаго свойства, при которыхъ перечисленные выигрываютъ въ своей устойчивости. Слова г. Бурка доказывали, что англійское правительство не упускало изъ виду этихъ общихъ интересовъ, заключавшихся въ воз-

можно меньшемъ нарушеніи государственнаго строя Турціи, и не намѣренно было отказываться отъ заботы о его сохраненіи.

Эти пренія въ англійскомъ парламентѣ, какъ сказано, поповоду резолюціей Гладстона готовы были послужить поводомъ для другой дипломатической компаніи, задуманной, какъ увѣряли въ Берлинѣ, для совмѣстнаго съ Россіей исполненія. Предпринималось своего рода наступательное дѣйствіе на Англію, съ цѣлью пригласить ее высказаться—въ чемъ именно она полагала свои жизненные интересы, неприкосновенностью которыхъ она обусловила свой нейтралитетъ? Изъ вышесказаннаго мы знали, что разъ они были уже довольно точно формулированы въ палатѣ общимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ трехъ пунктовъ, которыми особенно дорожатъ англичане. Вмѣсто этихъ трехъ пунктовъ неприкосновенности, къ которымъ свели англійскіе интересы на Востокѣ - гг. Кроссъ и г. Стаффордъ. Норскоттъ распространилъ ихъ на цѣлость Турціи, другими словами—возвратилъ англійскую политику къ ея заповѣдному принципу охранять неприкосновенность Оттоманской имперіи, вѣрнѣе говоря, неприкосновенность ея государственнаго порядка отъ мало-мальски существенныхъ въ немъ измѣненій. Притомъ же, постановленные г. Кроссомъ условія нейтралитета Англіи онъ обобщилъ, превратить въ опезпеченіе пути въ Индію. Но если извѣстно, гдѣ этотъ путь оканчивается, то далеко нельзя было сказать, гдѣ этотъ путь, по мнѣнію англійскаго правительства, долженъ начинаться и чрезъ какіе пункты долженъ пролегать. Выраженіе, употребленное оффи-

ціальнымъ ораторомъ „каковъ-бы этотъ путь ни былъ“, не только не опредѣляло этого направленія, но давало понять, что такихъ путей прохожденія, нѣсколько и, что обеспеченіе всѣхъ ихъ входило въ англійскіе интересы.

При столь общемъ опредѣленіи условій своего нейтралитета, англійская политика отнимала у послѣдняго двѣ трети его значенія и тѣмъ самымъ локализацію войны дѣлала вопросомъ, который ежеминутно могъ разрѣшиться самымъ прискорбнымъ для общеевропейскаго мира способомъ. Чтобъ выйти изъ этого неблагопріятнаго для локализаціи войны политическаго положенія, создававшаго крайне условнымъ и неопредѣленнымъ нейтралитетомъ Англіи, и предпринимавшимъ относительно ея, какъ увѣрялъ, вышепомянутый коллективный шагъ, имѣвшій цѣлію побудить англійскую политику къ точному опредѣленію,—въ чемъ именно она полагала свои жизненные интересы на Востокѣ, неприкосновенностью которыхъ могло быть обезпечено ея не вмѣшательство въ русско-турецкую войну. Иные шли еще дальше и въ програмну этого дипломатическаго дѣйствія вводили установленіе разграничительной между Россіей и Англіей линіи, по обѣимъ сторонамъ которой обѣ державы, безъ обоюднаго стѣсненія, обезпечивали бы свои интересы. Пренія въ англійскомъ парламентѣ, все время вращавшіяся на англійскихъ интересахъ, имѣли послужить исходнымъ пунктомъ для предполагавшей дипломатической компаніи, къ открытію которой, какъ увѣряли, уже все было подготовлено при недавнемъ свиданіи русскаго посла въ Лондонѣ гр. Шувалова съ канцлеромъ Германской имперіи.

Если шагъ, подобный предсказанному, могъ совершиться, и если онъ не имѣлъ въ виду перейти въ ультиматумъ, то много предстояло условій, чтобъ онъ проложилъ путь къ установленію при помощи одной дипломатіи, мирнаго сосѣдства англійскихъ и русскихъ интересовъ на Востокѣ. Первое и главное изъ нихъ, это искренность англійской политики,—качество, которымъ она менѣе всего отличалась, говоря *одно и дѣлая другое*; второе не менѣе существенное, что требовалось-бы отъ нея,—это пожертвованіе принципомъ неизмѣнности государственнаго строя Турціи и ея цѣлостью въ пользу широкой автономіи народностей, непосредственно подвластныхъ султану. За этимъ шли уже болѣе тѣсные интересы Англіи, которые могли быть опредѣленно обозначены и служить предметомъ переговоровъ. Чтобы сойтись въ подробностяхъ, предварительно слѣдовало условиться въ общемъ. Но могли ли мы питать надежду, что Англія готова была быть откровенной и способна промѣнять существованіе Турціи на независимость славянскихъ племенъ, ее составляющихъ, въ силу однихъ дипломатическихъ убѣжденій, не говорило-ли все прошедшее англійской политики вопреки этому, и не заставляло-ли думать все настоящее о ея твердости на этомъ пути?

У англійскаго правительства нашлись бы выходы изъ того казавшагося затруднительнаго положенія, въ которое, быть можетъ, помышляли его поставить. На вопросъ о своихъ жизненныхъ интересахъ оно могло отвѣтить вопросомъ же объ интересахъ тѣхъ, которые его спрашивали. Разъ эти послѣдніе были-бъ изложены

и опредѣленно формулированы, — для Англіи не было бы ничего лучше, какъ перенести на нихъ сужденіе прежде чѣмъ подвергать таковому же свои. Вѣдь употребляла же она такой точно маневръ послѣ константинопольской конференціи и призывала на судъ не Турцію, а русскую политику по отношенію къ ней. При одинаковомъ положеніи, какъ тогда, такъ и при начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ, переговоры рисковали привести къ тому же самому, къ чему привели не за долго предъ этимъ, когда Англія адвокатировала за турокъ, т. е. къ *разрыву*.

Участіе, фактически принятое въ войнѣ Румыніей, производило болѣе сильное впечатлѣніе въ туркофильскихъ кругахъ, нежели можно было ожидать. Чувствительнѣе всего въ этомъ отношеніи оказывались мадьяры, которые со дня объявленія войны находились и находятся въ какомъ-то первомъ безпокойствѣ, какъ будто прозрѣвая, что на берегахъ Дуная предрѣшалась также и ихъ участь. Въ независимости Румыніи еще только-что провозглашенной, они приводили опасный для себя прецедентъ. „Дуэль до первой крови между Россіей и Турціей, — писали изъ Пешта, могла оставить ихъ внимательными, но еще бездѣйствующими зрителями? между тѣмъ, какъ война для разрушенія Оттоманскаго государства живо затрогивала ихъ жизненные интересы, сходные съ англійскими. Независимостью Румыніи уже сдѣланъ первый шагъ къ разложенію Турціи; завоеванная при помощи Россіи, независимость эта послужила сигналомъ къ упраздненію оттоманской власти въ Европѣ; Сербія, Боснія, Герцеговина, греческія провинціи

будутъ не болѣе, какъ провинціями Россіи". Поверхъ все этого, передъ напуганнымъ воображеніемъ мадьяръ носился призракъ панславизма увлекающій за собою всѣ славянскія племена. Въ Аграмѣ уже играли русскій національный гимнъ; въ Прагѣ чешскіе студенты записывались волонтерами, чтобы идти на борьбу съ полумѣсяцемъ, - что будетъ, восклицалъ мадьярскій корреспондентъ, если русскіе аванпосты явятся передъ Бѣлградомъ, Сараево или Скутари? Но даже если-бъ это и случилось, что могло произойти для жизненныхъ интересовъ Австро-Венгріи? Отвѣчать на это очень трудно, такъ какъ эти жизненные интересы понимались разно въ Австро-венгерской монархіи. Для мадьяръ жизненный интересъ во всемъ сходился съ таковымъ же интересомъ для Турціи и Англіи. На совершенномъ безправіи славянъ держался государственный строй Оттоманской имперіи; на близкомъ къ этому положенію тѣхъ же славянъ построена была система австро-венгерскаго дуализма, ради которой славянскіе интересы принесены въ жертву мадьярамъ въ одной половинѣ имперіи и нѣмецкому меньшинству въ другой. Но эти принесенные въ жертву славянскіе интересы австро-венгерской монархіи, конечно, иначе смотрѣли на свое положеніе въ восточномъ вопросѣ и иначе понимали и понимаютъ его. Для нихъ съ разложеніемъ Турціи откроется новая жизнь вмѣсто того давленія, которое они переносятъ. Это не будетъ, конечно, непосредственнымъ результатомъ эмансипаціи славянъ Балканскаго полуострова, но однимъ изъ ея ближайшихъ послѣдствій. Австро-венгерскому правительству могла предстать задача, для благополучнаго

разрѣшенія которой пришлось бы пожертвовать его мадьярскими симпатіями и удѣлить нѣкоторую долю изъ нихъ въ пользу славянъ во имя тѣхъ же жизненныхъ интересовъ, но понимаемыхъ иначе, нежели понимали ихъ въ Пештѣ.

Легко объяснимо безпокойство мадьяръ за судьбу Турціи и понятенъ ихъ безсильный гнѣвъ на Россію. Еслибъ отъ нихъ зависѣло, они не на минуту бы не поколебались объявить намъ войну и съ отчаяніемъ дрались бы за общее для нихъ, съ турками, дѣло. Но, къ несчастію, не одни они живутъ въ Австро-Венгріи; присутствіе славянъ въ монархіи Габсбурговъ чувствуется нынѣ настолько, что въ Вѣнѣ не рѣшаются сдѣлать имъ вызовъ, который рисковалъ-бы превратить восточный вопросъ изъ вопроса внѣшней австро-венгерской политики въ вопросъ внутренній. Въ Пештѣ понимали трагизмъ, такого положенія и утѣшали себя мыслью, что если австро-венгерская монархія и не двинется противъ Россіи, или, какъ выражались мадьяры, противъ панславизма, то она не приметъ участія въ войнѣ и противъ Турціи, за одно съ Россіей. Это считалось неоспоримымъ, неопровержимымъ! Въ интересахъ локализаціи войны нельзя было желать лучшаго, какъ еслибъ Австро-Венгрія выдержала такую роль до конца, и еслибъ въ Вѣнѣ поняли, что не препятствія, воздвигаемыя освобожденію болканскаго славянства, могутъ укрѣпить вѣрность габсбургскому дому въ его славянскихъ подданныхъ.

Эти услуги и предположенія дипломатіи неостанавливали рѣшительнаго дѣйствія русскаго оружія; наши войска заняли Ольтеницу и смѣнили стоявшія здѣсь румынскія.

Наши баттареи устраивали позиціи на берегу Дуная.

Эта смѣна баттарей произошла чрезвычайно быстро, въ виду у турокъ, которые почему то невоспользовались удобнымъ для нихъ моментомъ и не пустили ни одного снаряда. Всѣ главнѣйшія выгоды и пріимущества боевыхъ позицій между Ольтеницею и Туртукаемъ, конечно, были въ пользу турокъ. Занятый нами берегъ, отъ самыхъ крайнихъ домиковъ Ольтеницы, разстилается широкою, низменною полосою, не прикрытой даже никакою растительностью; только у самой воды тянутся низкія заросли, сгущаясь вправо у впаденія Аржиса. Позиція наша опиралась правымъ флангомъ на этомъ Аржисъ и совершенно была обезпечена какъ разливомъ самого притока, такъ и лежащимъ за нимъ большимъ, водянымъ затокомъ, образовавшимся отъ половодья; влѣво виднѣлось тоже что-то въ родѣ селенія и высокая башня,—это карантинъ.

Въ прошлую компанію турки перешли сами на румынскій берегъ, заняли карантинъ, и на его болотистыхъ окружинахъ дали намъ бой, гдѣ не мало пострадали наши Якутскій и Селенгинскій полки, недостигнувъ никакихъ результатовъ. Наши баттареи, какъ сказано, были расположены на самомъ берегу, войска прикрывались самимъ городомъ и стояли внѣ выстрѣловъ. Инженерная работа окончена и орудія хорошо замаскированы. По ту сторону Дуная берегъ поднимается круто и довольно высоко, скаты его покрыты деревьями и кустарниками; нѣсколько правѣе, т. е. выше, въ небольшой сѣдловинѣ видны между зеленью красныя черепичныя крыши Туртукая, его двѣ—три мечети и колокольня православной церкви;

надъ этимъ на самомъ гребнѣ бѣлѣли ряды полатокъ турецкаго лагеря,—подальше немного еще видны палатки и тянется сѣроватая полоска бруствера турецкой баттареи. Кромѣ того, нѣсколько ниже, уступомъ виднѣлась еще насыпь; къ баттареямъ, отъ города наискосъ пересѣкая береговой скатъ, идетъ дорога; въ бинокль можно было ясно различить по ней движеніе и даже отдѣльныя группы... Перестрѣлка, и довольно жаркая въ то время, гдѣ стояли румыны, стоившая этимъ послѣднимъ, какъ извѣстно,—нѣкоторыхъ жертвъ, съ занятіемъ же этой позиціи русскими войсками, перестрѣлка поддерживалась самая незначительная... Наши орудія отвѣчали иногда на задираніе турокъ, чаще же хранили молчаніе,—не стоитъ молъ пока тратить зарядовъ... Развѣ только, когда замѣчали гдѣ-либо скопленіе войскъ или рабочихъ на брустверахъ *), тогда посылали двѣ—три гранаты и это оказывалось совершенно достаточнымъ, чтобы помѣшать работѣ и на нѣсколько часовъ разгонятъ рабочихъ. Нѣсколько нашихъ гранатъ лопнули чрезвычайно удачно на самомъ брустверѣ. Одна изъ нихъ ударилась, какъ разъ посреди довольно густой толпы рабочихъ, разорвалась и видно было, какъ отъ мѣста катастрофы бѣжали во всѣ стороны турки и прятались въ ложементахъ **); офицеры увѣряли, что есть и оставшіеся на мѣстѣ, что они даже видѣли тѣла.

Ольтеница очень хорошенькій, чистенькій, румынскій городъ, чрезвычайно просторно выстроенный, раздѣленный громадными зелеными площадями, служащими вмѣ-

*) Земляная насыпь, для прикрытія отъ выстрѣловъ.

**) Ложементъ: ровъ съ брустверомъ для прикрытія стрѣлковъ.

стѣ и пастбищами для скота; вокругъ низенькихъ, одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ серебристою жестью, раскинулись красивыя группы садиковъ; посреди города православная церковь, единственная, очень оригинальной архитектуры, около церкви тоже густой тѣнистый садъ и въ этомъ саду подъ старыми тополями видѣнъ насыпной холмъ и на немъ большая мрамарная плита съ надписью: „*Павшіе въ сраженіи съ турками подъ с. Ольтеницею 23-го октября 1853 г. нижніе чины полковъ, Селингинскаго и Якутскаго, пѣхотныхъ, 11-й артиллерійской бригады баттарей, баттарейной № 2-го и легкой № 5-й— пріидетъ часъ въ онь-же вси сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ*“. Въ головахъ у этой плиты видѣнъ другой памятникъ, но выше съ начертанными на немъ именами нашихъ офицеровъ: *Жаворонкова, Прохоровича, Зиненка и Орѣхова*—все это жертвы неудачной попытки аттаковать карантинъ, 25 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь у этихъ памятниковъ почти ежеминутно можно видѣть группы нашихъ солдатъ и казаковъ, а посреди ихъ одного граматѣя, вслухъ читающаго надпись; — люди благоговѣйно крестятся и цѣлуютъ крестъ, высѣченный въ заголовкѣ надписей, и собирались помянать павшихъ героевъ по всей формѣ и отслужить здѣсь панихиду.

Корреспондентъ высказывалъ, что когда онъ подходилъ къ Ольтеницѣ—его поразила пустыня, безлюдныя улицы города, запертыя ставни оконъ и дверей, отсутствіе всякаго движенія внутри домовъ и на дворахъ, и опустѣлые навѣсы сараевъ. Сперва онъ думалъ, что всѣ еще спятъ, потому что было довольно рано, часовъ

5 утра, но вотъ солнце поднялось выше, стало даже сильно пригрѣвать; давнымъ давно ожили русскіе бивуаки, а городъ все еще былъ тихъ и безлюденъ... Оказалось, что почти всѣ жители, уже двѣ недѣли тому назадъ, выбрались отсюда въ окрестности, болѣе покойныя и удаленныя отъ боевыхъ опасностей, оставивъ свои жилища подъ охрану замковъ и запоровъ; въ городѣ оставалась открытою только единственная, довольно, впрочемъ, сносная гостинница и небольшой ресторанъ, гдѣ можно порядочно пообѣдать.

Войска наши стояли лагеремъ по правую и лѣвую сторону ведущей въ городъ дороги, и, какъ уже описано расположены на просторныхъ площадяхъ. Здѣсь царствовалъ самый строгій, чисто боевой порядокъ—всюду видны часовые и группы отдѣльныхъ карауловъ, по берегу и его окрестностямъ видны были постоянные разъѣзды, казачьи аванпосты выставлялись далеко вправо по Аржису и влѣво по теченію Дуная, за карантиномъ. Все, что только могло служить орудіемъ переправы, каждый крохотный рабочій челнокъ; все забиралось, причаливалось къ берегу и тщательно охранялось; а на томъ берегу, у пристани Туртукая, видны были какія-то большія лодки, увѣряли, что тамъ были и мониторы; тѣ двѣ канонирки, стрѣлявшія по румынскимъ баттареямъ, ушли въ Силистрію, а больше не было военныхъ судовъ, кромѣ транспортныхъ барокъ... На сколько можно было наблюдать въ сильныя зрительныя трубы, въ Туртукаѣ тоже было пусто, и кромѣ движенія военнаго, частной жизни не было замѣтно. Съ того берега, доходили извѣстія весьма печальнаго свойства:

говорили, что турки просто на просто дорѣзали туртукайскихъ болгаръ. Въ турецкій лагерь подъ Туртукаемъ прибыло на дняхъ два табора мутегафиза, народнаго ополченія — кавалеріи у турокъ здѣсь почти не было. Въ это время, Дунай, начавшій было входить въ свои нормальные берега и только что пріостановился, снова прибылъ не много. Причиною тому трехсуточные дожди, лившіе все это время безъ промежутковъ. Солдаты и офицеры, большіе и малые, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали перехода на тотъ берегъ, но эта главная тайна нашего штаба была задернута самымъ непроницаемымъ покровомъ, но уже въ воздухѣ чуелась близость чего-то рѣшительнаго, потому что русскія войска не сосредоточивались на Дунаѣ большими массами и такимъ образомъ тщательно скрывали свой планъ до тѣхъ поръ, пока не соберутся всѣ войска, назначенныя для перехода черезъ Дунай, равно, какъ пока не прибылъ весь боевой матеріалъ и съѣстные припасы. Въ какомъ пунктѣ предполагалась самая крупная операція переправы?—не всѣ знали даже и въ большомъ военномъ совѣтѣ русскаго Главнокомандующаго.

Пароходъ „Константинъ“.

Эта тайна военной тактики на берегахъ Дуная не останавливала дѣйствіе русскаго оружія въ прочихъ мѣстахъ, а именно изъ Севастополя писали, что винтовой пароходъ „*Константинъ*“, снабженный почти исключительно миннымъ вооруженіемъ (на немъ всего четыре небольшихъ орудія), покинувъ въ первый разъ

севастопольскій рейдъ, отправился въ море 28-го апрѣля. Въ открытомъ морѣ ему на каждомъ шагу грозила опасность повстрѣчаться съ броненосцами турецкой эскадры, которая находясь на стоянкѣ въ Батумѣ, выслала оттуда отряды для бомбардировки русскихъ портовъ. Случай однако же благопріятствовалъ „*Константину*“: ему удалось совершенно счастливо добраться до Поти, куда онъ прибылъ черезъ двое сутокъ, еще до захода солнца.

Батумскій рейдъ былъ отсюда всего въ двухъ-часовомъ разстояніи. Дождавшись сумерокъ, „*Константинъ*“ направился къ рейду и, остановившись въ нѣсколькихъ миляхъ, дождался ночи. Ночь была темная, благопріятствовавшая задуманному предпріятію. Въ 10-ть часовъ были спущены на воду четыре миноносные катера: *Чесма*, *Минеръ*, *Синопъ* и *Наваринъ*. Каждый изъ нихъ находился подъ управленіемъ офицера съ пятью или шестью матросами судовой команды. На одномъ изъ нихъ, именно на катерѣ „*Минеръ*“ находился и самъ капитанъ парохода, лейтенантъ Макаровъ. Всѣ четыре катера направились ко входу въ Батумскій рейдъ. Здѣсь съ величайшими предосторожностями пробравшись среди минныхъ заграждeній, они вслѣдъ одинъ за другимъ вошли въ бухту. Роли были распредѣлены, нападеніе должно было произойти въ такомъ порядкѣ: первенствующая роль, какъ лучшему ходоку, была предоставлена катеру „*Чесма*“ находившемуся подъ управленіемъ опытнаго минера, лейтенанта Зацаревскаго. Между тѣмъ, какъ три другіе катера держались при входѣ въ бухту. *Чесма* отважно сталъ подвигаться впередъ. Скоро на катерѣ увидѣли

сторожевой турецкій пароходъ, который, неся на себѣ красный и зеленый огни, стоялъ подъ парами первымъ въ рейдѣ. Зажженные огни доказывали, что онъ маневрировалъ вокругъ эскадры, стоявшей на якорѣ. Къ этому пароходу направилась *Чесма*, осторожно подкрадываясь къ лѣвому борту. Скоро ей удалось совершенно незамѣченной скользнуть вдоль борта этого громаднаго колеснаго парохода и обогнуть его съ носа. Между тѣмъ матросы, находившіеся на катерѣ, по командѣ лейтенанта Зацаревскаго, произносившейся, разумѣется, шопотомъ,—принялись за свою таинственную работу. Мпнная металлическая трубка, снабженная особаго рода поплавкомъ, была погружена въ воду, и съ помощью особыхъ проволочныхъ проводовъ въ палецъ толщиною, её начали подводить подъ самое дно носовой части судна. Легкій шумъ, который произошелъ при этомъ, привлекъ вниманіе турецкаго часоваго, ходившаго съ ружьемъ по борту. Раздался его гортанный своеобразный окликъ: „кто гребетъ“? Чтобы отдалить непріятельскую тревогу, хотя на нѣсколько секундъ, пока мина будетъ окончательно подведена, ему отвѣчали съ катера такимъ же гортаннымъ окликомъ, поддѣлываясь подъ турецкій говоръ. Но эта хитрость не удалась. Часовой схатилъ ружье, перегнулся за бортъ, нацѣлился и выстрѣлилъ. Однако находившіеся на катерѣ не потеряли присутствія духа. Благодаря темнотѣ ночи, выстрѣлъ въ нихъ не попалъ. Съ удвоенною таинственностью и поспѣшностью мина вскорѣ была подведена окончательно, слышно было, какъ она стукнулась о дно судна. Осталось только погрузить въ гальваническую

баттарею, находившуюся на катерѣ, цинковую пластинку, прикрѣпленную къ обоимъ концамъ приводовъ,— и взрывъ долженъ былъ послѣдовать.

На *Чесмѣ* въ эту минуту были такъ увѣрены, что аттакованный пароходъ моментально вслѣдъ за этимъ взлетитъ на воздухъ, что у одного изъ бывшихъ тутъ матросовъ зачесался языкъ поострить надъ турецкимъ часовымъ, поднявшимъ тревогу. „Что, турка, не будешъ больше кофій пить“? Но взрыва—не послѣдовало.

Трудно было съ точностію опредѣлить причины такой неудачи. Слѣдуетъ замѣтить однако же, что на этотъ разъ была пущена въ ходъ мина *) совершенно своеобразной, новѣйшей системы, какая доселѣ еще нигдѣ не была въ употребленіи. Очень можетъ быть, что новизна дѣла и сравнительная сложность конструкціи помѣшали на первый разъ успѣшности смѣлаго предпріятія.

Послѣ неоднократныхъ попытокъ исправить встрѣтившуюся погрѣшность, препятствувавшую взрыву, нельзя уже было долѣе мѣшкать. *Чесмѣ*, а вслѣдъ за нимъ и другимъ катерамъ, стала грозить гибельная опасность. Съ аттакованнаго парохода взлетѣла сигнальная ракета, и вслѣдъ затѣмъ весь рейдъ освѣтился фальшвейрами **). Одновременно турки открыли картечный огонь съ побережныхъ баттарей и съ броненосцевъ. Катеру *Чесма* пришлось особенно плохо, онъ былъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ надвигавшагося на него заднимъ ходомъ турецкаго парохода. Пришлось моментально бросать мину и рубить проводы, запутавшіеся въ коле-

*) a) Подкопъ или снарядъ для взрыва Мина. b) Подземная галлерея.

**) Бумажныя трубки, набитыя ярко-горящимъ составомъ.

сахъ парохода. Только благодаря быстротѣ своего хода и находчивости командира, ему удалось невредимымъ выйти изъ рейда и соединиться съ остальными катерами. „*Константинъ*“ между тѣмъ, не дожидаясь своихъ катеровъ, спѣшилъ уйти отъ грозившей и ему опасности. Такъ какъ сторожевой турецкій пароходъ пустился въ погоню за катерами, осыпая ихъ ружейными выстрѣлами, между тѣмъ какъ съ береговъ имъ грозилъ картечный огонь, то они всѣ четыре пустились въ разсыпную, что бы затруднить погоню. Эта уловка оказалась спасительною. Имъ удалось спастись всѣмъ четыремъ. „*Минеръ*“ и „*Наваринъ*“ совершенно благополучно добрались до „*Константина*“, который, принявъ ихъ, и тотчасъ же направился въ Севастополь; за то двумъ другимъ, „*Чесмѣ*“ и „*Синопу*“, пришлось таки побѣдствовать прежде чѣмъ добрались они до Поти. Но благодаря мужеству, находчивости и самоотверженію отважныхъ нашихъ моряковъ, и имъ удалось миновать всѣ опасности, хотя на первый взглядъ гибель ихъ казалась неизбѣжна. Ихъ прибытіе въ Поти ознаменовалось восторженной радушной встрѣчей: ихъ встрѣтили какъ истинныхъ героевъ....

Кромѣ этихъ отважныхъ дѣйствій, пароходъ „*Константинъ*“, командиръ, лейтенатъ Макаровъ снова вышелъ изъ Одессы и въ это время имѣлъ на букспрѣ шесть паровыхъ катеровъ, вооруженныхъ минами; вслѣдъ за нимъ вышелъ пароходъ „*Владиміръ*“ для поддержки въ случаѣ надобности. Пріостановившись у Змѣинаго острова (Фидонаси), пароходъ „*Константинъ*“ послѣ полуночи двинулся къ Сулину въ надеждѣ встрѣтить крейсерующіе здѣсь обыкновенно по ночамъ турецкіе

броненосцы; на этотъ разъ, однако, они стояли на Сулинскомъ рейдѣ. Лейтенантъ Макаровъ, подойдя къ Сулину на пять миль, въ 2 часа ночи пустилъ впередъ миноносные котеры противъ 4-хъ непріятельскихъ броненосцевъ, изъ которыхъ три стояли на якорѣ, четвертый же былъ на ходу. Буксиры не медленно отдали, и катера пошли впередъ двумя колоннами. Черезъ полчаса они были въ такомъ положеніи, что огонь сулинскаго маяка приходился съ лѣвой стороны, но непріятельскихъ судовъ еще не было видно. Всѣ катера выстроились тогда во фронтъ и, держась очень близко одинъ отъ другаго, пошли впередъ. На катерѣ № 2-й *), машинная рубка была прикрыта брезентами **), щели, пропускавшія свѣтъ на глухо затянуты; команда размѣщена по рубкамъ и катеръ двинулся впередъ самымъ малымъ ходомъ. Работа машины была еле слышна. Черезъ нѣсколько минутъ катеръ „*Чесма*“ командиръ Зацаренный приблизился къ № 2-му и сообщалъ, что видитъ непріятельское судно съ лѣвой стороны. Перекинувшись нѣсколькими словами, „*Чесма*“ повернула направо, желая обойти турецкое судно, и скрылась въ темнотѣ. Вскорѣ на носу катера № 2, саженяхъ въ 80-ти, стали ясно обрисовываться очертанія большаго двухмачтоваго бро-

*) Кромѣ Лейтенанта Рождественскаго, на катерѣ № 2-й были: механикъ Алексѣй Кавцеровъ, машинистъ Самуилъ Ветцель, минеръ-матросъ Соколовскій и волонтеръ Владиміръ Обручевъ, отставной артиллерійскій офицеръ; вольнонаемные охотники: матросъ Павелъ Коваленко и кочегары Степанъ Шпаченко и Иванъ Желтовъ. Вмѣстѣ съ Лейтенантомъ Пущинымъ на катерѣ № 1 были машинистъ Иванъ Морозовъ и вольнонаемные охотники: матросъ и Димитрій Самотванъ и кочегары Максимъ Коватовъ и Іосифъ Испомнящій.

**) Толстыми парусинами.

неносца съ большимъ выдающимся тараномъ *). Пріостановивъ работу машины, катеръ № 2-й нѣсколько минутъ поджидалъ „*Чесму*“ и затѣмъ двинулся впередъ самымъ тихимъ ходомъ. Справа обогналъ катеръ Рождественскаго, — катеръ Пущина. Механикъ Канцеровъ спросилъ его тихо: Видите ли вы влѣво турецкое судно? Пущинъ отвѣчалъ: „Вижу“ и скрылся. Вслѣдъ за этимъ съ катера № 2 увидѣли турецкое судно, выходившее изъ-за маяка въ море, и съ лѣвой стороны катера показались очертанія еще двухъ броненосцевъ. Всѣ три стояли въ одну линію передъ входомъ въ Сулинскій портъ, куда, по причинѣ малой глубины между моллами **) глубоко сидящіе броненосцы не входятъ. Слышно было, какъ часовые эскадры перекликались; огни на всѣхъ судахъ были погашены или прикрыты, но они стояли подъ парами; катеръ прибавилъ ходу и двинулся въ аттаку. По мнѣнію коменданта катера, было-бы безопаснѣе аттаковать крайнѣе къ югу судно, но положеніе катера относительно крайняго къ сѣверу монитора, стоявшаго у него, такъ сказать „на носу“, было такъ соблазнительно, что Рождественскій рѣшился не перемѣнять цѣли и приказалъ опустить шестъ съ миной въ воду; при аттакѣ шестовая мина опускается въ воду на глубину $8\frac{1}{2}$ футовъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ударъ приходился въ подводныя части корпуса монитора, не прекрытыя броней.

Зная о близости остальныхъ шлюпокъ и опасаясь ихъ повредить, а также, чтобы лучше видѣть по сторонамъ,

*) Древняя стѣнобитная машина.

**) Насыпь при входѣ въ гавань, защищающая корабли въ гавани.

Рождественскій не закрылъ крышки боевой рубки, гдѣ помѣщается командиръ миноноснаго катера и гдѣ находятся гальваническія баттареи и рулевой аппаратъ. Въ десяти саженяхъ отъ броненосца раздался окликъ часоваго, который немедленно выстрѣлилъ изъ ружья. Вслѣдствіе этого произвола, тревога на рейдѣ и со всѣхъ судовъ, начался частый ружейный огонь. По заранѣе составленной программѣ, съ момента перваго выстрѣла катеръ прибавилъ ходу, чтобы до удара быть подъ ружейнымъ огнемъ какъ можно меньше времени. Въ это время было почти два часа ночи. У самаго борта броненосца почти въ упоръ произошелъ автоматическій взрывъ, но о результатахъ трудно было судить сейчасъ же, во первыхъ по адской темнотѣ, а во вторыхъ потому обстоятельству, что глубина Сулинскаго рейда не превышаетъ 25—30 футовъ и мониторъ, сидящій 20 футовъ, не можетъ погрузиться въ воду совершенно. Часть столба воды, поднявшагося отъ взрыва мины и отраженнаго отъ борта броненосца, попала въ катеръ и наполнила рулевое отдѣленіе на три фута. Это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, спасло катеръ отъ неминуемой гибели. Такъ какъ катеръ имѣетъ непроницаемыя переборки, то отъ воды онъ не пострадалъ. Въ самый моментъ взрыва мины раздался первый пушечный выстрѣлъ, который ярко освѣтилъ поднявшійся столбъ воды Снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами нападавшихъ. Дали полный задній ходъ и начали удаляться отъ броненосца подъ усиленнымъ ружейнымъ огнемъ съ судовъ. Но тутъ оказалось, что катеръ не можетъ управляться, такъ какъ колесо штурвала отскочило отъ переборки,

къ которой было прикрѣплено. Оставался еще одинъ штурвалъ *) на верху, но и онъ недѣйствовалъ: цѣпочки ходили по блокамъ и руль не поворачивался. Рождественскій вмѣстѣ съ Канцеровымъ начали перевязывать цѣпочки руля веревками и когда ихъ стянули, то руль подѣйствовалъ. Затѣмъ, Канцеровъ съ минеромъ Соколовскимъ бросились рубить проводники и отвинчивать гайки миннаго шеста, который былъ сломанъ и могъ сильно затруднить ходъ впередъ. Все это дѣлалось подъ градомъ ружейныхъ и картечныхъ пуль. Сбросивъ шестъ, катеръ далъ полный ходъ впередъ, старался уйдти отъ погнавшагося за нимъ сосѣдняго монитора. Во время выступленія опять былъ моментъ весьма щекотливый: внезапно въ котлѣ упавъ паръ. Съ гнавшагося броненосца открыли даже ружейный огонь и мониторъ почти настигалъ миноносецъ; механику Канцерову пришла счастливая мысль, бросить въ топку до 5 пуд. сала и, благодаря этой находчивости, удалось поднять паръ до надлежащаго давленія, и вскорѣ броненосецъ, началъ отставать, а потомъ и перемѣнилъ курсъ.

Уходя, Рождественскій далъ знать Пущину приняться за тотъ же броненосецъ. Пущинъ не заставилъ себя долго ждать, направилъ миноносецъ къ броненосцу, но что далѣе произошло—неизвѣстно, потому что Пущинъ взятъ въ плѣнъ. Съ турецкихъ судовъ стрѣляли безпрестанно; среди этого былъ ясно замѣченъ взрывъ снаряда миноносца Пущина и новый столбъ воды. Разсматривать не было времени: катера и одинъ миноно-

*) Штурвалъ—рулевое колесо.

сецъ поспѣшили къ пароходу „*Константинъ*“, гдѣ и ожидали Пущина нѣсколько времени; наконецъ, заботясь о безопасности, поспѣшили отправиться къ Одессѣ.

На пути въ Одессу въ катерѣ была замѣчена прибыль воды. На другой день его вытащили на элингъ *) и, при осмотрѣ, оказались слѣдующія поврежденія: въ носовой части, близь киля, ослабѣли и лопнули 16 заклепокъ; посрединѣ на килѣ **) замѣтны ясные слѣды тренія о какое-то твердое тѣло; въ кормѣ желѣзная поддѣлка на киль, находящаяся на $1^1/_2$ фута ниже линіи киля, согнута въ правую сторону и назадъ; нижняя часть руля помята и одно изъ перьевъ винта согнуто назадъ, кромѣ того видны глубокія выбоины отъ картечныхъ пуль, а дымовая труба пробита картечью на сквозь. Всѣ эти поврежденія заставляли достовѣрно предполагать, что турецкіе броненосцы въ Сулинѣ стояли за боннымъ загражденіемъ и что катеръ № 2-й, а вѣроятно, и катеръ Пущина, незамѣтно для себя перескочили черезъ бонъ, о который № 2 й и повредилъ себѣ килевую наддѣлку, руль и винтъ. Ударомъ руля о бонъ достовѣрно объясняется и поломка штурвала въ носовой рубкѣ, едва не поставившая катеръ № 2-й въ безвыходное положеніе при отступленіи. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что катеръ № 2-й перескочилъ черезъ бонъ изъ бревенъ. Это дало, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрное направленіе удара мины и взрывъ пришелся, можетъ быть, въ защищенную броней часть корпуса. Но, перескочивъ черезъ бонъ, катеръ № 2-й

*) Элингъ—наклонный помостъ для спуска судна въ воду.

**) Киль четырехгранный брусъ вдоль судна.

былъ въ весьма критическомъ положеніи и подвергался опасности быть утопленнымъ, или захваченнымъ (что и случилось съ катеромъ № 1-й Пущина), потому что выбраться обратно за наружную сторону бона онъ могъ, только благодаря счастливой случайности катера № 2-го и отчасти своей 70-ти футовой длинѣ. Полагать надо, что столбъ воды, упавшій въ носовую часть катера № 2-го, послѣ взрыва и наполнившій носовую часть водою, поднялъ корму, и это дало возможность при полномъ заднемъ ходѣ выскочить изъ загражденій. Сами участники не могли дать себѣ яснаго отчета, какъ все это произошло, и не мудрено, при сильно возбужденномъ состояніи духа, въ которомъ они, вѣроятно, находились въ моменты, послѣдовавшіе за взрывомъ мины. Они говорили только, что столкновеніе было мягкое, а это даетъ поводъ думать еще, что ударъ пришелся въ сѣтку, спущенную съ монитора или въ такъ называемый — кринолинъ. О послѣдствіяхъ нападенія миноносца на турецкій мониторъ узнали только 1-го іюня изъ депеши командира 36-й дивизіи Веревкина, который донесъ, что турецкій мониторъ сильно поврежденъ и долженъ быть вычеркнутъ изъ списковъ турецкаго флота.

Ни на пароходѣ, ни на катерѣ лейтенанта Рождественскаго не было потери, кромѣ царапины на лбу, полученной минеромъ Соколовскимъ отъ разбившагося во время взрыва мины стекла иллюминатора, всѣ были здравы и невредимы.

Для розыска катера лейтенанта Пущина посланъ былъ пароходъ „*Аргонавтъ*“, который доходилъ до устьевъ Дуная, но возвратился не отыскавъ ни какихъ слѣдовъ

катера. По показаніямъ казаковъ, стоявшихъ на постахъ по Килійскому рукаву, и жителей селенія Жебріени, слышны были выстрѣлы къ сторонѣ Сулина въ ночь, слѣдовавшую послѣ ночной аттаки нашихъ миноносцевъ и въ это время лейтенантъ Пущинъ съ прочими при немъ былъ захваченъ турками, и дѣйствительно, 4-го іюня сестра Пущина г жа Горлова, получила отъ Гобарта-паши телеграмму: „лейтенантъ Пущинъ въ плѣну здѣсь, онъ здоровъ и хорошо содержится“ 6-го числа была получена другая депеша отъ самого Пущина: „Я наскочилъ на бонъ. Ботъ разбитъ. Меня и команду взяли изъ воды“. По полученіи первой телеграммы содержаніе ея было передано морскому министру, который телеграфировалъ объ этомъ Государю Императору и Германскому послу въ Константинополѣ принцу Рейссу *).

Взрывъ турецкаго броненосца Хивзи-Рахметъ.

До сихъ поръ думали, что катеръ Пущина погибъ, или отъ взрыва собственной мины, почему-либо взорвавшейся не во время и не въ должномъ положеніи, или вслѣдствіе столкновенія съ бономъ или другой какой-либо преградой. Оказывается, что ни то, ни другое предположеніе не оправдалось на дѣлѣ. Мина взорвана какъ слѣдуетъ и катеръ отошелъ и началъ отступать,

*) Черезъ Германскаго посла, между Россіей и Портой велись переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ. Русскому правительству особенно желательно было освободить изъ плѣна лейтенанта Пущина, и въ обмѣнъ за него оно предлагало 16-ть офицеровъ взятыхъ въ плѣнъ въ Азіи. Турція однако не соглашалась, къ немалому неудовольствію посредника принца Рейсса.

но къ несчастію въ машинѣ его оказалось поврежденіе, которое заставило храбраго лейтенанта Пущина потопить катеръ собственными средствами и броситься съ командою вплавь до ближайшаго берега. Такова истинная исторія катастрофы, которая долго оставалась загадкой. Изъ этого ясно видно, какая значительная доля этой славы принадлежитъ лейтенанту Пущину и его храбрымъ товарищамъ, томящимся въ плѣну въ Константинополѣ.

Случайное взятіе въ плѣнъ лейтенанта Пущина и его команды, турецкому Габарту-паши не дешево обошлось. Не за долго передъ этимъ случаемъ, на Черномъ морѣ, нашими моряками, въ виду Браилова, въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная былъ взорванъ турецкій броненосецъ „*Хивзи-Рахметъ*“. Дѣло это было такъ: ровно въ четыре минуты перваго часа ночи съ тринадцатаго на четырнадцатое мая, когда шелъ проливной дождь, Дубасовъ, испросивъ согласіе капитана Рагули и разрѣшеніе генерала Салова, отваливъ отъ браиловской пристани и съ четырьмя паровыми катерами направился въ Мачинскій рукавъ Дуная, съ цѣлью отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины, хотя одно изъ нихъ. Въ составѣ этой рискованный экспедиціи участвовали катеры: „*Цесаревичъ*“, взятый отъ румынскаго правительства, на немъ: Дубасовъ, Мурженко и 14-ть матросовъ; на разстояніи двадцати саженъ отъ него катеръ „*Ксенія*“ съ лейтенантомъ Шестаковымъ, Петровымъ и 9-ю матросами; на такомъ же разстояніи отъ нея „*Джигитъ*“ съ мичманомъ Персинымъ и 8 ю матросами и „*Царевна*“ съ Балемъ

и 9-ю матросами. Всѣ катеры въ половинѣ третьяго часа вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ срединѣ Мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ, вправо впереди его во мглѣ ненастной ночи обрисовывалась темная масса другаго монитора, влѣво отъ средняго — двухтрубный военный пароходъ. Лейтенантъ Дубасовъ рѣшившись атаковать средній, какъ самый большой, приказалъ лейтенанту Шестакову быть готовымъ къ нападенію, остальнымъ же шлюпкамъ поддерживать нападеніе. Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ сталъ приближаться къ нему. На окликъ часоваго на мониторѣ, Дубасовъ на удачу отвѣчалъ извѣстный ему турецкій отзывъ: „*сызына-дамъ*“, что значитъ: „*вашъ человѣкъ*“, но произнесъ не правильно. Непріятель сразу понялъ фальшивый отзывъ и далъ по шлюпкѣ ружейный выстрѣлъ, что сдѣлали и остальныя судна, но ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой средняго судна хватился за ударный снуръ девятидюймоваго орудія.... осѣчка. Второй, третій разъ— тоже. На палубахъ трехъ судовъ, встревоженныхъ выстрѣлами, поднялась суматоха. Въ это время Дубасовъ нанесъ монитору ударъ правою носовою миной въ лѣвый бортъ, выше лѣвой кормовой раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ, вода наполнила катеръ Дубасова, онъ приказалъ машинисту дать задній ходъ, а командѣ откачивать воду, и крикнулъ: Шестаковъ подходи! Послѣдній подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ со всѣхъ трехъ судовъ, подойдя къ монитору, сильно осѣвшему кормой, но державшемуся

еще на поверхности, нанесъ второй ударъ въ тотъ же лѣвый бортъ. Судно окончательно погрузилось. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторыми ударами минъ, продолжавшійся десять минутъ, всѣ шлюпки остались подъ самымъ бѣглымъ огнемъ. Шестаковъ послѣ взрыва, запутавъ свой винтъ въ обломкахъ монитора, очищалъ его почти у самаго непріятельскаго борта и отстрѣливался изъ револьвера, съ помощію четырехъ матросовъ, отъ штуцернаго огня, направленнаго изъ башни погружавшагося монитора. Катеръ Персина получилъ пробоину въ кормѣ ядромъ и всплескомъ другаго снаряда былъ залитъ. Принужденный отправиться къ берегу для того, что бы заткнуть пробоину, катеръ этотъ запуталъ винтъ въ кустахъ, и долго не могъ высвободиться.

Востокъ сталъ быстро заниматься зарею, можно было различать предметы вблизи и вдали, почему огонь турецкихъ судовъ усилился. Дубасовъ приказалъ шлюпкамъ отступать; всѣ они вмѣстѣ двинулись въ Браиловъ. Ни убитыхъ, ни раненыхъ не было „Только воля Всемогущаго Провидѣнія“, говорилъ Дубасовъ, „могу объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ неистоваго огня, который турки открыли по насъ и поддерживали по крайней мѣрѣ двѣнадцать минутъ“.

Во все время боя офицеры и команда выказали полное самообладаніе и истинно геройское мужество. Во время боя не слышно было даже ни одного громкаго возгласа, только дружное, торжественное „*ура*“ вырвалось у всѣхъ одновременно, когда мониторъ окончательно погрузился въ воду. На другой день 15-го мая за зав-

тракомъ у Великаго князя присутствовалъ капитанъ Рагуля, прибывшій въ Плоэшти. Великій князь провозгласилъ при этомъ тосты за здоровье нашихъ молодцовъ-моряковъ, за того кто устроилъ имъ такія лодки и за здоровье капитана Рагули. Къ обѣду у Великаго князя прибыли вызванные по телеграфу лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ, которые по волѣ Государя, прославшаго телеграмму, были украшены знаками ордена св. Георгія 4-й ст. Великій князь лично повѣсилъ тому и другому свои Георгіевскіе кресты и за обѣдомъ предложилъ тостъ въ честь этихъ первыхъ въ настоящую войну георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга и за здорьвье всего русскаго флота.

Изъ этого видно, что въ то время, когда войска наши, какъ описано выше, еще только приближались къ предѣламъ Болгаріи, русскіе моряки на Черномъ морѣ и на Дунаѣ — не упускали случая показать врагу и его друзьямъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло? Въ свою очередь храбрые русскіе воины, не медлили своими дѣйствіями и въ Азіятской Турціи.

Рекогносцировка вокругъ Карса.

По взятіи *Ардагана* и возвращеніи ардаганскаго отряда въ Занмъ, генерелъ Лорисъ-Меликовъ далъ своимъ войскамъ три дня отдыха, и затѣмъ, 15-го мая, выступилъ подъ Карсъ съ частью главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, поручивъ эту часть командѣ генерала Геймана, и оставивъ всѣ прочія войска въ Занмѣ подъ начальствомъ генерала Девеля. Командующаго корпу-

сомъ, какъ всегда, сопровождалъ начальникъ его штаба. генералъ-маіоръ Духовской, съ нѣкоторыми изъ чиновъ корпуснаго штаба. Отрядъ направился черезъ Халифъ-Оглу, Визинкевъ, Орлокъ, Хаджи-халиль и Ардостъ, къ дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ. Расположившись 18-го мая лагеремъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, между Ардостомъ и Катанлы, и выславъ кавалерію къ Бегли-Ахмету, нашъ отрядъ отрѣзалъ Карсъ отъ Эрзерума, по крайней мѣрѣ состороны главнѣйшихъ путей сообщенія между этими двумя городами. Остальные пути сообщенія, ведущіе изъ Карса въ Эрзерумъ, чрезъ Пенникъ и Ольты, прорваны были 22-го мая, когда нашъ отрядъ расположился лагеремъ у сел. Качалы, а кавалерія его занявшая посты на всѣхъ дорогахъ радіусами, исходящими изъ Карса, съ тѣмъ вмѣстѣ установила правильное и постоянное сообщеніе нашего отряда съ тѣмъ, который остался въ Заимѣ. Съ 23-го мая Карсъ можно было считать вполнѣ отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра.

Корреспондентъ говорилъ, что онъ въ первый разъ увидѣлъ Карсъ изъ Халифъ-Оглы и замѣтилъ, что современныя укрѣпленія черезчуръ мало похожи на то представленіе о крѣпостяхъ, которое слагается въ нашихъ головахъ, на основаніи произведеній батальной живописи. При словѣ крѣпость, мы невольно воображаемъ себѣ городъ, обведенный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими стѣнами, верхушки которыхъ зубцами своими напоминаютъ графскія короны стариннаго фасона. Дѣйствительность, увы, не подтверждаетъ такого представленія. Въ Ардаганѣ еще можно было съ сильною натяжкою фантазіи принять старинную цитадель, съ ея

зубчатыми стѣнами, за крѣпость, какъ мы обыкновенно её представляемъ себѣ. Но въ Карсѣ и этого уже нѣтъ. Карсъ городъ — какъ городъ. Издали онъ очень красивъ. Онъ расположенъ по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, и раскинутъ отчасти на плоскости праваго берега, отчасти же амфитеатромъ, на отлогости холмовъ, усѣяющихъ лѣвый берегъ рѣки. Невооруженный глазъ ясно различаетъ издали массу здоровенныхъ, каменныхъ построекъ, нѣсколько высокихъ минаретовъ и множество мелкихъ зданій, въ срединѣ которыхъ отчетливо отдѣляются бѣлыя строенія, съ виду похожія на геометрическія фигуры изъ папье-маше: это — старинная карская цитадель, скромно сливщаяся теперь съ остальнымъ городомъ. Человѣкъ, не имѣющій понятія о современныхъ крѣпостяхъ, долго будетъ стоять въ виду этого города, и задавать себѣ и другимъ вопросъ: — „а гдѣ же пресловутая грозная карская крѣпость? Ея вѣдь не видно! Ужъ не выдумка ли это нашихъ журналистовъ?“

Её дѣйствительно не видно. Но на холмикахъ и на возвышенностяхъ, окружающихъ Карсъ съ сѣвера, съ запада и съ юга, видны едва замѣтныя черныя ленточки на зеленомъ фонѣ. Эти черныя ленточки, то представляютъ подковообразную фигуру, то составляютъ четвероугольники, либо замысловатые зигзаги съ выдающимися во всѣ стороны углами. Такія же ленточки замѣтны и на плоскости, къ востоку отъ Карса. Это-то и есть укрѣпленія, совокупность, которыхъ образуетъ крѣпость Карсъ.

Карсъ лежитъ ровно въ 60-ти верстахъ отъ Александрополя, и точь-въ точь въ такомъ же разстояніи отъ Ардагана и Саганлугскаго укрѣпленнаго лагеря.

Всѣмъ извѣстно, что стратегическое значеніе Карса не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ служитъ ключемъ къ Эрзеруму и къ цѣлой Малой Азіи, потому что замыкаетъ важнѣйшій путь изъ Закавказья въ центральную долину Анатоліи. Карсъ выстроенъ у подножія террасъ, составляющихъ послѣдніе восточные отроги Чалгаурскихъ горъ: передъ нимъ къ востоку простирается плоская возвышенность, скатертью растилающаяся вплоть до нашей границы, и мѣстами усѣянная отдѣльными возвышенностями, которыя съ Чалгаурскихъ горъ похожи на сахарныя головы, разставленныя на полу, съ большими промежутками. За то западная сторона имѣетъ видъ чисто гористый рядъ высотъ полукругомъ возвышается надъ самою террасою, у подножія которой стоитъ Карсъ. Эти высоты, замѣчательно болѣе возвышенныя, чѣмъ сама терраса, спускаются во всѣ стороны довольно обрывистыми склонами, образуя нѣсколько отдѣльныхъ столовыхъ горъ.

За этимъ первымъ рядомъ возвышенностей, тянутся также полукругомъ, параллельно съ ними, другія, гораздо менѣе высокія, тамъ и сямъ, точно нарочно, разставленныя на довольно широкой плоскости, отдѣляющей первыя возвышенности отъ главныхъ отроговъ Чалгаурскихъ горъ. Эти второстепенныя возвышенности почти всѣ имѣютъ видъ генеральской (продолговатой) полатки, и хребты почти всѣхъ ихъ тянутся радіусами отъ высотъ перваго ряда. Затѣмъ, еще далѣе къ западу и къ сѣверо-западу, верстахъ въ 6-ти отъ этого ряда, начинаются отроги главныхъ Чалгаурскихъ горъ, хребетъ которыхъ отстаетъ верстъ на 12-ть отъ Карса.

Рѣка Карсъ-Чай, какъ сказано дѣлитъ городъ на двѣ части. Она протекаетъ тутъ по глубокой трещинѣ, имѣющей почти совершенно отвѣсные спуски и въ чертѣ самаго города извивается въ формѣ французской буквы S. Терраса лѣваго берега переходитъ отчасти и на правый, восточный берегъ Карсъ-Чая. Она образуетъ тутъ „языкъ земли“, отвѣсно спускающійся къ плоскости съ трехъ своихъ сторонъ, съ востока, юга и запада (съ послѣдней стороны она спускается, впрочемъ, къ рѣкѣ). Эта правобережная терраса прикрываетъ городъ съ сѣверной стороны. Главнѣйшая же часть города, расположенная на плоскости праваго берега, и у подножія террасъ обоихъ береговъ Карсъ-Чая, прикрывается къ западу и сѣверо-западу обрывами лѣвобережной террасы. Такимъ образомъ, городъ Карсъ закрытъ съ сѣвера и запада отвѣсомъ террасъ, сходящихся прямымъ угломъ. Во входящемъ углѣ, у изгиба рѣки, на ея лѣвомъ берегу, красуется бѣлая цитадель, возвышающаяся высоко надъ городомъ. Самый же городъ расположенъ на право и на лѣво отъ цитадели, такъ что обѣ стороны города сходятся къ цитадели, тоже подъ прямымъ угломъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что обѣ эти стороны, расположенныя, какъ уже сказано вначалѣ — амфитеатромъ, у подножія террасъ, сверхъ того еще подымаются по мѣрѣ приближенія къ цитадели, что передъ городомъ разстилается необозримая равнина,—это описаніе составляетъ довольно сносное представленіе о городѣ Карсѣ.

Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе къ укрѣпленіямъ, начавъ съ сѣвера.

На террасѣ, прикрывающей городъ съ сѣвера, возве-

дено весьма значительное укрѣпленіе Карадахъ, обстрѣливающее плоскость къ сѣверо-востоку отъ Карса. Оно имѣетъ два ряда валовъ и рвовъ, первая линія которыхъ возведена надъ восточнымъ обрывомъ террасы.

Эта терраса носитъ названіе Карадахской горы. Къ сѣверо-западу отъ Карадахскаго укрѣпленія она образуетъ возвышеніе, господствующее надъ нимъ. На этомъ возвышеніи, надъ западнымъ обрывомъ террасы, возведено укрѣпленіе Арабъ, обращенное къ сѣверу. Оба эти укрѣпленія возведены съ небольшимъ въ верстѣ отъ цитадели.

Рядомъ съ Арабомъ, но уже на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая, и тоже надъ самымъ обрывомъ лѣвобережной террасы, выстроено укрѣпленіе Мухлисъ, направленное противъ сѣвера. Оно съ трехъ своихъ сторонъ защищено, независимо отъ своихъ собственныхъ валовъ, отвѣсными обрывами террасы, образующей тутъ небольшой выступъ. Съ этого мѣста терраса ровно и отлого спускается къ западу, образуя плоскость въ $1\frac{1}{2}$ версты шириною. Она называется Чахмахскими горами. Такъ какъ на этой плоскости нѣтъ выдающихся возвышенностей, то турки укрѣпили небольшой бугорокъ, лежащій очень близко отъ города; укрѣпленіе это называется Инглисъ. На другомъ такомъ же бугрѣ, тоже недалеко отъ города, расположено болѣе значительное укрѣпленіе Вели-паша-Табіэ, обращенное своимъ фронтомъ уже къ западу. Въ сѣдловинѣ между двумя этими буграми недавно выстроено небольшое укрѣпленіе Блюмъ-паша-Табіэ, направленное къ западу. Въ одномъ кругѣ съ этими тремя ближайшими къ городу укрѣпленіями

находится, у самаго входа Карсъ-Чая въ городъ, укрѣпленіе Чимъ, обращенное лицомъ къ югу-западу, а противъ него, уже на правомъ берегу рѣки, строилось укрѣпленіе Сувари. Всѣ эти мелкія укрѣпленія: Инглисъ, Блюмъ-паша, Вели-паша, Чимъ и Сувари составляютъ первую, ближайшую линію Карскихъ укрѣпленій.

Вторая, непосредственно болѣе важная и отдаленная линія карскихъ укрѣпленій, состоитъ, на ряду съ Карадахомъ, Арабомъ и Мухлисомъ, изъ фортовъ возведенныхъ на Шорахскихъ горахъ, примыкающихъ къ Карсу съ юго-западной стороны: Лазъ-Гаписи (направлено къ сѣверо-западу) Ай-Габіэ, Тихъ-Тапаси (направлено къ западу) и Гохмасъ (обращенное къ юго-западу). Это тѣ самыя Шарахскія высоты, которыя Паскевичъ занялъ въ 1828 г. безъ сопротивленія, и откуда онъ разгромилъ стѣны Карса. Съ этой же стороны подступилъ къ Карсу въ 1855 г. и Муравьевъ, но уже далеко не съ тѣмъ успѣхомъ... Передъ ними въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ, и даже ближе, отъ стѣнъ укрѣпленія, возвышаются холмы, оставленные непріятелемъ безъ всякихъ укрѣпленій, потому, вѣроятно, что они обстрѣливаются всѣми Шараховскими фортами... Нашъ теперешній лагерь былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этихъ холмовъ.

Далѣе съ восточной стороны Карса, на плоскости, расположены укрѣпленія Канлы и Хафисъ-паша обстрѣливающія всѣ дороги, ведущія къ Карсу съ юговостока и съ востока. Изъ этихъ послѣднихъ укрѣпленій Хафисъ-паша имѣетъ громадные размѣры. Онъ, какъ

и рѣшительно всѣ укрѣпленія второй, отдаленной линіи; имѣетъ весьма значительные профили, и сверхъ главныхъ своихъ валовъ, снабженъ, опять-таки, какъ и всѣ прочіе форты, большимъ количествомъ передовыхъ укрѣпленій, ложементовъ для стрѣлковъ, траншей и т. п. Названныя укрѣпленія образуютъ вокругъ Карса площадь, имѣющую около 5 верстъ въ діаметрѣ. Говорятъ, что они были вооружены дальнострѣльными орудіями выстрѣламъ которыхъ доступна обширная площадь на 20 верстъ въ діаметрѣ. Само собою разумѣется, что брустверы ихъ имѣютъ огромные размѣры, и что на нихъ явственно рисуются громадныя пушки, направленныя во всѣ стороны горизонта. Валы фортовъ *), какъ вездѣ кажутся черными. На основаніи ихъ чуть-ли не до половины ихъ высоты, въ бинокль казалось бѣлымъ. Вѣроятно это происходило отъ того, что рвы укрѣпленій, и здѣсь, какъ въ Ардаганѣ, высѣчены въ скалистомъ грунтѣ.

До паденія Ардагана, въ Карсѣ возлагались чрезвычайныя надежды на гарнизонъ и вооруженіе этой твердыни. Какъ Карскія власти, такъ войска и населеніе этого города совершенно убѣждены были, что русскіе никогда не овладѣютъ ардаганскими укрѣпленіями, возведеніе которыхъ стоило громадныхъ денегъ и производилось *важными иностранными инженерами*. Кромѣ того, въ Карсѣ всѣ лично знали одного изъ защитниковъ Ардагана,—Мираlая, т. е. полковника Кафтаръ-Бека, родомъ черкесъ. Онъ извѣстенъ былъ въ Карсѣ, какъ

*) Фортъ—отдѣльное укрѣпленіе.

одинъ изъ образованнѣйшихъ турецкихъ офицеровъ, а личная его храбрость, энергія и распорядительность заслужили ему довѣріе войскъ и населенія. По этому когда въ пятницу 6-го мая, въ Карсъ пришло извѣстіе о взятіи Ардагана русскими, никто рѣшительно не повѣрилъ этой новости. Но въ воскресенье 8-го мая, въ Карсъ пріѣхали ардаганскіе жители, разсказавшіе подробности о взятіи русскими Ардагана. Они говорили, что русскіе поставили пушки на горахъ, и оттуда стрѣляли въ укрѣпленія и въ самый городъ, что многіе изъ жителей погибли отъ русскихъ бомбъ и что войска не въ состояніи были удержаться, такъ много было у русскихъ пушекъ и войскъ. Жители, дома ихъ, были разграблены, корапапахами; но когда пришли русскія власти, онѣ пригласили жителей и увѣрили ихъ, что никто ихъ трогать не будетъ. Карское населеніе пришло отъ этого извѣстія въ такое уныніе, что многіе громко говорили: „*дай Богъ, чтобы русскіе поскорѣе взяли Карсъ, кончивъ дѣло однимъ ударомъ; по крайней мѣрѣ меньше будемъ страдать отъ лишеній*“. Начальствующія лица, видя, что народъ упалъ духомъ, созвали войска и объявили имъ, что „правда, русскіе взяли Ардаганъ, но за то и мы, турки, овладѣли Ахалцыхомъ; здѣсь же въ Карсѣ, мы будемъ держаться крѣпко и храбро, разобьемъ русскихъ“. Но ихъ словамъ почти никто не повѣрилъ. Всѣ понимали, что взятіе Ахалцыха выдумано въ Карсѣ, потому что гонца съ такимъ извѣстіемъ никто не видѣлъ. Въ городѣ сейчасъ же начали толковать, что если палъ Ардаганъ, гдѣ находились лучшія войска, арабистанцы, то Карсъ не долго можетъ дер-

жаться. Съ этихъ поръ почти все населеніе Карса убѣждено, что русскіе не сегодня, такъ завтра, непремѣнно возьмутъ Карсъ.

О томъ же убѣжденіи карскихъ жителей свидѣтельствовали и слѣдующіе факты. Одинъ изъ александропольскихъ армянъ, болѣе десяти лѣтъ торговавшій въ Карсѣ, собрался выѣхать изъ него; когда узналъ, что его подозрѣваютъ въ доставленіи свѣденій русскимъ властямъ. Сосѣди и знакомые упрашивали его не дѣлать этого. „Когда русскіе возьмутъ Карсъ“, говорили они ему, „вы поведете насъ къ нимъ, и выхлопочите, чтобы насъ не трогали и не убивали“. Еще характернѣе другой случай. Разбойникъ Мехрали захватилъ 12 нашихъ маркитантовъ съ ихъ запасами. Одинъ изъ пашей подарилъ ему и его товарищамъ по шайкѣ все захваченное имущество. Но гражданскій губернаторъ Карса потребовалъ, чтобы подаренное имущество было отобрано, или, по крайней мѣрѣ, чтобы ему составлена была опись. „Когда русскіе войдутъ въ Карсъ, заявлялъ губернаторъ, они потребуютъ отъ насъ вознагражденіе маркитантамъ, и если теперь же не будетъ составлена опись, то они взыщутъ слишкомъ много, въ десять разъ болѣе чѣмъ было“ (хитёръ губернаторъ для своей же пользы). Если карскія власти дѣйствительно, говорили такія вещи, то не удивительно, что населеніе—плохо вѣрило въ успѣхъ обороны руководимой англичанами.

Турецкія власти дѣйствительно занимались подготовленіемъ обороны съ помощію друзей ихъ англичанъ. Не говоря о прежнихъ работахъ по сооруженію карскихъ укрѣпленій, съ марта мѣсяца нынѣшняго 1877 года,

вокругъ города шла работа днемъ и ночью. Вырывались рвы, возводились валы, копались ямы и. т. п. Въ апрѣлѣ, кромѣ бывшихъ, пріѣзжали въ Карсъ *англійскіе инженеры* для осмотрѣнія всѣхъ укрѣпленій. Они сказали, что только два укрѣпленія вообще хорошо устроены,—Тохмасъ и Карадагъ; не одобрили остальныхъ; а объ укрѣпленіи Инглисъ (Тиздаль-табіэ) они сказали, что это „врагъ Карса, что русскіе легко могутъ взять его, а если они возьмутъ Инглисъ, то другія укрѣпленія имъ взять будетъ легко. Съ пріѣзда этихъ знатаковъ англійскихъ инженеровъ, работы пошли еще дѣятельнѣе. Они пробыли въ Карсѣ не болѣе 5-ти дней, а потомъ уѣхали въ Ардаганъ и болѣе въ Карсъ уже не возвращались, боясь выказать свою неопытность!

Когда русскія войска показывались съ какой-либо стороны, то всѣ турецкія войска, разставленныя гарнизономъ въ укрѣпленіяхъ Карса, переводились въ тотъ фортъ, со стороны котораго показывались русскіе. Въ прочихъ же фортахъ оставались одни лишь артиллеристы. Орудія размѣщенныя въ фортахъ, постоянно перевозились изъ форта въ фортъ, неизвѣстно съ какою цѣлью. Передвиженіе ихъ происходило большею частью по ночамъ.

Въ укрѣпленіяхъ было много новыхъ и большихъ орудій, привезенныхъ въ Карсъ прошлую зимою. Между ними находились мѣдныя, и стальныя. Ихъ подвозили на волахъ и буйволахъ, и въ каждое орудіе запряжено было по 20 ти и 40 паръ рогатаго скота.

Не смотря на постоянныя хлопоты турецкихъ властей, все населеніе Карса убѣждено было, что паши проданы русскимъ, и что они только по этому не дерутся съ

русскими войсками, прохаживающимися вокругъ Карса. Главнаго пашу Ферика или генералъ-лейтенанта, Гуссейнъ-Али-пашу обвиняли въ трусости; онъ даже въ городѣ выходилъ не иначе, какъ сопровождаемый стражею 25 и болѣе человѣкъ. Народъ и особенно женщины, не давали ему прохода. Его осаждали упреками, отчего онъ не выходитъ съ войскомъ сражаться противъ русскихъ. Толпы народа часто осаждали его домъ и бросали въ окна камни, крича, чтобы онъ вывелъ войска противъ русскихъ. Эти толпы преимущественно состояли изъ женщинъ, которыя неистовствовали и ругались на чемъ свѣтъ стоитъ. Оскорбительныя ругательства женщинъ, заставили Мухтаръ-пашу выйдти изъ Карса, когда кавалерія кн. Чавчавадзе производила свой извѣстный дальній поискъ къ Саганлугскимъ горамъ.

Что касается до войскъ въ Карсѣ, то они состояли большею частію изъ редифовъ. Регулярныхъ войскъ низама въ Карсѣ набиралось не болѣе 9—10-ти тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ кавалеріею, редифами и нестроевыми, въ Карсѣ имѣлось около 20,000 человѣкъ, такова, по крайней мѣрѣ, цифра людей продовольствовавшихъ карскимъ интендантствомъ. Всей кавалеріи въ Карсѣ имѣлось отъ 800 до 1000 человѣкъ. Въ томъ числѣ регулярной кавалеріи, суварн, лишь 400 человѣкъ, остальная кавалерія состояла изъ нашихъ горцевъ переселенцевъ отъ 200 до 300 всадниковъ, и изъ городскихъ жителей, записавшихся на службу послѣ объявленія войны. Ни арабистанскихъ батальоновъ, ни заптій, т. е. жандармеріи,—въ Карсѣ вовсе не имѣлось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

2007041362

9 H1
2
Gen. 2

ВОЙНА
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ

ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ

ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ

О ИЗБАВЛЕНІИ ВОСТОЧНЫХЪ ХРИСТІАНЪ

ОТЪ

ТУРЕЦКАГО ВѢКОВАГО ИГА.

Съ изложеніемъ варварства Турокъ и тайнъ друзей Порты,—въ особенности Англіи.

Выпускъ второй.

И. У.....ъ.

Цѣна 50 коп. сер.

МОСКВА. 1878.

Типографія Ф. Іогансонъ, Садовая, близъ Красныхъ вор., д. Медынцевой.

ВОЙНА
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ

ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ

ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ

о избавленіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго вѣковаго ига.

Съ изложеніемъ варварства Турокъ и тайнъ друзей Порты,—въ особенности Англіи.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

И. У.....чъ..

МОСКВА. 1878.

Типографія. Ф. Іогансонъ, Садовая, бл., Кранс. вор., д. Медынцевой.

2007041362

Характеристика болгарскихъ партій подъ именемъ Старой и Молодой Болгаріи.

(Продолженіе).

Молодая болгарская партія, конечно, бѣдна и мало вліятельна. Но къ народу она ближе стоитъ и можетъ принести наибольшую пользу. Это все дѣти народа — учителя, студенты, представители журналистики. Такъ какъ они молоды, то и болѣе горячо относятся къ дѣлу; этими силами слѣдуетъ лишь живо воспользоватся — направить. Все-таки это самый интеллигентный классъ, и притомъ искренно и безкорыстно преданный дѣлу. Это та самая партія, которая въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживала болгарскій народъ въ борьбѣ съ угнетеніемъ турокъ. Многіе изъ ея представителей поплатились предъ турками головами за участіе въ болгарскихъ дѣлахъ. Изъ именъ ея представителей составился болгарскій мартиріологъ. Она же агитировала послѣдніе годы по Европѣ въ пользу своихъ угнетенныхъ братьевъ. Ея представители ѣздили къ Гладстону, Бисмарку и въ Россію. Въ литературѣ она имѣетъ виднѣйшихъ представителей, преданность ея намъ, русскимъ, и ихъ любовь къ намъ доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій молодой болгаринъ знаетъ по-русски, гово-

рѣтъ на этомъ языкѣ, читаетъ жадно русскія газеты, между тѣмъ, какъ противная партія — чорбаджи — не потрудилась до сихъ поръ выучиться по-русски и съ ними приходится объясняться русскимъ по-нѣмецки, по-французски или по-румынски. Молодая партія можетъ намъ очень пригодиться. Отъ ума нашихъ администраторовъ будетъ зависѣть направить въ живое русло эти молодыя силы.

Представители этой партіи, конечно, не чужды слабостей. Но это объясняется долгою оторванностью ихъ отъ почвы, отъ родины, отъ дѣла. Сами, того не замѣчая, они впадаютъ въ резонерство, разглагольствованіе—въ желаніи напустить на себя, въ глазахъ новаго лица, оттѣнокъ чего-то исключительнаго, таинственнаго, ужаснаго. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ они только добрые малые. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, и окажется что голова его непремѣнно оцѣнена турками въ десятки тысячъ франковъ золотомъ; прислушайтесь—и каждый болгарскій писатель—міровой дѣятель, которому и подобнаго нельзя сыскать. Попросите разсказать біографію—и таинственность похожденій превзойдетъ подвиги различныхъ Казановъ. Замкнутость той среды, въ которой имъ приходилось вращаться столько лѣтъ, оторванными отъ родины, отъ живаго дѣла и дѣйствительности — сдѣлала ихъ любителями болтать нерѣдко маловѣроятныя сказки, которымъ, наконецъ, они и сами стали вѣрить....

Воскресающее теперь впереди великое дѣло можетъ исцѣлить ихъ отъ этихъ незначительныхъ недуговъ, если эти молодые дрожжи не будутъ не справедливо устра-

нены отъ участія въ трудѣ на общую пользу. Забота объ этомъ и должна лежать на нашихъ администраторахъ. Не будемъ же на первыхъ шагахъ, несправедливостью создавать элементы недовольства въ средѣ болгаръ! Въ оправданіе ихъ угнетенія, которое народъ терпѣлъ отъ ига мусульманскаго и, что орудіемъ турецкаго порядка въ дѣлѣ эксплуатаціи являлось частію духовенство, то не распространяясь о прошломъ, какъ о черномъ пятнѣ для болгарскаго высшаго духовенства, въ подлинникѣ помѣщается слѣдующее характеризующее:

Посланіе болгарскаго экзарха архіепископа Григорія.

Братіе! Милосердый Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, вознесъ славу и мужество оттоманской державы? поддерживая ее много вѣковъ для счастія, мира и прогресса? народовъ, находящихся въ ея благодѣтельномъ лонѣ (?). Но чтобы испытать глубину и силу нашей вѣры къ Нему, милосердый Богъ посылаетъ часто испытанія своимъ избраннымъ. Оттоманское царство не въ первый разъ подвергается такимъ испытаніямъ. Но оно всегда (?) выходило изъ нихъ съ достоинствомъ, полное новыхъ силъ для своего процвѣтанія, славы и величія (?).

Въ ту минуту, когда его имп. вел. султанъ Абдулка-Хамидъ-ханъ, нашъ милостивый повелитель и отецъ (пусть Господь пошлетъ ему долгую жизнь и сдѣлаетъ могущественнымъ его царство) дѣлаетъ всѣ свои условія, чтобы утвердить начало равенства, братской любви, покоя, счастія и прогресса (?) своихъ подданныхъ, безъ различія расы и религіи, царству угрожаетъ *врагъ*, ко-

торый, прикрываясь мотивами, повидимому, великодушными, хочетъ положить препятствія его благороднымъ и высокимъ усиліямъ, хочетъ уничтожить ихъ и довести до конца свои разрушительныя стремленія противъ царства и его народовъ.

Но теперь, какъ и всегда, Богъ не допустить, чтобы правда была попрана ногами, и чтобы беззаконныя попытки торжествовали. Правительство его имп. велич. султана выйдетъ легко (?) изъ этого испытанія съ еще большей силой во славу царства оттоманскаго на счастіе и радость его народовъ (?). Чтобы придти къ этому результату, мы должны всѣ сплотиться около престола его имп. велич., одушевленные чувствами вѣрности и преданности и готовые не щадить никакихъ жертвъ. Народъ болгарскій въ особенности имѣетъ эту святую обязанность (?): въ своей безпристрастности и милосердіи императоры оттоманскіе удовлетворяли всегда его законнымъ требованіямъ (?).

По этому мы приглашаемъ васъ, любезные дѣти во Іисусѣ Христѣ, доказать любовь, вѣрность и преданность, которыми вы одушевлены къ вашему повелителю. И прежде всего, какъ христіане и какъ вѣрные дѣти православной церкви, возносите ваши горячія молитвы къ Милосердному Богу, чтобы Онъ послалъ здоровье и долгую жизнь его имп. вел. Мы приглашаемъ васъ молиться въ домахъ и церквахъ, чтобъ Богъ далъ силу и побѣду геройскимъ и славнымъ арміямъ оттоманскимъ, чтобы сдѣлавши напрасными усплія и попытки непріятеля, оттоманскія войска возстановили на прочныхъ основаніяхъ миръ и спокойствіе страны, такъ какъ

враги царства и его народовъ не упускаютъ средства произвести волненіе въ средѣ болгаръ, чтобы произвети холодность и вражду между нами и нашими соотечественниками мусульманами, чтобы ослабить такимъ образомъ императорское къ намъ благоволеніе. Мы приглашаемъ васъ усиленно отвергать наущенія злыхъ и не слушать ихъ льстивыхъ и вредоносныхъ извѣтовъ. Отвергайте точно также всѣ слухи распространенные съ цѣлію возбудить въ васъ боязнь передъ грядущими событіями и не увѣренность въ полнѣйшей безопасности, которой вы пользуетесь (?), имѣйте полное довѣріе къ правительству, которое немедлило никогда, не смотря на тяжесть обстоятельствъ, принимать самыя строгія мѣры для нашей жизни, имущества и чести (?).

Любите одинъ другаго, живите въ мирѣ и согласіи съ вашими сосѣдями-мусульманами, которые суть наши братья и дѣти одного отечества. Вѣрные подданные султана, одушевленные любовью къ славѣ и спокойствію общаго отечества, не жалѣйте никакой жертвы, чтобы сохранить этотъ покой и славу. Исполняя всѣ эти наставленія, мы будемъ достойны отечества и царства, мы дадимъ императорскому правительству возможность съ честью и славой пережить тяжелыя обстоятельства и утвердить навсегда и на всемъ пространствѣ царства мира и спокойствія, столь необходимыя для прогресса и счастія народа.

Пусть Богъ услышитъ наши молитвы и сохранитъ султана и его царство".

Молитва экзарха болгарскаго, съ этимъ посланіемъ къ православнымъ болгарамъ, была гласомъ вопіющаго

въ пустынѣ или на константинопольскомъ ложе, а русакъ, погруженный во святое дѣло относительно своихъ братій-болгаръ, — могъ-бы юмористически отозваться на это посланіе, но видя его неумѣстнымъ въ настоящій моментъ, оставилъ это посланіе, высшаго духовнаго лица — въ пренебреженіи даже къ юмористическому взгляду, и круто взялся за политическую войну противъ подстрѣкателей и друзей Порты. — Такъ разъясненія австро-венгерской политики получалось совершенно не съ той стороны; съ которой ихъ можно было ожидать, а въ родѣ вышеписаннаго посланія экзарха болгарскаго. Напрасно было-бы искать ихъ въ газетахъ Вѣны или Пешта, почти постоянно впадавшихъ между собою въ рѣзкія противорѣчія, легко впрочемъ объяснявшія двумя противуположными направленіями, изъ которыхъ каждое имѣло своихъ вліятельныхъ представителей въ совѣтахъ императора Франца-Іосифа. Австро-Венгерская политика отъ этого, конечно, не выигрывала въ своей ясности экзарховской. Къ этимъ домашнимъ пререканіямъ присоединялись нѣкоторыя внѣшнія неудобства, мѣшавшія, — говорятъ, — гр. Андраши откровенно высказываться. — Въ высшей степени деликатное положеніе Австро-Венгріи между Германіей и Россіей, налагало на ея министра иностранныхъ дѣлъ чрезвычайную сдержанность, которую гр. Андраши простиралъ до крайности; этой сдержанностію объяснялось и то, что онъ въ то время непредставлялъ парламенту обычнаго сборника дипломатическихъ документовъ, равно какъ и его отчужденіе отъ оффиціозной печати, не получали отъ него ни какихъ внушеній.

Тѣмъ любопытнѣе представлялись намъ нѣкоторыя откровенія объ австро-венгерской политики, одновременно появившіяся во французской печати. Дѣло было объ опредѣленіи момента, при которомъ Австрія выступитъ на сцену въ дѣйствующей роли. Къ этому побуждали ее три случайности: вмѣшательство въ войну Сербіи, продолжительное прибываніе русскихъ войскъ въ Румыніи и, наконецъ, быстрыя рѣшительныя побѣды русской арміи, которыя заставятъ опасаться за судьбу Константинополя прежде чѣмъ успѣетъ вмѣшаться дипломатія (?). Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ Австрія была готова дѣйствовать. Условія эти таковы, что во всякій желаемый моментъ они могли дать нужный предлогъ австро-венгерскому правительству. — Возьмемъ хоть среднее изъ нихъ. Болѣе нежели вѣроятно, что въ княжествахъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ нихъ, Валахіи, должны были оставаться русскіе отряды на все время компаніи для обезпеченія сообщеній русской арміи съ отечествомъ. Такимъ образомъ ближайшій поводъ къ вмѣшательству можно считать обезпеченнымъ съ самаго начала войны. Что касается опасенія за Константинополь, то до этого-было еще очень далеко. Болѣе близкой случайностію представлялась участь Сербіи, которая можетъ быть вынуждена къ войнѣ замышлявшимъ вторженіемъ въ нее турецкихъ войскъ. Это участіе почему-то предстовлялось Австріи столь опаснымъ, что ей предписывались планы занять тогда не только Боснію съ Герцеговиной, но и Сербское княжество.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобы во вмѣшательствѣ Австріи, въ какой бы изъ перечисленныхъ момен-

товъ оно ни совершилось, видѣть союзное съ нами дѣйствіе. Турецкія провинціи, которыя предполагались ею занять, она взяла бы, какъ залогъ, долженствовавшій обезпечевать возвращевіе къ прежнему порядку вещей на Балканскомъ полуостровѣ, къ такъ называемому улучшенному *statu quo*, продолжавшему служить базисомъ для австро-венгерской политики въ восточномъ вопросѣ. Австрія замышляла явиться на сцену, чтобъ продиктовать намъ условія мира, вѣроятно въ смыслѣ сокращенныхъ требованій константинопольской конференціи или лондонскаго пресловутаго протокола, чтобы такимъ образомъ свести къ наивозможно меньшому результату войны для Россіи и христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана? Съ этого момента, который едвали заставлялъ долго ждать себя, должна была начаться новая, болѣе важная, чѣмъ предшествовавшая, стадія восточнаго вопроса.

Было бы малодушіемъ думать, что въ настоящей войнѣ съ Турціею побѣды, какъ уже начались въ Малой Азіи, такъ въ послѣдствіи могутъ легко достаться намъ, или что за первымъ нашимъ большимъ успѣхомъ Порта смирится и исполнитъ всѣ справедливыя требованія Россіи. Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ самообольщеніе. Напротивъ, мы должны были съ полною сдержанностію, самымъ строгимъ образомъ взвѣсить наши отвошенія къ противнику обезпеченному друзьями; мы должны были вполнѣ понимать всю великость нашей національной задачи и вмѣстѣ всю трудность ея осуществленія. Только при крайне серьезномъ взглядѣ на дѣло, духъ народный крѣпнетъ и всѣ силы его получаютъ такую устойчи-

вость, что чѣмъ больше является преградъ, тѣмъ упрямѣе стремятся онѣ къ достиженію желаемой цѣли. Не въ легкомысленныхъ порывахъ молодечества и поверхностной самонадѣянности заключается залогъ успѣха, а въ спокойной твердости и въ могучей рѣшимости настоять на своемъ! Тогда никакія жертвы не будутъ намъ въ тягость и никакія временныя неудачи не испугаютъ насъ. Нужна вѣра въ самихъ себя. Необходимо помнить, что Россія—государство молодое, исполненное, болѣе чѣмъ другія, жизненныхъ задатковъ, что она еще не достигла апогея своего величія; ея внутреннія богатства неистощимы; народъ ея только недавно освобожденъ отъ крѣпостныхъ узъ; ему предстоитъ еще развить великія нравственныя силы, которыя съ особеннымъ напряженіемъ высказывается въ годины великихъ событій. За Россіею стоитъ вся будущность. Такіе цѣльные и молодые организмы, каковъ организмъ Россіи, не сокрушатъ никакіе внѣшніе враги, хотя бы они сплотились, по желанію экзарха, тѣсно между собою противъ страшащаго ихъ великана. Россія вытерпѣла не одинъ ударъ судьбы, но всѣ эти удары только возбуждали ее къ новой усиленной жизнедѣятельности, укрѣпляя подъемъ народнаго духа, слагая въ памяти народной драгоцѣнныя и неумирающія преданія, которыя питаютъ народное одушевленіе для новыхъ великихъ подвиговъ.

Въ Западной Европѣ держалось убѣжденіе, что надо, по мѣрѣ возможности, задерживать естественный ростъ Россіи. Крымская война показала, какъ ошибочно это убѣжденіе. Но англійскіе консерваторы отъ него не освободились еще. Составленный изъ ихъ партіи торій-

скій кабинетъ Биконсфильда хотѣлъ еще разъ испытать его на дѣлѣ, воздвигая для Россіи помѣхи въ Европѣ и Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Порта служила въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ англійскаго правительства, а Австро-Венгрія давала ему право надѣется на содѣйствіе въ благопріятную минуту. Уже не была тайна, что Англія на свой счетъ и своими агентами поднимала на ноги Турцію и снаряжала ее на войну. Всѣ турецкія войска суть ни что иное, какъ старинныя наемныя дружины съ тою только разницей къ великой выгодѣ Англіи,—что они должны дѣйствовать въ своей землѣ и за своими укрѣпленіями. Порта, при участіи Англіи, пафанатизировала священною войною свои войска и мусульманское населеніе имперіи, обманываясь сама и обманывая народъ на счетъ истиннаго значенія той роли, которую Турція разыгрывала въ рукахъ Англіи. Въ сущности Турція являлась чѣмъ-то въ родѣ тарана, которымъ Англія намѣревалась нанести первый ударъ Россіи. Можно догадываться, что планъ Англіи состоялъ въ томъ, чтобы всѣми возможными средствами, не стѣсняясь даже международными приличіями и явно нарушая ихъ, поддержать мусульманскій востокъ въ борьбѣ его съ Россіею въ Европѣ и Азіи; въ случаѣ удачи Турціи — дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ; въ случаѣ же неудачи — воспользоваться открыто своими силами, чтобы завладѣть: Константинополемъ, Критомъ и Египтомъ. Перспектива полнаго разрушенія Европейской Турціи не представлялась Англіи невозможностью, при томъ, конечно, условіи, что ни кому другому, какъ ей должна достаться лучшая доля падшей

имперіи; другая доля должна принадлежать Австріи (?); Россія же могла ограничиться возстановленіемъ независимости Болгаріи. На это отчасти указывали громадныя приготовленія Англіи, какъ во флотѣ, такъ и для сухопутныхъ войскъ. Снаряжались три громадныя боевыя эскадры изъ всѣхъ кораблей, какіе только могутъ быть вооружены; на Мальтѣ сдѣланы огромные запасы провіанта для трехъ армейскихъ корпусовъ; заготовлено было множество транспортныхъ судовъ, доставлялась многочисленная артиллерія и въ томъ числѣ осадныя орудія. Арсеналы въ самой Англіи работали усиленно день и ночь. Очевидно, Англія затѣевала крупный и рѣшительный шагъ, разсчитанный во всякомъ случаѣ на успѣхъ. Правительство и оппозиція были согласны въ этомъ планѣ, доказательствомъ чему служило то, что оппозиція въ парламентскихъ преніяхъ тщательно обходила молчаніемъ предусматриваемый случай паденія Турецкой имперіи и ни однимъ намекомъ не затрагивала вопроса, откуда кабинетъ Дэрби-Биконсфильда, почерпнулъ десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на пособіе Турціи и имѣлъ ли еще право дѣлать такое употребленіе изъ народныхъ денегъ? Какъ бы то ни было, Россіи вскорѣ приходилось стать лицомъ къ лицу съ Англіей. Но мы полагали, что захватъ Константинополя, Босфора и Дарданеллъ, Крита, Египта и прилегающихъ къ Суэзскому каналу земель поставитъ Англію неминуемо въ противорѣчіе съ Австріею, Италіею и Франціею, которыя, какъ прилегающія или всѣми своими берегами или половиною ихъ къ Средиземному морю, не могутъ быть равнодушными къ тому, чтобы Англія сдѣлалась

полновластною хозяйкою и повелительницею въ этомъ внутреннемъ общеевропейскомъ морѣ. Вотъ, гдѣ наша дипломатія могла имѣть для себя благодарную работу.

Впрочемъ, на расхищеніе турецкихъ владѣній, Англія могла рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ. Сначала пыталась поддерживать существованіе Турціи съ помощію Австріи. И въ самомъ дѣлѣ, пока Россія ведетъ войну въ Болгаріи, Австрія заняла-бы Боснію и Герцеговину и по всему вѣроятію и Сербію. Она занимала ихъ вовсе не для того, чтобы совмѣстно съ Россіею ввести въ нихъ самоуправленіе, объ этомъ благоразумно умалчивала Вѣна; она, какъ упомянуто выше, заняла-бы только съ дружелюбною цѣлью Россіи. Это дружелюбіе выражалось въ томъ, что всѣ турецкія войска изъ Босніи двинутся на Дунай противъ русскихъ. Оставлены будутъ только тѣ, которыя нужны для войны съ Черногоріею. Не надо было и сторожить Сербію: въ рукахъ Австріи она не шелохнулась-бы; а турки между тѣмъ, снабженные англійскими генералами, офицерами, инженерами, оружіемъ, деньгами, прикрытые крѣпостями и англійскою техникою должны сопротивляться русскимъ, сначала одни, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, и въ открытомъ союзѣ съ англичанами. Угрожая русскимъ войскамъ съ фланга и съ тыла Австрія обѣщала тогда войти въ соглашеніе съ Россіею: объ огражденіи австрійскихъ интересовъ въ виду случайностей, которыя могли повлечь за собою счастливое веденіе войны Россіи въ Болгаріи (?). Другими словами, Австрія обѣщала предписать Россіи условія, которыми должны ограничиваться успѣхи рус-

скаго оружія надъ Турціею и потребовать еще себѣ за то вознагражденія. Можно было расчитывать, что Англія и Австрія, стоя во всеоружіи и окружая русскую армію - одна спереди, т. е. отъ Балкановъ, и съ боку, т. е. отъ Чернаго моря; другая съ противуположной стороны, т. е. изъ Босніи, Сербіи и Герцеговины, и съ тылу т. е. изъ Трансильваніи, — не преминули-бы предложить Россіи остановиться на полупути и удовольствоваться ничтожнымъ лондонскимъ протоколомъ. Надо присоединить къ этому возможность диверсіи со стороны турецкихъ войскъ изъ Добруджи черезъ Дунай на наши сообщенія съ Бессарабіею. Эта диверсія отвлекла бы большія силы отъ арміи, предназначенной дѣйствовать въ Болгаріи. Надо было всегда предполагать худшее, но тѣмъ не менѣе вѣроятное. Понятно, что Россія послѣ столькихъ жертвъ деньгами и кровью ея сыновъ не могла возвращаться ни къ какимъ дипломатическимъ сдѣлкамъ, кромѣ той, которую предпишетъ ея оружіе. Въ недалекомъ будущемъ возможнымъ представлялось по этому столкновеніе съ Англіей и Австріей—съ послѣднею же еще и потому, что она по всему вѣроятію, кто-бы не одержалъ верхъ, потребуетъ вознагражденіе за „*дружественное*“ —одновременно для Турціи и Россіи— занятіи Босніи и Герцеговины и за прокормленіе бѣжавшихъ оттуда жителей, хотя бы въ видѣ уступки себѣ Босніи и значительной части Герцеговины. Россія, какъ держава европейская и вмѣстѣ славянская, ни коимъ образомъ не могла и не должна дозволять этого захвата.

Такое усложненіе враждебныхъ отношеній нисколько

не смущало русское общество. Напротивъ, серьезность положенія лишь только усилили рѣшимость предѣла дѣйствій, предопредѣленныхъ для Россіи ея историческою Великаго Петра задачею. Не нужно только забывать, что Англія всегда боится прямаго удара, гдѣ бы онъ ни былъ ей нанесенъ; а относительно Австріи, Россія должна быть всегда требовательною въ защиту австро-венгерскихъ славянъ.

Дружба Австріи никогда иначе не пріобрѣталась, какъ мечемъ. Западная русская армія могла заставить Австрію сдѣлаться правдиво дружелюбною къ Россіи, тогда Англія принуждена была-бы умѣрить свой воинственный пылъ, потому что безъ Австріи одна она безсильна; а очень возможное для русской закавказской арміи занятіе торговаго пути, идущаго черезъ Малую Азію, окончательно охладило-бы въ ней всякую ревнивость къ поддержанію развалинъ Оттоманской имперіи.

Уже болѣе полугода прошло, когда Москва первая удостоилась внимать державному слову своего Монарха, благоволившаго ей первой повѣдать свои царственныя думы и желанія, объемлющія судьбы христіанъ и нашихъ собратій, страждущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Съ той поры она была свидѣтельницею, какъ за ея отвѣтнымъ вѣрноподданническимъ выраженіемъ безпредѣльнаго довѣрія къ верховному Вождю и полной готовности всѣхъ сословій ея жертвовать жизнію и достояніемъ для охраненія чести и славы Россіи,— весь Русскій народъ, проникнутый единымъ помысломъ и чувствомъ, отозвался на державное слово, какъ еди-

вый человѣкъ, выражая твердую рѣшимость отстоять во что-бы то ни стало вѣру, права человѣчества и свободу братьевъ, столь нагло попираемыя поклонниками Магомета. — И Москва, и вся Россія отождествили дѣло турецкихъ христіанъ съ сознаніемъ своего государственнаго достоинства, съ требованіями чести народной, съ историческою задачею Россіи,—необращая вниманія на наглые взгляды подстрекателей Порты—Англіи и Австріи. Торжественна была та минута, когда Государь, подъ сѣнію многовѣковой святыни, въ стѣнахъ древняго Кремля, хранителя дорогихъ воспоминаній отечественной славы, являлся непосредственно передъ своими вѣрными москвичами, возвѣщая имъ о святомъ призваніи Россіи. Въ эту минуту совершалось воочію единеніе Царя и Его народа—залогъ несокрушимой силы, источникъ той духовной мощи, съ которою Россія готовилась предстать предъ Европою для прочнаго умиротворенія Востока или совокупными усиліями кабинетовъ, или же самостоятельнымъ образомъ дѣйствій!—Сбылось! не первое и послѣднее.

Изъ Кишенева донеслось до Москвы и облетѣло всю Россію другое слово Монарха, повелѣвавшаго своимъ доблестнымъ войскамъ вступить въ предѣлы упрямой Турціи, обогренной кровью неповинныхъ страдальцевъ. Возликовала при этомъ словѣ вся Россія; но не чувство войнолюбія увлекало ее, а сознаніе святости христіанскаго долга, повелѣвающаго „положить душу за други своя“.

И вотъ, Москва снова 22-го апрѣля встрѣчала своего Вѣнценосца—встрѣчала съ безграничнымъ восторгомъ,

какъ исполнителя велѣній неисповѣдимыхъ судебъ, указывающихъ Россіи ея высокій жребій быть передовою защитницею Креста и неотъемлемыхъ правъ человѣчества. Ополчаясь на святую брань во имя высшихъ началъ любви и правды Россіи, подъ руководительствомъ своего верховнаго Вождя, несла угнетеннымъ и порабощеннымъ братьямъ свѣточъ свободы, а чрезъ свободу и благословеніе мира.

То, что, какъ стихійная сила предвидѣнія, одушевляетъ многомилліонную массу русскаго народа; то, что сознательно движетъ просвѣтленными умами преданныхъ сыновъ Русской земли,—то же самое, какъ уже положительное и обязательное начало, управляло волею того, кому предоставлено руководительство. Передъ свершающимся общеніемъ верховной воли съ единомыслiемъ народнымъ должны изсякнуть всѣ козни недоброжелателей Россіи, еще недавно мечтавшихъ о какой-то мнимой разни между правительствомъ русскимъ и народомъ. Еще памятны глубоко оскорбительныя слова, произнесенныя истолкователемъ политическихъ мнѣній кабинета Биконсфильда, лордомъ Дэрби, въ засѣданіи англійскаго парламента 27-го января, а именно: „Я полагаю, что вопросъ о мирѣ и войнѣ зависитъ теперь отъ рѣшеній одной только державы или, вѣрнѣе, отъ одного только лица—Русскаго Царя. Что искренность миролюбивыхъ увѣреній его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ; но мнѣ не извѣстно, на сколько Императоръ дѣйствуетъ согласно желаніямъ своего народа“.

Лорду Дерби оставались какъ бы неизвѣстными тѣ

безчисленные вѣрноподданническіе адресы изо всѣхъ губерній и уѣздовъ, отъ всѣхъ сословій, даже отъ крестьянскихъ сходовъ,—адресы, въ которыхъ весь русскій народъ всецѣло отдавалъ себя подъ волю своего Монарха.

Въ другомъ засѣданіи парламента, 10-го марта, Лордъ Дерби, отвѣчая Лорду Додлею, требовавшему, чтобы прежде всего Европа добилась отъ Порты гарантій въ улучшеніи управленія ея христіанскими подданными, замѣтилъ, что такое требованіе, если бы оно нашло себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи Англіи; „могло бы раздражить и возстановить Русскій народъ противъ политики мира, слѣдовать которой русское правительство къ чести своей, высказываетъ такую готовность".

Но умышленно лживые намеки на несуществовавшее раздвоеніе Россіи, разсчитанные на впечатлѣніе въ западной Европѣ и въ самой Россіи, вскорѣ послѣ Высочайшаго Манифеста 12-го апрѣля, окончательно разсѣялись безъ всякаго слѣда. Чѣмъ же инымъ могла быть правительственная Россія, какъ не выраженіемъ той же самой народной Россіи,—выраженіемъ, въ которомъ внутреннія народныя стремленія, обусловленныя историческою памятью народа и осмысленныя пониманіемъ совершающихся судебъ Востока, приведены въ средоточіе сознанія, а слѣдовательно и осязательной силы слова и дѣйствія. Вотъ откуда истекалъ и неуклонный долгъ Россіи—ея обязательная задача, установленная для нея вѣками и не измѣнными вѣрованіями, живыми преданіями и наклонностями ея народа. Для нея начертана разумомъ тысячилѣтней исторіи готовая программа, гдѣ есть свои пути и предѣлы, отъ кото-

рыхъ Европа должна встрѣтить на всѣ свои лукавыя поползновенія одинъ лишь единодушный всенародный отказъ и за нимъ на лицо въ полной готовности, всѣ матеріальныя и нравственныя средства Россіи.

Неизмѣнное вниманіе Государя къ первопрестольной столицѣ и древнему государственному и церковному средоточію, вокругъ котораго собиралась и крѣпла русская земля, поклоненіе святынямъ Московскаго Кремля и Троицкой Лавры, которыя равно чтитъ весь русскій народъ, во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Русскаго царства; рѣчь, которую народъ восторженною душею воспринималъ непосредственно изъ устъ Самаго Монарха:— не служило-ли это достаточнымъ свидѣтельствомъ предъ цѣлою Европою, что между Русскимъ Царемъ и вѣрнымъ Его народомъ не бываетъ посредниковъ въ великія минуты отечественной жизни; что крѣпкая единодушіемъ и единомыслiемъ, вся русская земля пойдетъ и пошла вслѣдъ за своимъ Монархомъ, куда указалъ ей долгъ и честь ея. Великая идея любви, правды свободы и мира, которая не перестаетъ совершать свое побѣдоносное шествіе по пажитямъ человѣчества, звала опять Россію на поля Востока. Освобожденная отъ своихъ внутреннихъ закрѣпъ свободная Россія по повелѣнію своего *Царя-Освободителя*, двинулась на освобожденіе христіанъ и братьевъ, взывающихъ къ ней о помощи.

Дни, слѣдовавшіе за объявленіемъ войны, были наполнены заявленіями западно-европейскихъ кабинетовъ объ ихъ относительномъ къ войнѣ положенію. Изъ Лондона, Парижа, Вѣны, Рима и Берлина одно за

другимъ получались извѣстія о провозглашенномъ нейтралитетѣ. Казалось-бы, ничего лучшаго нельзя было желать. Невмѣшательство въ данномъ случаѣ, это—вѣрное средство сдѣлать войну наименѣе продолжительной и ограничить площадь ея. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ объявлявшихъ себя нейтральными державъ, давали право на это разсчитывать. Провозглашенные двумя изъ нихъ нейтралитеты могли быть названы нейтралитетами выжидательными и весьма условными. Прежде всего это можно было сказать объ нейтралитетѣ Австро-Венгріи, судя по всему прошедшему австро-венгерской политики и тѣмъ недавнимъ объясненіемъ, которыя были даны правительствомъ въ обоихъ парламентахъ этого двойственнаго государства. Избѣжать европейскихъ усложненій и вліять на результаты войны въ смыслѣ огражденія интересовъ монархіи,—вотъ двойная задача, которую поставила себѣ австро-венгерская политика. Но никакія, а тѣмъ паче общеевропейскія усложенія не возникали сами собою; они происходили отъ столкновенія тѣхъ же интересовъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, большая или меньшая вѣроятность того усложненія, завѣсила между прочимъ отъ того, въ чемъ полагала Австро-Венгрія свои интересы на Востокѣ, которымъ она намѣревалась стремиться подчинить результаты войны.

Министры, дававшіе объясненія въ палатахъ, въ Вѣнѣ и Пештѣ, не сообщали по этому поводу никакихъ указаній, мало-мальски опредѣленныхъ. Обращаясь же за разъясненіями къ прошедшему, мы видѣли, что австро-венгерская политика понимала свои интересы на

Востокѣ далеко не такъ, какъ понимались русскимъ правительсвомъ интересы Россіи, вѣрнѣе говоря интересы христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана. Припоминая изъ этого прошлаго два оффиціальныхъ разговора: австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши, которые имѣлъ онъ въ ноябрѣ 1876 года съ съѣхавшимся на константинопольскую конференцію англійскимъ уполномоченнымъ, марк. Салисбюри; и за тѣмъ нѣсколько позднѣе съ англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, сэромъ Бухананомъ. Первому изъ нихъ, онъ засвидѣтельствовалъ, о совершенномъ тождествѣ своихъ взглядовъ на улучшеніе участи балканскихъ христіанъ со взглядами англійскаго правительства на тотъ же предметъ. Второму онъ говорилъ еще болѣе опредѣленно о своихъ отношеніяхъ къ русской политикѣ на Востокѣ. Предложенный Россіею планъ реформъ въ Турціи онъ назвалъ „заслуживающимъ осужденія, какъ не имѣющій иныхъ цѣлей, кромѣ поощренія „панславистскихъ и русскихъ интересовъ“. Онъ считалъ его „чрезмѣрнымъ“ и полагалъ необходимымъ замѣнить „другимъ планомъ, болѣе скромнымъ“, который принялъ-бы за точку отправленія существующій порядокъ вещей въ Турціи и внесъ въ него нѣкоторыя улучшенія, не ограничивая центральной власти. Если австро-венгерская политика продолжала быть при тѣхъ же воззрѣніяхъ, если она полагала свои интересы въ возможно меньшемъ посягательствѣ на внутреннія порядки Турціи и хотѣла подчинить имъ результаты войны, то вотъ и поводъ для столкновенія, ибо жертвы, принесенныя Россіей не могли искупаться столь ничтожными пріоб-

рѣтеніями, какъ нѣкоторыя фискальныя реформы въ Турецкой имперіи, въ коихъ гр. Андраши желалъ видѣть всю суть преобразованій долженствовавшихъ облагодѣтельствовать и вполнѣ удовлетворить балканскихъ христіанъ, какъ онъ излагалъ это марк. Салисбюри въ вышепомянутомъ разговорѣ.

Въ теченіе этого времени австрійское правительство еще не видало достаточныхъ поводовъ, чтобы мобилизовать свою армію. И дѣйствительно было еще рано. Мобилизаціи пока добилась бы, когда дѣло косалось опредѣленія результатовъ войны. Разсчетъ—очевидный. Когда компанія въ военномъ отношеніи близилась бы къ концу, унеся у Россіи достаточно силъ и людьми, и средствами, когда зашла бы рѣчь о подведеніи итога въ войнѣ, тогда слѣдовало ожидать появленія Австро-Венгріи на сценѣ съ ея планомъ условій мирнаго договора, согласованнаго съ ея интересами. Къ этому моменту приготовляла себя и Англія, интересы которой сходились съ австро-венгерскими. Такимъ образомъ нейтралитетъ этихъ двухъ державъ слѣдовало считать вѣроятнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдствія войны еще не начали опредѣляться.

Кромѣ этихъ интересовъ и приготовленій подстрекателей въ лицѣ двухъ державъ: Австро-Венгріи и Англіи, турецкая армія готовилась обогатиться *сонмомъ новыхъ витязей*.

Подтверждались извѣстія: о формированіи на счетъ константинопольскаго правительства *польскихъ легіоновъ*, поставляемыхъ подъ начальство г. Лангевича, бывшаго польскаго диктатора въ періодъ послѣдняго польскаго востанія 1861-го года. Еще живы на памяти у многихъ

театральные эффекты, которыми обставлялъ онъ каждый свой шагъ, какъ главнокомандующаго, съ первой минуты своего появленія на сценѣ возстанія. Памятны его фантастическіе смотры, производимые по ночамъ, при лунномъ блескѣ; его появленіе въ столь же фантастическихъ костюмахъ передъ фронтомъ повстанцевъ, въ сопровожденіи весьма оригинальнаго адьютанта, въ лицѣ дѣвицы *Пустовойтовой*, если намъ не измѣняетъ память. Карьера этого воина была не продолжительна; она скоро окончилась весьма счастливымъ для него бѣгствомъ на австрійскую границу послѣ перваго столкновенія съ русскимъ отрядомъ генерала Чепгеры. Здѣсь онъ былъ обезоруженъ австрійскими властями и для приличія на нѣкоторое, весьма непродолжительное, время былъ подвергнутъ аресту. Будучи освобожденъ, онъ возвратился въ ту неизвѣстность, изъ которой на минуту былъ вынесенъ событіями дня; — всегдашній удѣлъ авантюристовъ, на какомъ бы поприщѣ они не появлялись, выдвигаемые случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. И вотъ г. Лангевичъ снова выходилъ на сцену.

Число поляковъ, предлагавшихъ свои услуги турецкому правительству, должны быть весьма значительны, если изъ нихъ имѣли въ виду образовать нѣсколько легіоновъ. Западная Европа богата польскими эмигрантами, проникнутыми ненавистью къ Россіи, ослѣпленными мечтой о возстановленіи Польши и готовыми предлагать себя для борьбы съ Русскими. Находись Россія въ войнѣ съ любой изъ европейскихъ державъ изъ-за интересовъ иного свойства, нежели вопросъ который привелъ насъ къ войнѣ съ Турціей, мы поняли

бы присутствіе поляковъ въ лагерѣ нашихъ противниковъ и конечно не изумилась бы этой встрѣчи. Но что сказать о польскихъ „*легіонерахъ*“, желавшихъ сражаться за угнетеніе ихъ единоплеменниковъ, за торжество надъ ними мусульманскаго ига, за палачей, ругающихся надъ истязуемыми, беззащитными жертвами? Мадьярская молодежъ, братающаяся съ турецкими софтами, и та не рѣшалась стать подъ мусульманское знамя, не смотря на кровное родство, соединяющее мадъяръ съ турками; — но поляки находили это возможнымъ и вполнѣ для себя пристойнымъ, послѣ тѣхъ милостей, которыя имъ не разъ оказывались Русскимъ Царемъ, а въ особенности въ 1873 году. Что же имъ сдѣлали: болгары, сербы Босніи или Герцеговины, за сохраненіе ярма подъ которыми они пошли драться, перенося на нихъ ненависть, питаемую къ Россіи? Неужели сердца этихъ отщепенцевъ славянской семьи до такой степени очерствѣли, что даже кровь, тысячами умерщвленныхъ, болгаръ, ихъ не только не трогала, но они хотѣли еще новыхъ жертвъ? Должно быть такъ, если намѣревались идти сражаться за продленіе турецкаго рабства надъ балканскими славянами.

Но это столь противуестественно, что не рѣшались допустить мысли, чтобъ предполагавшіе витязи-легіонеры, шедшіе на бой за мусульманское ярмо надъ христіанами, могли возбудить къ себѣ сочувствіе въ большинствѣ ихъ соотечественниковъ, конечно, далекихъ отъ такого нравственнаго паденія. Имъ только, этимъ паденіемъ, да развѣ еще доходившимъ до помраченія разсудкомъ, переставшимъ различать свойства

совершавшихъ дѣяній, и можно было объяснить себѣ готовившееся вступленіе въ турецкій лагерь польскихъ союзниковъ. Фактъ этотъ, тѣмъ не менѣе осуществился! Онъ имѣлъ въ себѣ такое поруганіе надъ святыней общеславянскаго дѣла, такое кощунство надъ нимъ, что было-бы слабостью оставить его безъ вниманія на всегдашнее поруганіе и возмездіе. Никто не могъ помѣшать польскимъ легіонерамъ сражаться за одно съ турками дѣло; но русскія военныя власти имѣли-бы полное нравственное право объявить ихъ состоящими внѣ закона военно-плѣнныхъ, благо они являлись еще и съ своимъ, польскимъ, знаменемъ.

Одинъ изъ польскихъ легіоновъ въ числѣ 300 человѣкъ изъ коихъ 100 чел. офицеровъ подъ командою венгерскаго гусарскаго маіора Горватъ, — отправился въ Шумлу, какъ сборное мѣсто всякихъ авантюристовъ. Въ составъ этого легіона входили: поляки, венгерцы, англичане, прусаки и пять или шесть французовъ. Французскій повѣренный въ дѣлахъ предупредилъ своихъ соотечественниковъ, что, по вступленіи ихъ подъ турецкія знамена, они перестаютъ быть французскими гражданами и потому посольство за нихъ болѣе не отвѣчаетъ. Мундиръ у легіонеровъ темносиній съ воротникомъ багроваго цвѣта. Константинопольское правительство по богатству своему не могло снабдить ихъ лошадьми, а потому каждый долженъ былъ запастись лошадью въ Шумлѣ. — Послѣдствія этого легіона весьма плачевны, какъ отозвалась „*Кельнская газета*“, „что „въ сущности онъ долженъ былъ образовать кавалерій„скій полкъ, нѣчто въ родѣ улановъ; но по недостатку

„лошадей, да и людей,—лишь на половину поляковъ,— „устроили пѣшую кавалерію и отправили ее въ Раз- „градъ. Такимъ образомъ, у турокъ была кавалерія;— „единственная въ мірѣ: *кавалерія безъ лошадей*".

Другой отрядъ польскаго легіона какъ видно было изъ Краковской газеты *Часъ*, что свое пресловутое назначеніе окончилъ горько-слезнымъ существованіемъ. Такъ какъ Аргуръ-бей, иначе сказать Циммерманъ, бѣжавшій въ Турцію изъ опасенія суда надъ собой за не совсѣмъ честное барышничество съ лошадьми, и г. Лисецкій, и Клапка, удовольствовавшіяся скромнымъ чиномъ подполковника, а послѣдній генерала, набрали всего на всего 23 офицера и солдатъ въ *польскій легіонъ на турецкой службѣ*, то сераскиръ порѣшилъ отдѣлаться отъ непріятныхъ гостей, и, дѣйствительно, самымъ не церемоннымъ способомъ выгналъ ихъ изъ казармы, гдѣ они помѣщались. Онъ просто на просто приказалъ одному турецкому офицеру, завѣдывающему казармой, увѣдомить ихъ, что раціоны имъ выдаваться больше не будутъ; когда же легіонеры начали протестовать, то офицеръ сказалъ имъ, чтобы они шли объясняться съ сераскиромъ. Такъ они и сдѣлали. Сераскиръ, заставилъ ихъ прождать нѣсколько часовъ у себя въ передней, наконецъ велѣлъ позвать ихъ и заявилъ имъ, что онъ ихъ не знаетъ и знать не хочетъ и что они могутъ убираться куда имъ вздумается. Далѣе посовѣтовалъ онъ легіонерамъ поскорѣе снять свои мундиры, иначе они будутъ стащены съ нихъ силою полиціи. Легіонеры бросились было искать защиты у Дамата-паши, но, получивъ и тамъ отказъ, по неволѣ

принуждены были очистить казарму и возвратить выданные имъ турецкимъ правительствомъ мундиры. Но куда они дѣвали свое знамя, съ бѣлымъ польскимъ орломъ, съ литовскимъ рыцаремъ и архангеломъ Михаиломъ,—не извѣстно, а такъ же неизвѣстно, куда скрылись вышеписанные вожди. Носились слухи, будто одинъ изъ нихъ вѣроятно Кланка, отправился къ Абдулъ-Керему, заклиналъ его польской кровью, текущей въ его жилахъ, заступиться за легіонъ, съ которымъ такъ жестоко обошлись въ Константинополѣ.

Убѣдившись въ этихъ слезно-жестокихъ послѣдствіяхъ польскихъ витязей и легіоновъ, и вспомнивъ то, что турецкая армія, съ горяча, готова была обогатиться сонмомъ новыхъ витязей,—каждый здравомыслящій приходитъ къ тому убѣжденію, что турецкое правительство и турки, по сколько они не цивилизованы и аппатичны ко всему и самимъ себѣ,—а все-таки поняли, что значитъ такое полякъ и польскій легіонъ или мыльный пузырь, и, что національное свое званіе „полякъ“ въ средѣ прочихъ считаютъ въ родѣ ругательнаго слова, а потому существеннаго въ ихъ средѣ никогда и никто ничего не видалъ, да едва ли когда они могутъ осуществить свое желаніе.

Послѣ этихъ печальныхъ послѣдствій „польскаго легіона“ и упрочихъ друзей Порты притупились носы, что усматривалось изъ ноты, которою англійскій кабинетъ отвѣчалъ на депешу русскаго государственнаго канцлера, извѣщавшую его о переходѣ русскихъ войскъ за Турецкую границу а именно: „Съ глубокимъ сожалѣніемъ,— „писалъ гр. Дэрби, — правительство ея величества по-

„лучило это сообщеніе“. Нельзя не повѣрить искренности такихъ словъ. Англійская политика ошиблась въ разсчетѣ. Она вела себя слишкомъ самоувѣренно и, повидимому, до послѣдней минуты не допускала мысли, чтобъ русское правительство пошло дальше дорого стоющей Россіи и довольно безвредной для Турціи военной демонстраціи. Что она сохранила это убѣжденіе даже подписывая лондонскій протоколъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ ниже приводимая нота, въ которой заявлялось, что помянутый документъ далеко не преграждалъ возможности дальнѣйшихъ переговоровъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы Порта отвергла самую мысль о реформахъ. Длить переговоры, конечно, было возможно,—возможно безъ конца, и на этой безконечной длительности построенъ былъ бы весь разсчетъ англійской политики. Министерство лорда Биконсфильда было убѣждено, что дальше словъ русское правительство не пойдетъ, что оно радо будетъ воспользоваться удобнымъ средствомъ къ отступленію, и на этой увѣренности основало всю свою игру. Откуда оно могло получить такое убѣжденіе? Говорили, что въ Лондонѣ очень не довольны были военнымъ агентомъ, находившимся въ Петербургѣ, донесенія котораго о военной приготовленности Россіи не вполнѣ, будто бы, какъ оказалось, согласовалось съ дѣйствительностію. Не умышленно конечно, со словъ людей, въ кругу которыхъ ему приходилось вращаться, онъ представлялъ себѣ и изображалъ своему правительству, русскую военную организацію черезъ чуръ мрачными красками. Сообразовавшаяся съ такимъ донесеніемъ политика кабинета была вовлечена въ ошибку,

изъ которой выводили его, но къ сожалѣнію, уже поздны, были донесенія военнаго агента другой державы, сообщенны англійскому министру по его просьбѣ. Такова, увѣряли, была закулисная сторона той роли, въ которой видѣли англійскую политику на сценѣ. Если это такъ, то граафу Дэрби ничего не оставалось другаго, кромѣ „*глубокаго сожалѣнія*“ о своей ошибкѣ.

Англійская депеша не хотѣла признавать, что Порта своимъ отвѣтомъ на протоколъ устранила всякую надежду послѣдовать совѣтамъ Европы и отказывала въ гарантіяхъ. Въ чемъ видѣлъ гр. Дэрби эти гарантіи, — осталось темнымъ. Вскользь коснувшись этого предмета, онъ спѣшилъ перейти къ протесту противъ того мѣста въ депешѣ русскаго государственнаго канцлера, въ которомъ выражается увѣренность, что, прибѣгая къ принудительнымъ противъ Турціи средствамъ, Россія „дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы“. Англійское правительство не желало такого общенія и говорило, „что рѣшеніе, принятое русскимъ правительствомъ, не изъ такихъ, которыя могли получать его содѣйствіе или его одобреніе“. Но достаточно прочесть даже бѣгло депешу кн. Горчакова, что бы видѣть, что въ ней вовсе не подразумѣваетъ чего-либо, похожаго на полномочіе, присвоиваемое себѣ Россіей. Въ ней лишь подтверждается, что тѣ цѣли, которыя Россія преслѣдовала путемъ дипломатическихъ переговоровъ, въ согласіи съ прочими европейскими державами, не исключая и Англію, и для достиженія которыхъ она нынѣ обнажила свой мечъ, что — эти цѣли признаны согласными съ интересами и чувствами Европы и не

могутъ, слѣдовательно, имъ противорѣчить, будучи достигнуты путемъ оружія.

На ноту гр. Дэрби можно бы, конечно, было построить цѣлую дипломатическую переписку; но время дипломатическихъ пререканій, къ счастію, миновало и предсказывавшее со стороны Петербургскаго кабинета молчаніе было лучшимъ на нее отвѣтомъ.

Дотѣхъ поръ, пока все дѣло ограничивалось безвредными для Турціи и въ одинаковой степени безполезными для христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана дипломатическими пререканіями, англійская оппозиція дѣйствовала согласно и послѣдовательно. Въ ея рядахъ не замѣчалось никакого разлада; газеты служившія ей органами, выражались опредѣленно, требуя отъ министерства болѣе прямой и настоятельной политики въ пользу балканскихъ христіанъ. Но пора словъ миновала; наступила пора дѣйствія, и англійская оппозиція заколебалась, какъ въ печати такъ и въ парламентѣ. Она заговорила инымъ языкомъ, уже менѣе твердымъ; понадобились оговорки тамъ, гдѣ еще недавно все представлялось до очевидности яснымъ и безповоротно установленнымъ. Оппозиціонная англійская печать, правда, еще не примирялась съ министерствомъ Лорда Биконсфельда и не становилась открыто на сторону Турціи, но замѣтно начинала пятиться и отъ турецкихъ христіанъ по направленію къ Портѣ. Брюзжа на политику торійскаго кабинета, она сводила съ нимъ все еще старые счеты за время, предшествовавшее войнѣ, уже запоздалые и продолжавшіеся для того только, чтобы замаскировать переходъ къ совершенному одобренію министерской политики.

Первый теноръ оппозиціоннаго хора, органъ либеральной англійской партіи газета *Daily News*, еще недавно не находившая словъ для достаточно сильныхъ порицаній министерства за его политику противудѣйствія въ вопросѣ объ улучшеніи участи балканскихъ славянъ, за его явное предпочтеніе, оказывавшее интересамъ мусульманства, считала возможнымъ союзъ Англіи съ той же Турціей.—Если наши интересы говорила газета, окажутся тождественными, то мы несомнѣнно будемъ ея союзниками. Но въ чемъ же эта тождественность могла сказаться? Пунктъ соприкосновенія былъ; на немъ сходилась либеральная оппозиція съ консервативнымъ министерствомъ и оба вмѣстѣ протягивали руку Портѣ; это—противодѣйствіе русскому вліянію. „Въ интересахъ Англіи—говорила памянутая газета,—чтобы христіанскія провинціи Турціи достигли самостоятельности и достаточно окрѣпли для этого противодѣйствія".

Такая падкладка симпатій въ либеральной части англійскаго общества къ балканскимъ словянамъ не должна была изумлять насъ. Англійскіе либералы готовы симпотизировать имъ, но только въ разсчетѣ заслонить Россію и стать на ея мѣстѣ. Эту мысль гораздо опредѣленнѣе нежели помянутая газета, высказалъ корифей англійскихъ либераловъ, самъ м-ръ Гладстонъ, ровно за мѣсяцъ до войны, въ засѣданіи палаты 11-го марта. Безъ всякихъ обиняковъ, онъ заявлялъ, что „смотрѣлъ бы съ величайшей подозрительностію и не доброжелательствомъ на распространеніе вліянія Россіи среди христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова". Его симпатіи къ балканскимъ славянамъ есть только сред-

ство противодѣйствовать Россіи; онѣ существовали, вѣрнѣе говоря онѣ заявлялись лишь потому, что была цѣль, которой онѣ служили и служатъ, и которой слѣдовательно должны подчиняться, будучи при этомъ дѣйствительны и живучи въ той только степени въ какой самая цѣль ими достигалась. Докажетъ опытъ ихъ непригодность,— и онѣ будутъ отброшены, какъ ошибка, долженствующая служитъ предупрежденіемъ на будущее время, предостерегать отъ возвращенія къ ней. Таковъ истинный смыслъ сочувствія, проявлявшаго извѣстной частью англійскаго общества къ славянамъ Турціи, истолкованный устами вліятельнѣйшаго представителя этой части. Но даже и въ томъ, узко-эгоистическомъ видѣ, въ какомъ понималъ г. Гладстонъ свои симпатіи къ христіанскимъ подданнымъ турецкаго султана, опозиція не рѣшалась ихъ поддерживать, какъ это сказалось на судьбѣ, постигшей его резолюцію въ парламентѣ. Приговоръ надъ нею, какъ увѣрялъ лондонскій корреспондентъ. *le Temps*, былъ произнесенъ заранѣе, на предварительномъ совѣщаніи, происходившемъ у оффиціальнаго вождя оппозиціи, Марк. Гартингтона. Большинство старыхъ товарищей покинуло г. Гладстона, отказавшись слѣдовать за нимъ въ существеннѣйшей части его резолюціи, выражавшей порицаніе правительству султана за его дурное управленіе и гнетъ надъ христіанскими подданными. Относящіеся сюда параграфы были взяты назадъ. Покуда, русская политика не переходила отъ слова къ дѣлу, оппозиція толкала министерство идти съ ней за одно; но лишь только наступила пора дѣйствовать, — тактика измѣнилась и даже

союзъ съ Турціей для англійскихъ либераловъ не представлялся невозможнымъ.

Параллельно тому, какъ оппозиція стушевывалась, дерзость англійскихъ туркофиловъ росла неимовѣрно. Въ засѣданіи палаты общинъ 21-го апрѣля, нѣкто г. О'Клери заявилъ, что если резолюція Гладстона будетъ принята, то онъ О'Клери, предложитъ распространить заключающееся въ ней порицаніе султана и на русское правительство „за муки, угнетенія и преслѣдованія чинимыя имъ въ Польшѣ и въ другихъ провинціяхъ". Вотъ какъ! Россія передъ судомъ англійскаго парламента! Разсказывали, что на одномъ дипломатическомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Петербургѣ, въ полномъ потокѣ своей рѣчи, резонировавшій англійскій дипломатъ обратился къ своему сосѣду съ такими словами: вы нападаете на турокъ, защищаете славянъ, но чтобы вы заговорили, еслибы мы указали вамъ на Польшу? — Мы заставили бы замолчать,—отвѣтили ему;—и разговоръ перешелъ на другой предметъ, къ той печальной участи, которая постигла „*польскій легіонъ*" въ Турціи и что самостоятельность дѣйствій Русскаго Царя начала выказываться на его обнаженномъ мечѣ въ защиту балканскихъ славянъ.

Въ промежутокъ этого времени 16-го, 17-го и 18-го апрѣля въ Малой Азіи, кавалерія наша, подъ начальствомъ Чавчавадзе, производила дальный обыскъ къ югу отъ Карса; отдѣльные отряды доходили до Личагирита, гдѣ имъ удалось уничтожить телеграфъ на протяженіи 10-ти верстъ. Выступившіе 16-го апрѣля изъ Карса на Эрзерумъ восемь турецкихъ баталіоновъ съ баттареею были

преслѣдуемы нашею конницею; при этомъ движеніе турокъ подъ командою Мухтаръ-паши, походило на бѣгство; турки потеряли отсталыхъ, вьюки и патронные ящики, а 18-го апрѣля кавалерія наша имѣла двухъ-часовую артиллерійскую перестрѣлку съ вышедшимъ изъ крѣпости непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ восьми баталіоновъ и полевой артиллеріи; у непріятеля было подбито одно орудіе. Вся наша потеря: нижнихъ чиновъ убитъ одинъ и ранено пять, плѣнныхъ взято болѣе ста человѣкъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, кавалерію оставилъ у Визинъ-Кева, а остальными силами занялъ лагерь у Займа. Жители относились къ нашимъ войскамъ дружелюбно, получались безчисленныя просьбы о принятіи ихъ въ нашу службу и приступлено было къ формированію изъ нихъ коннаго полка.

По свѣденіямъ изъ „*Русскаго Инвалида*“, на азіятскомъ театрѣ войны, въ первой половинѣ апрѣля у Турціи находились слѣдующія войска, которыя, до открытія военныхъ дѣйствій были размѣщены: батумскій корпусъ, въ самомъ Батумѣ – 6 баталіоновъ; къ сѣверу отъ него, въ батумскомъ санджакѣ, на пространствѣ между Батумомъ и Гурійскою границею, въ сторонѣ Изургентъ, до 20-ти баталіоновъ, изъ которыхъ большая часть находилась у Цихедзири (на половинѣ прибрежнаго пути между Батумомъ и постомъ св. Николая); кромѣ того 8 баталіоновъ въ Александровскомъ санджакѣ, по долинѣ р. Аджаръ. Всего 34 баталіона, съ нѣсколькими полевыми баттареями, 3 роты саперовъ и крѣпостная артиллерія въ Батумѣ. Ардаганъ: 11 баталіоновъ пѣхоты (2 стрѣлковыхъ); 2 эскадрона кава-

леріи, 5 баттарей, рота саперовъ и крѣпостная артиллерія. *Карскій* отрядъ: 21 баталіонъ пѣхоты, 9 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 8 баттарей, рота саперовъ и 4 роты крѣпостной артиллеріи. *Когызманъ:* 1 баталіонъ пѣхоты и 1 эскадронъ. *Баязетъ:* 8 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи и 4 баттареи. *Эрзерумъ*: 13 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2 стрѣлковыхъ), 2 эскадрона регулярной кавалеріи, 10 полевыхъ и 3 горныхъ баттареи, 4 роты саперовъ, 2 баталіона волонтеровъ и до 2,000 крѣпостной артиллеріи. Всего, по приблизительному разсчету, вдоль русской границы отъ Батума до Баязета, т. е. отъ Чернаго моря до Персидской границы, и затѣмъ въ Эрзерумѣ, Ванѣ и другихъ пунктахъ азіатскаго театра войны собрано до 116 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 6 стрѣлковыхъ) 29-ть эскадроновъ кавалеріи, 23 полевыхъ и 8 горныхъ баттарей, 17 ротъ крѣпостной артиллеріи и 10 ротъ саперовъ. Да сверхъ того сынъ Шамиля, Мехмедъ-бей, отдалъ распоряженіе принимать соотечественниковъ Шамиля, въ корпуса волонтеровъ.

Наше движеніе впередъ къ Дунаю продолжалось безпрепятственно. Жители Румыніи встрѣчали войска сочувственно. Турецкія войска на Дунаѣ пока ничего не предпринимали противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ прибрежные пункты на Нижнемъ Дунаѣ и нигдѣ не имѣли попытокъ переправиться черезъ Дунай.

По даннымъ достовѣрнымъ свѣденіямъ къ 21-му апрѣля находилось въ Румыніи 150,000 русскихъ, двѣ трети которыхъ было уже на Дунаѣ, остальная треть на пути и вскорѣ присоединилась. Состоявшіе уже на

Дунаѣ имѣли слѣдующее расположеніе: *въ Барбошѣ* и окрестностяхъ—30,000, *въ Рени* и окрестностяхъ—25,000, *въ Измаилѣ* и окрѣстностяхъ до *Килліи*—10,000, на пути *въ Бузео*—15,000, въ окрестностяхъ *Браилова*—10,000, между *Рени и Измаиломъ*—10,000. Остальные затѣмъ 60,000, вскорѣ присоединились и другіе корпуса, переходившіе границу. Сосредоточенные корпуса имѣли при себѣ всю артиллерію, весь военный матеріалъ, громадные запасы провіанта и пр. При Барбошскомъ корпусѣ уже имѣлось сверхъ того два парка осадной артилллеріи, значительное количество повозокъ для раненыхъ, два полевые лазарета, два понтонныхъ экипажа и 15 разработанныхъ конанирскихъ лодокъ. Предполагалось, лодки эти спустить на рѣку Серетъ.

По занятіи мѣстъ стоянокъ нашими войсками, корресподентъ изъ Браилова сообщилъ, что самый городъ Браиловъ находится на высокомъ и крутомъ берегу Дуная и замаскированъ гребнемъ обрыва. Турецкій берегъ противъ Браилова—низменный; здѣсь отъ главнаго русла отдѣляется широкій, судоходный рукавъ, такъ называемый—Мачинскій; у раздѣла на самомъ берегу расположено небольшое турецкое село Гечети. 18-го апрѣля два турецкихъ военныхъ парохода пришли сверху и стали на якорь у Гечети. Наши артиллеристы попытались прогнать эти пароходы, что имъ и удалось какъ нельзя лучше. Дѣло происходило такъ: часовъ въ 12 дня два четырехъ-фунтовыхъ орудія выкачены были на самый гребень обрыва и ровно къ половинѣ перваго открыли огонь,—первый нашъ снарядъ перелетѣлъ надъ пароходами и ударился въ берегъ;

второй сдѣлалъ рикошетъ по водѣ,—не долетѣвъ до цѣли? третій снарядъ разорвался, какъ разъ надъ носомъ турецкаго парохода и снесъ ему бугъ-иритъ;—пристрѣлка сдѣлана и всѣ остальные выстрѣлы падали аккуратно. Послѣ перваго выстрѣла на противуположенномъ берегу замѣтно было, даже невооруженнымъ глазомъ, сильное движеніе. Батальонъ турецкой пѣхоты разсыпался вдоль берега, нѣсколько конныхъ черкесовъ понеслись по песчаной береговой косѣ въ Мачинъ и изъ Гочетской кофаны выбѣжали моряки, спѣша на свои суда. Турецкіе пароходы стали отвѣчать послѣ шестаго нашего выстрѣла; первый ихъ снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами; второй далеко влѣво; ждали третьяго удачнаго, но этотъ третій оказался картечью, брызнувшей безполезно по водѣ, что вызвало громкій смѣхъ, какъ артеллеристовъ, такъ и всѣхъ присутвовавшихъ на берегу. Съ нашей стороны было сдѣлано всего 20 выстрѣловъ изъ четырехъ полевыхъ четырехъ-фунтовыхъ орудій; менѣе чѣмъ въ полчаса и оба парохода должны были отступить за островъ и скрылись въ Мачинскомъ рукавѣ; у нихъ снесены были борты,—значитъ была потеря и въ людяхъ,—и повреждено колесо. Турки еще разъ пытались выдвинуться изъ-за острова, но нѣсколько не менѣе удачно пущенныхъ снарядовъ заставили ихъ снова скрыться и на этотъ разъ уйти совсѣмъ. Судя по тяжелому и не ловкому ходу этихъ судовъ, поврежденія должны быть весьма серьезны.

Съ нашей стороны ни одного раненаго, ни убитаго. Жители Браилова, и въ томъ числѣ даже дамы наблюдали съ береговаго гребня за ходомъ перестрѣлки и ап-

плодировали нашимъ артиллеристамъ. На другой день ожидали еще сверху турецкихъ пароходовъ, и притомъ и мониторовъ: предполагали, что турки захотятъ мстить. Наши по этой причинѣ сильно заторопились окончаніемъ постройки береговыхъ баттарей. Кампанія на Дунаѣ значитъ начата. Въ Рени, какъ выше описано, турецкія суда пытались пройти съ низу, но были остановлены выстрѣлами съ нашихъ баттарей и повернули обратно къ устьямъ.

21-го апрѣля въ половинѣ двѣнадцатаго на Дунаѣ, нѣсколько ниже Рени, показался пароходный дымокъ, и наши баттареи приготовились къ встрѣчѣ; ровно въ полдень появился большой турецкій мониторъ и первый открылъ огонь по баттареямъ, выстроеннымъ на возвышенномъ берегу между Рени и устьемъ Прута; наши пушки тотчасъ же отвѣчали. Получивъ нѣсколько удачныхъ ударовъ, пароходъ отступилъ, но чрезъ четверть часа снова подошелъ на выстрѣлъ. Турецкое судно держало себя очень осторожно, боясь подводныхъ заграждeній, протянутыхъ черезъ рѣку, на высотѣ нашей позиціи; до четверти третьяго продолжалась перестрѣлка, послѣ которой мониторъ отступилъ совсѣмъ, съ сильными поврежденіями. Одновременно съ этимъ и противъ Браилова изъ Мачинскаго рукава показались пароходы и въ числѣ ихъ одинъ вчерашній, пострадавшій, какъ описано, не меньше своего товарища; туркамъ и здѣсь не удалось прорваться къ Галацу.

Корреспондентъ писалъ, что изъ оконъ гостинницы, въ которой онъ останавливался, видѣнъ весь заворотъ Дуная и мѣстечко Рени, можно было очень удобно

наблюдать за ходомъ боя; клубы пароховаго дыма видны были отчетливо, звукъ выстрѣловъ доносился, впрочемъ, довольно слабо. Въ Галацѣ вся и все переполошилось страшно, на крышахъ, на балконахъ, на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ видны были толпы любопытныхъ, наблюдавшихъ за перестрѣлкою; къ тремъ часамъ дня на томъ берегу, полузатопленномъ еще водою, показались группы болгарскихъ бѣглецовъ и нѣсколько повозокъ, запряженныхъ волами. Несчастные, бредя по поясъ въ водѣ, пробирались къ берегу Дуная; съ ними были и женщины. Отсюда послали лодки, чтобы ихъ принять; опо и кстати, потому что вдали, верстахъ въ десяти, уже было видно нѣсколько полковъ, — въ бинокль, даже очень ясно.

Самъ Галацъ собственно беззащитенъ — здѣсь не было береговыхъ баттарей, и турки, если-бы только могли прорваться у Браилова и у Рени, — могли бы почти безнаказанно бомбардировать городъ; но у Рени прорваться невозможно; тамъ сильная баттарея и, какъ уже сказано подводныя загражденія и линіи; у Браилова же работы предполагалось окончить дня черезъ два и съ мониторами, пока тягались наши полевыя орудія, какъ описано довольно успѣшно.

Жертвою этой перестрѣлки былъ на нашей сторонѣ только одинъ ребенокъ, — непріятельскій снарядъ случайно залетѣлъ въ городъ и, не разорвавшись, пробилъ стѣну одного дома, въ прибрежномъ кварталѣ.

У Рущука всѣ военныя приготовленія были окончены, войска уже расположены на земляныхъ укрѣпленіяхъ по

берегу Дуная въ различныхъ пунктахъ соединенныхъ между собою телеграфною проволокой. Вся турецкая боевая сила въ Рущукѣ и его окрестностяхъ достигала не болѣе 20,000, но на дняхъ, по полученію телеграммы изъ Стамбула, контингентъ этотъ увеличился прибытіемъ нѣсколькихъ батальоновъ изъ Видднна. Турки намѣрены были сосредоточить большую часть своей арміи въ Рущукѣ; по тѣмъ слухамъ, что изъ Видднна въ скоромъ времени должны прибыть сюда еще 30 батальоновъ. Турки, какъ видно, Рущукъ считали однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ на Дунаѣ. Дѣйствительно, Рущукъ, какъ центръ дунайскаго вилайета, имѣетъ большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи; по взятіи Рущука, можно считать всю Болгарію уже въ рукахъ русскихъ; отсюда прямая дорога въ Варну, Софію, Адріонополь и Филиппополь; такимъ образомъ, Рущукъ есть ключъ не только придунайской, но и забалканской Болгаріи. Ходили слухи, что султанъ въ скоромъ времени пріѣдетъ сюда, но этому вѣры недавали, такъ какъ объ его пріѣздѣ говорилось уже давно, а султана все нѣтъ и нѣтъ.... Хотя туркофильскія газеты возлагали всю надежду на воинственное настроеніе турокъ, но этому настроенію не придавали большаго значенія. Турки боятся русскихъ какъ огня и проклинаютъ людей, вызвавшихъ эту войну; какъ на главныхъ виновниковъ войны они указывали на болгаръ и ихъ революціонные комитеты, забывая при этомъ, что вовсе не болгары вызвали войну, а сами турки своими звѣрствами, постоянными разбоями и гибельнымъ управленіемъ страной... Турки,

нисколько не стѣсняясь, разсказывали въ кофейняхъ, что по переходѣ русской арміи въ Добруджу, они не замедлятъ увести съ собою всѣхъ болгаръ и ихъ скотъ въ плѣнъ въ Азію, а ихъ жилища предать огню, такъ что русскимъ — говорили они — Болгарія достанется въ видѣ пустыни; но этой болтавнѣ не придавали здѣсь никакого значенія. Нѣкоторые старожилы изъ болгаръ разсказывали про 29-й годъ, когда русскіе дошли до Адріонополя, что турки были въ такомъ ужасномъ страхѣ, что, растерявшись, бросали свои дома, имущество и скотъ и, взявъ съ собою лишь свои семьи, спѣшили добраться до морскаго берега и оттуда переселиться въ Азію. Многіе изъ нихъ въ торопяхъ забывали даже своихъ женъ и дѣтей, а о болгарахъ въ то время имъ и думать было нѣкогда. Теперь при одномъ имени „московъ-казакъ“ — не смотря на то, что русскія войска еще въ Румыніи — не одинъ турокъ блѣднѣетъ и принимаетъ самый жалкій и комическій видъ, схватываясь за бороду и раскачивая головой, — обычный у турокъ способъ выражать страхъ, когда разсказываютъ что-нибудь ужасное и сверхъ.естественное.

Что касается до укрѣпленія другихъ придунайскихъ городовъ Турціи, то преимущественно обращено вниманіе на городъ Туртукай, лежащій на правомъ берегу Дуная, противъ устья рѣки Ардыжъ. Въ этомъ городѣ находилось до 2,500 низамовъ, воздвигавшихъ земляныя укрѣпленія въ двухъ пунктахъ. Здѣсь находился также извѣстный опустошитель Болгаріи — Дели-Неджибъ (т. е. сумасшедшій Неджибъ); онъ въ прошломъ

году въ маѣ мѣсяцѣ, сжегъ Ново-Село, Боташево, Крывяникъ, Нову-Махалу, а также и женскій Боташевскій монастырь. Этотъ разбойникъ, пролившій столько невинной крови, опять назначенъ начальникомъ надъ черкескими ордами и успѣлъ уже навербовать для своего отряда до 8,000 черкесовъ. Въ болгарскихъ селахъ и деревняхъ черкесы грабили и убивали безпощадно, такъ что цѣлыми толпами болгары бѣжали къ берегу Дуная, а оттуда переселялись въ Румынію. Жители Кады-Кіой, послѣ недавняго опустошенія ихъ села, были принуждены переселиться въ Туртукай и Попину, лежащія, какъ извѣстно, на берегу Дуная. Въ Систовѣ турецкаго регулярнаго войска не болѣе двухъ батальоновъ. Турки вообще съ небрежностью отнеслись къ систовскимъ укрѣпленіямъ. Какъ видно, они не очень охотно защищали этотъ пунктъ, это являлось также изъ того, что они съ особеннымъ стараніемъ укрѣпляли города и мѣстности около Балкановъ. Такъ, напримѣръ, въ Тырновѣ, отстоящемъ на 50 верстъ отъ Дуная, турки оставили восемь батальоновъ регулярнаго войска и одну горную баттарею и укрѣпили этотъ пунктъ гораздо лучше, чѣмъ Систовъ. Впрочемъ, Тырново, древняя столица болгарскихъ царей, хорошо укрѣпленъ и самой природой, благодаря своему мѣстоположенію: онъ помѣщается на скалистой и высокой горѣ въ Балканахъ, куда весьма трудно подняться въ повозкѣ. Турки думали здѣсь защищаться отчаянно, а въ случаѣ взятія русскими Тырнова, они удалятся въ Балканы, укрѣпленные поспѣшно.

Въ Балканахъ для перехода войскъ есть два удоб-

ные прохода: Шипкинскій, лежащій между Габровымъ и Шипкою, и Ханкіойскій, проходящій между Еленою и Ханкіой и ведущій на Ини-Зарга, въ нѣсколькихъ верстахъ ходьбы отсюда проходитъ желѣзная дорога, соединенная съ Андріонопольско-Филипопольской. Эти два прохода, по своей ширинѣ, представляютъ большое удобство для перехода любой арміи черезъ Балканы. Турки, зная это, еще въ 29-мъ году позаботились воздвигнуть три земляныхъ укрѣпленія въ Шипкинскомъ проходѣ, къ исполненію которыхъ уже приступлено. Въ Шипкѣ расположено 1,500 солдатъ, отправлявшихся ежедневно работать на укрѣпленіяхъ; въ Габрово прибыло также 600 солдатъ, размѣстившихся по домамъ. Изъ Тырнова отправлено 600 солдатъ въ Ханкіой для укрѣпленія Ханкіойскаго прохода, оставшагося въ 29 году безъ защиты.

Въ несчастной Болгаріи, замкнутой совсѣхъ сторонъ турецкими войсками, откуда съ трудомъ достигались до насъ свѣденія, черкесы и башн-бузуки продолжали совершать неистовства. Одинъ болгаринъ, переплывшій Дунай, ночью изъ Рущука въ Журжево, сообщилъ слѣдующія свѣденія о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи. Башн-бузуки и черкесы, вмѣстѣ съ турками сосѣднихъ деревень, напавъ на церковь села Трестеники, во время богослуженія, совершили ужасныя звѣрства: связавъ сперва руки и ноги мужчинамъ и поваливъ несчастныхъ на-полъ, злодѣи передъ ихъ глазами совершали самыя возмутительныя неистовства надъ ихъ женами и дочерьми, причемъ самымъ звѣрскимъ образомъ убили многихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пы-

тавшихся оказать имъ нѣкоторое сопротивленіе. Затѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ христіанской религіей, на лбу у мужчинъ и на груди у женщинъ, они дѣлали своими ятаганами нарѣзы въ видѣ креста. По удовлетвореніи своихъ звѣрскихъ страстей, эти изверги начали издѣваться надъ иконами и священными сосудами: у всѣхъ святыхъ на образахъ выковыряли глаза и осквернили церковные сосуды. Наругавшись надъ святыней, они обобрали все, что только было цѣннаго въ церкви: сняли ризы съ образовъ, взяли поникадилы и церковныя ризы. Не забыли также снять съ убитыхъ и живыхъ жертвъ, лежавшихъ на полу, со связанными руками и ногами, одежду и даже рубашки; уложивъ все это въ мѣшки и навьючивъ на лошадей, злодѣи преспокойно удалились изъ села.

Одному священнику только удалось избѣжать ожидавшей его мученической смерти, благодаря двери, выходившей изъ алтаря прямо на дворъ, въ которую онъ и бѣжалъ. При этомъ прибавилъ разсказчикъ,— отчаенные вопли и крики несчастныхъ жертвъ, раздиравшіе душу прохожаго, были слышны на далекомъ разстояніи.

Жители села Двѣ-могилы, лежащаго въ близи Трестеника, узнавъ о совершенныхъ башибу-зуками звѣрствахъ въ этомъ селѣ, вооружили троихъ болгаръ и поставили ихъ въ своей церкви, чтобы стеречь отъ нападенія черкесовъ. Но сосѣди турки, пришли ночью къ старшинѣ, говоря ему что имъ поручено правительствомъ немедленно схватить спрятавшихся въ ихъ церкви „кометовъ“ и наказать мятежниковъ, а по этому

онъ долженъ пойти съ ними въ церковь и отпереть ее. Несмотря на старанія старшины убѣдить турокъ что это не мятежники, простые вооруженные сторожа, поставленные имъ въ церкви для защиты ея отъ нападенія разбойниковъ, они его потащили съ собой. Когда вооруженная толпа турокъ, сопровождаемая старшиною, появилась на церковномъ дворѣ, то изъ церкви раздался выстрѣлъ это былъ условленный между сторожами и селянами сигналъ, дававшій послѣднимъ знать, что они должны спѣшить къ первымъ на помощь. Этотъ выстрѣлъ еще больше раздражилъ турокъ они бросились, какъ хищные звѣри, въ дверь съ обнаженными ятаганами и стали ее ломать, но толстая дубовая дверь не легко подавалась; тогда разбойники схвативъ за шиворотъ старшину заставили его уговорить кометовъ отпереть имъ дверь. Старшина, послѣ долгаго убѣжденія сторожей, что турки имъ не сдѣлаютъ никакого вреда, наконецъ уговорилъ ихъ отпереть церковь; но лишь только дверь отворилась, раздалось залпомъ нѣсколько выстрѣловъ и трое несчастныхъ сторожей—пали мертвыми. Наконецъ прибѣжали и поселяне въ церковь на помощь, но, имѣя только однѣ дубины въ рукахъ, должны были удалиться. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и рвнулись въ церковь на помощь, но тутъ же были убиты турками на-повалъ. Церковь была усыпана трупами. Обобравъ церковь, злодѣи убили наконецъ старшину и удалились.

Еще фактъ. Въ городѣ Раховицѣ турки, напавъ на болгарскаго торговца Папайора, обобрали его отрѣзавъ при этомъ у него правое ухо. Разсказывали, что онъ положилъ свое ухо въ спиртъ, вмѣстѣ съ письмомъ

отправилъ его въ Рущукъ въ подарокъ англійскому консулу—Рпду, чтобы тотъ видѣлъ, какъ поступаютъ съ болгарами его любимцы-турки, которыхъ консулъ считалъ невинными жертвами мнимой русской интриги.

Взрывъ турецкаго монитора „Литфи-Джелиль“ подъ Браиловымъ.

10-го апрѣля въ гавань крѣпости Сулины прибыли два большихъ турецкихъ монитора—„Летфи-Джелиль“ т. е. милость всевышняго и „Хывзи—Рахманъ“ т. е. заступникъ милосердый. Оба судна построены по одному типу и съ совершенно одинаковымъ вооруженіемъ „Хывзи—Рахманъ“ остался на низовьяхъ Дуная, а „Литфи“ направился вверхъ и дошелъ до Мачина—этотъ самый мониторъ, что какъ описано выше проходилъ 12-го апрѣля мимо Галаца въ виду нашихъ войскъ, двигавшихся въ походномъ порядкѣ. Удобный моментъ нанести намъ ощутительный вредъ во время нашихъ первоначальныхъ передвиженій, когда лѣвый берегъ Дуная былъ совершенно безоруженъ, былъ турками упущенъ, вода рѣки начала уже спадать и большому судну, какъ покойный „Литфи-Джелиль“, не оставалось больше ничего, какъ попытаться прорваться снова къ морю. Попытки эти онъ уже дѣлалъ нѣсколько разъ, но все неудачно. Дѣло ограничивалось всегда легкими перепалками съ нашими береговыми баттареями.

29-го апрѣля, въ два часа пополудни, дали знать съ баттарей, что за островомъ Мачинымъ видны труба и дымъ приближающихся турецкихъ мониторовъ. Артил-

леристы приготовились. Множество офицеровъ всѣхъ частей войскъ и даже постороннихъ зрителей собралось по близости баттарей. Въ три часа передній мониторъ показался изъ-за острова, прошелъ нѣсколько десятковъ саженей по дунайскому форватеру и раскрылъ бортъ—это былъ „Литфи“—красивое трехъ-мачтовое судно, грозно выпускавшее изъ своей широкой приземистой трубы густые клубы чернаго дыма. За нимъ, не выдвигаясь изъ-за острова, виднѣлись еще два судна подъ парами, задержавшія ходъ. На первый выстрѣлъ съ борта „Литфи“ отвѣчала наша 24-хъ-фунтовая баттарея. Нѣсколько нашихъ бомбъ легли очень близко отъ монитора, всплески воды взлетали почти у самаго борта, артиллеристы сердились не на шутку, совершенно забывая о томъ, что они и сами служили мишенью для турецкихъ снарядовъ. „Литфи“ снова тронулся впередъ, — пожалуй, на этотъ разъ ему и посчастливилось бы прорваться. Тогда съ нашей второй мортирной баттареи тоже открыли огонь по непріятелю. Первые два выстрѣла не долетѣли и легли много ближе цѣли; было уже отдано приказаніе остановить безполезную трату снарядовъ, когда третій выстрѣлъ легъ даже дальше цѣли, взборождивъ воду у самаго противуположнаго берега, эти три пробные выстрѣла дали возможность провѣрить дистанцію и бить на вѣрняка. Совершенно одновременно раздалось два выстрѣла — одинъ изъ 24-хъ фунтовой пушки и другой изъ мортирной, оба снаряда ударились въ „Литфи“ и черезъ мгновеніе надъ водою поднялся громадный столбъ пламени, сверкнувшій даже не смотря на то, что день былъ ясный и солнечный. Черные клубы

дыма сплошнымъ облакомъ совершенно окутали „Литфи“; ударъ былъ глухой и короткій: длинныя волны, образовавшіяся отъ этого чудовищнаго всплеска, докатились даже до нашего берега, всколыхнувъ вереницу мирныхъ судовъ и рабочихъ лодокъ. У насъ на баттареяхъ и въ толпѣ зрителей царствовало въ это мгновеніе глубокое молчаніе. Но когда черезъ нѣсколько секундъ, эту дымовую тучу отнесло вѣтромъ и на поверхности воды, на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ грозный броненосецъ, не осталось ничего кромѣ торчащей верхушки мачты съ краснымъ флагомъ—на баттареяхъ грянуло громкое „ура“, подхваченное всѣми, даже посторонними присутствовавшими. Это была страшная мгновенная катастрофа. Могучее трехмачтовое судно съ пятью колосальными орудіями, съ 219-ю человѣкъ экипажа—все это разомъ погибло отъ удачно попавшей бомбы, пробившей палубу и разорвавшейся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ бомбовой камерѣ.

Со всѣхъ русскихъ баттарей было замѣчено, что въ турецкій броненосецъ попало разомъ и почти въ одну точку два русскихъ снаряда. Одинъ изъ этихъ снарядовъ выпущенъ былъ изъ мѣдно-заряжающаго съ казенной части орудія, прицѣливаніе котораго непосредственно передъ взрывомъ было особенно тщательно вывѣрено, поручикомъ Самойло. Второй попавшій снарядъ выпущенный изъ единорога, былъ наведенъ завѣдывавшимъ работами на 1-й баттареи саперпымъ поручикомъ Романовымъ, который между прочимъ интересовался также стрѣльбой. Поручикъ Самойло, дворянинъ Смоленской губерніи, имѣетъ всего 23 года отъ роду и всего

годъ и девять мѣсяцевъ, какъ состоитъ на дѣйствительной службѣ. Поручикъ 7-го сапернаго батальона Романовъ—21 года родомъ Подольской губерніи и состоитъ всего восемь мѣсяцевъ на дѣйствительной службѣ. Ему поручена была постройка баттареи № 1-й, и онъ продолжалъ производить работу и во время самой стрѣльбы, помогая при этомъ „изъ любви къ искусству“ и въ прицѣливаніи орудій. Честь уничтоженія турецкаго монитора „Литфи“ принадлежитъ по праву обоимъ офицерамъ.

„Литфи Джелиль“, по разсказамъ единственнаго человѣка, котораго удалось спасти изо всего экипажа, имѣлъ задачею вмѣстѣ съ другими турецкими мониторами очистить отъ русскихъ баттарей и загражденій теченіе Дуная между Браиловымъ и Рени. За тѣмъ предполагалось бомбардировать: Браиловъ, Галацъ и Рени и превратить ихъ въ груду развалинъ. Тотчасъ послѣ катастрофы, два другихъ турецкихъ судна поспѣшно обратились въ бѣгство, не заботясь не мало о спасеніи тѣхъ, которыхъ еще можно было спасти; а потому первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды, у русскихъ была забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна. Испросивъ разрѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько морскихъ офицеровъ бросились на три паровыя шлюпки и на всѣхъ парахъ пустились къ мѣсту катастрофы. Первою шла шлюпка „Олавъ“ съ лейтенантомъ Дубасовымъ и Дукмасовымъ; въ 150 саженяхъ отъ него шелъ лейтенантъ

черноморскаго флота Шестаковъ, а въ третьей шлюпкѣ, на такомъ же разстояніи плыли гг. Струковъ, Рогуля, Персонъ и др. Всѣ они держа направленіе къ Гечету, обогнули затопленный островъ и, войдя въ Мачинскій рукавъ, прослѣдовали мимо Гечетскихъ окоповъ, за которыми видна была турецкая пѣхота, не дававшая однако по шлюпкамъ ни одного выстрѣла; какъ видно, паника турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія взрыва; пѣхотинцы эти, молча и не подвижно, смотрѣли на плывущія мимо ихъ лодки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ за спѣшностію отхода шлюпокъ его не успѣли захватить съ собою.

Наконецъ наши пришли на мѣсто гибели корвета. Но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ воды, не было уже не малѣйшаго слѣда только что совершившихся ужасовъ. Ни гдѣ вокругъ ни одного трупа, ни одного обломка, все изчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе мониторы были со всѣмъ на виду; отъ нашихъ шлюпокъ оставалось до нихъ не болѣе трехъ *кабельтовыхъ*, но мониторы, также точно какъ турецкая пѣхота, и не подумали дать по своимъ врагамъ ни одного выстрѣла, равно какъ раньше нашего прибытія не подумали и о томъ, чтобы спустить шлюпку на помощь утопавшимъ товарищамъ.

Лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, доставшійся намъ единственнымъ,—по достойнымъ трофеямъ этой побѣды. Всѣ поиски нашихъ шлюпокъ остались тщетными. Онѣ уже возвращались

назадъ, когда съ гечетскаго берега донесся слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ же причалили къ берегу и высадились изъ одной шлюпки. Здѣсь на берегу нашли матеріалы для телеграфа, который турки намѣревались было проводить въ этомъ мѣстѣ; часть проволоки и фарфоровые болваки забрали съ собою, а часть потопили; за тѣмъ, продолжая поиски, услышали снова тотъ же стонъ и вскорѣ наткнулись въ невысокихъ камышахъ на лежавшаго турка. Руки и ноги его были страшно обожжены и опалено все платье. Его подняли и перенесли въ лодку. Сначала онъ былъ ужасно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха, но его тотчасъ же постарались успокоить ласковымъ обращеніемъ, и несчастный мало по-малу пришелъ въ себя и пріободрился на столько, что по доставкѣ его въ браиловскій военно-временной госпиталь могъ уже отвѣчать на вопросы. Оказалось, что весь страхъ его происходилъ отъ того, что начальство турецкое распространило между матросами и солдатами убѣжденіе, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ же сажаютъ по-турецки на колъ, и онъ думалъ, что такая же участь неизбѣжно предстоитъ и ему; но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою и такое человѣческое обращеніе, то начиная уже поправляться, съ искреннымъ чувствомъ сознался, на сколько всѣ его собратья заблуждаются въ „Московѣ“ и говорилъ, что впередъ уже не только самъ не пойдетъ, но и дѣтямъ, и роднымъ, и всему дальнѣйшему своему будущему потомству закажетъ воевать противъ „Москова“. Отъ этого плѣннаго узнали, что взорванный корвертъ на-

звался „Литфи-Джелиль“, и что за нѣсколько секундъ передъ послѣдними выстрѣлами съ русскихъ баттарей, отъ турецкаго корверта отчалила въ Мачинъ восьми-весельная шлюпка съ адмираломъ Буюкъ-паша.

Когда въ Кишиневѣ, часовъ около $7^1/_2$ вечера, получена была главнокомандующимъ первая вѣсть о взрывѣ броненосца, отправленная по телеграфу тотчасъ же послѣ произшествія, Его Высочество вышелъ изъ кабинета въ пріемную залу, гдѣ оставалось еще послѣ обѣда нѣсколько чиновъ главной квартиры и воскликнулъ: „Слушай, ребята!“ прочелъ эту телеграмму.

Громкое и единодушное „ура“ тотчасъ же огласило весь домъ Великаго Князя и чрезъ минуту было подхвачено на бульварѣ, гдѣ противъ квартиры Его Высочества всегда, бывало, стояла толпа народа.

Черезъ четверь часа уже весь городъ зналъ и радостно толковалъ объ этомъ счастливомъ для русскаго оружія началѣ.

Его Высочество тотчасъ же отправилъ къ командиру 11-го корпуса, князю Шаховскому, слѣдующую отвѣтную телеграмму.

„Отъ всей души поздравляю тебя и войско со слав-„нымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. При-„кажи объявить тому наводчику, который вѣрнымъ „выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что Я его жалую „знакомъ военнаго ордена. Пришли Мнѣ его имя и фа-„милію, и фамилію офицера, который командовалъ ору-„діями. Объявить артиллеристамъ мое большое спасибо!“

Кромѣ вышеписанныхъ офицеровъ командовавшихъ орудіями, наводчиками были: строеваго отдѣла осадной

артиллеріи рядовые: Романъ Давыдюкъ и Иванъ Помпарю. Первый изъ нихъ былъ подъ наблюденіемъ поручика Самойло,—наводилъ 24-хъ фунтовое орудіе, а второй—мортиру, подъ руководствомъ поручика Романова.

Въ періодъ этого времени, въ Черномъ морѣ, турецкая эскадра въ числѣ 20 пароходовъ, хотя и крейсировала въ виду Ѳеодосіи, Ялты, Севастополя, Евпаторіи и другихъ прибрежныхъ пунктовъ, но не безпокоила нашихъ береговъ Крыма, а обратила непріятельское дѣйствіе на Сухумскій отдѣлъ, гдѣ 30-го апрѣля, турецкій флотъ, подъ защитою своихъ мониторовъ, высаживалъ въ различныхъ мѣстахъ отдѣла цѣлыя массы иррегулярныхъ войскъ, главнымъ же образомъ абхазцевъ, выселенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскимъ правительствомъ въ Турцію; затѣмъ появлялась и турецкая пѣхота, даже артиллерія. Мѣстное абхазское почти сплошь магометанское населеніе,—половина его недавно выкрещена и держится христіанской вѣры лишь номинально—не оставалось равнодушнымъ къ призыву своихъ бывшихъ единовѣрныхъ соплеменниковъ и соединялась съ ними. Турецкіе броненосцы разрушали не только беззащитный Сухумъ, но и другія совершенно ничтожныя поселенія, при чемъ своихъ не различали отъ враговъ, какъ напримѣръ въ Гудаутахъ, гдѣ большая часть лавокъ принадлежала турецкимъ торговцамъ и стоимость всѣхъ построекъ навряд-ли даже окупали цѣну истраченныхъ на ихъ разрушеніи дорогихъ снарядовъ. Пылали мирныя деревни и дачи, опустошались сады и виноградники.

4-хъ тысячный отрядъ генералъ-маіора Кравченко, уничтоживши передовую партію десанта въ самомъ Сухумѣ, разбивши затѣмъ четыре раза абхазскія турецкія скопища, не считая мелкихъ схватокъ, совершилъ, наконецъ, отступленіе изъ возмутившейся страны, чтобы избѣжать безполезной траты людей въ борьбѣ съ чрезмѣрно превосходившимъ его силы непріятелемъ, а также не быть отрѣзаннымъ отъ всякой помощи и запертымъ въ бездорожной, гористой мѣстности. Отступленіе это онъ совершилъ благополучно, не смотря на то, что оно было почти невѣроятно по своей трудности: отряду, окруженному буквально со всѣхъ сторонъ, пришлось пройдти въ теченіи 4-хъ сутокъ болѣе 50-ти верстъ, въ дождливое время, по горамъ и лѣсамъ, черезъ разлившіяся рѣки, безъ всякихъ дорогъ, имѣя съ собою до 70 раненыхъ, 200 слишкомъ больныхъ и 150 семействъ болгаръ, грековъ и иныхъ поселенцевъ, всего 1200 человѣкъ, которымъ иначе угрожала бы неминуемая гибель, и, понесъ потерю за все это время лишь 110 человѣкъ убитыми и ранеными. Хотя приблизительное понятіе о характерѣ этого отступленія можетъ составить себѣ лишь тотъ, кто знакомъ лично съ этими дѣвственно-густыми южными лѣсами и картинными пропастями, роскошная природа которыхъ на каждомъ шагу представляетъ прикрытіе непріятелю, съ дѣтства пріученному пользоваться всѣми выгодами мѣстности. И черезъ такія мѣста, гдѣ нельзя иначе двигаться, какъ пѣшкомъ и которыя составляли половину всего пути, отряду приходилось буквально перетаскивать больныхъ и раненыхъ. Наконецъ 19-го

мая сухумскій отрядъ вступилъ въ предѣлы вѣрной намъ Самурзакани и вошелъ въ составъ кутайскаго отряда генералъ-маіора Алхазова.

Вотъ въ краткихъ чертахъ описаніе тѣхъ блестящихъ турецкихъ побѣдъ въ Сухумѣ, о которыхъ кричали иностранныя газеты и за которыя султану преподнесенъ пышный титулъ „побѣдоноснаго“.

Безспорно, что турки удачно выбрали сухумскій отдѣлъ театромъ своихъ дѣйствій на Кавказѣ; да иначе и не могло быть, такъ какъ на всемъ Кавказѣ нѣтъ другаго пункта, который представлялъ бы для нихъ такія очевидныя и важныя выгоды. На кавказскомъ берегу Чернаго моря сѣверная часть сухумскаго отдѣла есть единственная мѣстность, населенная значительнымъ (45 т. душъ абхазцевъ), магометанскимъ населеніемъ и притомъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, почти совершенно отчужденнымъ отъ русскаго и вообще христіанскаго вліянія. Вслѣдствіе близости моря, у абхазцевъ несравненно болѣе тяготѣнія къ турецкимъ берегамъ, съ которыми они и имѣютъ постоянныя, не только торговыя, но и вообще близкія родственныя связи, чѣмъ внутрь страны, куда нѣтъ никакихъ даже дорогъ. Подчиненные такимъ образомъ родному и близкому для нихъ турецкому вліянію, еще болѣе усилившемуся со времени выселенія части ихъ въ Турцію, они имѣютъ весьма малое понятіе о могуществѣ Русскаго государства. Самый актъ объявленія войны долженъ былъ произвести на нихъ впечатлѣніе побѣды турокъ надъ русскими, такъ какъ съ этого момента русскіе теряли море, не смѣли показываться на немъ, а турецкій флотъ безпрепятственно крейсировалъ у бе-

реговъ. Абхазское населеніе, необыкновенно впечатлительное, замиренное всего въ 1866 г., весьма еще воинственное, не могло не возстать, когда сзади его явились пришедшіе изъ Турціи самые знаменитые, вліятельные абхазскіе представители, такъ напримѣръ сынъ Шамиля „Кози-Магометъ“ и др. въ лицѣ англичанъ и австрійцевъ пропитанные упорною ненавистью къ Россіи. Они во имя Магомета, а также обѣщая своимъ собратіямъ милость ихъ всемогущаго падишаха, готоваго, по ихъ словамъ, пролить за нихъ послѣднюю каплю крови, предложили абхазцамъ помочь имъ истребить русскихъ, которые такъ немногочисленны, и вернуть себѣ эти, потерянныя при выселеніи въ Турцію, дивно-прекрасныя родныя ихъ мѣста. И это повторялось бы каждый разъ при войнѣ съ Турціей, пока Черное море не сдѣлается русскимъ моремъ, пока на немъ не будетъ нашего флота. Иначе для удержанія въ покорности береговаго магометанскаго населенія и отраженія турецкаго десанта, нужно было-бы употреблять весьма значительныя военныя силы, размѣщая ихъ по укрѣпленнымъ лагерямъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и прежде всего провести хоть какія-нибудь дороги внутри страны, а также въ Кубанскую область и Мингрелію, такъ какъ до настоящаго времени во всемъ отдѣлѣ, кромѣ вьючныхъ, не было никакихъ другихъ дорогъ. Система же собственно береговыхъ укрѣпленій и загражденій, при отсутствіи русскаго флота и значительныхъ сухопутныхъ силъ „наврядъ ли можетъ принести здѣсь какую-либо существенную пользу вслѣдствіе слишкомъ большой длины береговой линіи и разбросанности прибрежныхъ поселеній и дачъ.

Съ открытіемъ дѣйствій, отряда генералъ-маіора Алхазова начался новый фазисъ войны на черноморскомъ берегу, такъ какъ отрядъ этотъ значительно больше бывшаго Сухумскаго и не запертъ въ бездорожней и возмутившейся странѣ, а имѣлъ базисомъ Самурзаканъ. Но и Сухумскій отрядъ, честно выполнилъ свою не легкую задачу — отступилъ съ честью передъ несравненно сильнѣйшимъ врагомъ и, не смотря на всю трудность этого отступленія, увелъ съ собою 1,200 человѣкъ беззащитнаго христіанскаго населенія. При этомъ отступленіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо выказалъ себя этотъ все перенесшій и незамѣнимый русскій солдатъ, конечно и здѣсь онъ умеръ бы геройскою смертью, не справляясь, противъ сколькихъ враговъ приходилось сражаться ему одному, еслибы отъ этого могла быть хоть какая-нибудь польза.

Неравенство силъ нападенія и обороны, вызвавшее присоединеніе мѣстнаго абхазскаго населенія на сторону сильнѣйшаго, т. е. нападавшихъ турокъ, сдѣлалось чрезъ возстаніе еще болѣе значительнымъ и ставило малочисленный сухумскій отрядъ въ довольно тяжелое положеніе.

Ему необходимо было усилить защиту селеній: Ольгинскаго и Цебельдинскаго, а также селеній: Анастасьевскаго, Георгіевскаго и Александровскаго, гдѣ жили греческіе и болгарскіе поселенцы, и наконецъ, обезпечить себѣ путь сообщенія въ Самурзакань, но, главное, не допустить непріятеля овладѣть селеніемъ Ольгинскимъ, гдѣ былъ весь провіантъ и боевые припасы, такъ какъ тогда стоявшему подъ Сухумомъ незначительному отряду генерала Кравченко, части котораго

охраняли всѣ вышеупомянутые пункты, пришлось-бы, продержавшись подъ Сухумомъ нѣсколько дней, — остаться безъ продовольствія и путей отступленія, потерять съ разу весь край и погубить все христіанское населеніе, и потому отрядъ немедленно двинулся на Ольгинское. Укрѣпившись въ Ольгинскомъ, отрядъ занялъ всѣ нужные пункты и началъ наступательныя дѣйствія на непріятеля, узнавая черезъ лазутчиковъ о его скопищахъ и разбивая ихъ, причемъ непріятель, благодаря превосходнымъ качествамъ нашихъ войскъ, при ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, несъ постоянно,—особенно въ дѣлахъ при селеніяхъ: Оранды и Александровскомъ,—весьма значительный уронъ.

Но когда были получены достовѣрныя свѣденія объ отправленіи въ Сухумъ изъ Константинополя еще 10 тыс. регулярныхъ войскъ съ 5-ю баттареями, то въ виду бездорожья и соединенной съ нимъ невозможности быстраго подкрѣпленія отряда изъ Кутайской губерніи, ему посланъ былъ приказъ отступить немедленно въ Самурзакань. Отступленіе это необходимо было произвести съ величайшею скоростью, такъ какъ отрядъ имѣлъ при себѣ госпиталь и семьи поселенцевъ до 1,200 человѣкъ мирныхъ гражданъ, которымъ, какъ сказано, предстояла неминуемая гибель; нужно было отступить раньше, чѣмъ могъ высадиться въ Сухумѣ новый турецкій дессантъ и стать на путь отступленія. Поэтому нельзя было воспользоваться сравнительно удобной, но болѣе открытой дорогой на Ноа, и отряду пришлось совершить неимовѣрно трудный путь черезъ Багадскій мостъ.

Нельзя не отдать полной справедливости и предусмотрительности начальства, отдавшаго приказъ объ отступленіи изъ Цебельды, и не посредственнымъ исполнителямъ, столь быстро и энергически выполнявшимъ это приказаніе, такъ какъ насколько могло сдѣлаться затруднительнымъ положеніе сухумскаго отдѣла, это видно уже изъ того, что вскорѣ по выходѣ его изъ Цебельды возстаніе охватило и ту часть страны, которая отдѣляетъ Цебельду отъ Самурзакани, и даже вдвое сильнѣйшей, соединенный кутайско-сухумскій отрядъ ген. Алхазова, несмотря на два успѣшныя дѣла съ непріятелемъ, на р. Кодарѣ и при Илори, все-таки нашли болѣе разсчетливымъ отступить временно на югъ.

Какъ-бы то ни было, но моментъ, когда непріятель, въ союзѣ съ измѣной населенія и недоступностью страны могъ, при извѣстномъ сгруппированіи силъ, дѣйствительно уничтожить нашу горсть войскъ, прошелъ, и мы вышли совершенно благополучно изъ этой западни.

Конечно, трудно было предсказать, сдѣлается-ли Абхазія, въ свою очередь, западней для непріятеля, такъ какъ послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи флотъ, а потому всегда располагалъ возможностью очистить страну; но что касалось до серьезности, которую онъ хотѣлъ придать своимъ дѣйствіямъ въ этой странѣ, то для этого пока невстрѣчалось никакихъ данныхъ, такъ какъ на сѣверъ отъ него находился пустынный Черноморскій округъ, въ которомъ нѣтъ не только дружественнаго ему населенія, но даже продовольствія для

его дессантовъ, съ юга ему угрожалъ сильный отрядъ генерала Алхазова, а на востокѣ его отдѣляли отъ Кубанской области горы, перебравшись черезъ которыя, онъ удалился-бы отъ моря и подвергнулся опасности быть совершенно уничтоженнымъ, такъ какъ появленіе его тамъ уже не могло быть непредвидѣннымъ.

Такимъ образомъ, повидимому, непріятелю приходилось удовольствоваться лишь временнымъ обладаніемъ оставленной нами ничтожной части береговой полосы, удерживая которую, ему необходимо было имѣть возлѣ нея постоянно и безъ всякой особенной для себя пользы, какъ вредный намъ на Черномъ морѣ турецкій флотъ; и самая уступка этого ничтожнаго пункта, который иначе потребовалъ бы съ нашей стороны несоразмѣрнаго съ его значеніемъ количества силъ и жертвъ, особенно, когда она совершается современно и занимаетъ у непріятеля извѣстныя силы, которыми онъ могъ бы съ несравненно большимъ успѣхомъ воспользоваться на другомъ пунктѣ, такая уступка, по справедливости, не можетъ равняться неуспѣху.

Такова возможно полная оцѣнка факта, оставленія нами Абхазіи и дѣйствій сухумскаго отряда генерала Кравченко.

Къ числу этому относились дѣйствія наши въ Азіятской Турціи, гдѣ колонны нашихъ войскъ, постепенно сближаясь, входили между собою въ непосредственную связь и вводили русское управленіе въ занятыхъ ими округахъ.

Александропольскій корпусъ, занимая центральную позицію у Занма, высылалъ сильные кавалерійскіе отряды по обѣ стороны Карса для рекогносцировокъ, а

также съ цѣлью затруднить сообщеніе крѣпости съ Эрзерумомъ и для введенія русскаго управленія въ окрестныхъ округахъ. Такъ, 24-го апрѣля, летучіе отряды, направленные съ двухъ сторонъ,—отъ Кульпъ, графа Граббе и отъ Визинкева, генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, всего, въ составѣ трехъ конныхъ полковъ, заняли городъ Кагызманъ, находящійся въ 55 верстахъ къ югу отъ Карса и ввели тамъ русское управленіе. Два дня спустя, другой поискъ былъ произведенъ къ сѣверо-западу отъ Карса отрядомъ генерала Шереметьева, состоявшимъ изъ одного драгунскаго полка и трехъ сотенъ казаковъ. Этотъ небольшой кавалерійскій отрядъ, при обратномъ слѣдованіи, имѣлъ горячее дѣло съ непріятелемъ, высланнымъ изъ Карса, на перерѣзъ нашей кавалеріи, колону изъ всѣхъ трехъ родовъ оружій (четыре баталіона, баттарея и нѣкоторое число конницы). Въ этомъ дѣлѣ, употребленіе кавалеріею, пѣшаго строя и скорострѣльныхъ ружей, которыми вооружены драгуны и казаки, принесло большую пользу: часть кавалеріи спѣшилась и огнемъ своимъ удержала непріятеля до тѣхъ поръ, пока отрядъ прошелъ мимо занятой турками позиціи.

Съ этимъ Александропольскимъ корпусомъ, успѣлъ войти въ сообщеніе Ахалцыхскій отрядъ, который подошелъ къ Ардагану (откуда идетъ прямая дорога на Ольти и Эрзерумъ) и произвелъ осмотръ мѣстности.

Рекогносцировка, бомбардированіе и штурмъ Ардагана.

Извѣстно, что Ардаганъ имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе, придаваемое ему его положеніе на

пересѣченіи дороги изъ Батума въ Карсъ съ тою, которая ведетъ отъ Ахалцыха къ Ольтѣ. Въ виду этого значенія турки постарались укрѣпить этотъ пунктъ на столько, что сверхъ прежней ардаганской цитадели, сдавшейся въ минувшую войну безъ боя, ими возведено въ окрестностяхъ Ардагана множество укрѣпленій и передовыхъ фортовъ.

Ахалцыхскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Девеля, уже стоялъ подъ Ардаганомъ; но чтобы усилить этотъ отрядъ и нанести Ардагану рѣшительный ударъ, изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса отдѣленъ былъ отрядъ, который подъ личнымъ начальствомъ командующаго корпусомъ генерала Лорисъ-Меликова, выступилъ 28-го апрѣля изъ Зайскаго лагеря и направился чересъ Джелаусъ и Омеръ-Ага къ Ардагану. 1-го мая этотъ отрядъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, и командующій корпусомъ тотчасъ же отправился на рекогносцировку, разрѣшивъ лицамъ, составлявшимъ его штабъ и слѣдовавшимъ за нимъ сопутствовать ему, если они того пожелаютъ.

Около 11-ти часовъ утра командующій корпусомъ выѣхалъ изъ лагеря у сел. Гельгали, сопровождаемый своимъ штабомъ, сотнею терскихъ казаковъ и незначительнымъ числомъ мѣстныхъ милиціонеровъ. Корреспондентъ этого описанія высказывалъ, что они подымались все въ гору, наводя почти ежеминутно бинокли на укрѣпленія Геляверды, грозно смотрѣвшія на нихъ съ высоты. Они должны были взобраться на высоты, лежащія почти въ одномъ уровнѣ съ этими передовыми укрѣпленіями, и съ гребня этихъ высотъ осмотрѣть расположеніе всѣхъ вообще ардаганскихъ укрѣпленій.

Городъ Ардаганъ лежитъ въ цвѣтущей долинѣ рѣки Куры, у того мѣста, гдѣ долина эта примыкаетъ къ тѣсному ущелью рѣки Куры, спертому съ обѣихъ сторонъ довольно значительными горами, подступающими къ самой рѣкѣ. Городъ расположенъ амфитеатромъ на лѣвомъ берегу Куры, фронтомъ къ долинѣ. Цитадель примыкаетъ къ нему съ восточной стороны. Съ пункта наблюденій могли видѣть лишь незначительную часть города и цитадели. Остальныя части закрыты были высотами, усѣянными укрѣпленіями. Видна была часть этихъ укрѣпленій и вся ардаганская равнина.

У Ардагана р. Кура, вступая въ свою тѣснину, образуетъ поворотъ почти прямымъ угломъ. Со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ западной; тутъ толпятся бугры и высоты, господствующіе надъ городомъ и ущельемъ Куры. На большой части этихъ бугровъ и высотъ турками возведены форты, и въ эти форты нагромождено множество орудій всякаго калибра. Еще прошлою зимою, по словамъ жителей, сюда привезено изъ Карса 12 круповскихъ большаго колибра („запряженныхъ 70-ю паръ быковъ и буйволовъ“, какъ увѣряли мѣстные жители).

Важнѣйшимъ укрѣпленіемъ несомнѣнно слѣдуетъ считать фортъ Рамазанъ, построенный на горѣ Магласе, къ сѣверу отъ Ардагана, и господствующій не только надъ городомъ, но и надъ большею частію, если не всѣми, ардаганскими укрѣпленіями. Со стороны Ардагана онъ неприступенъ, такъ какъ гора Магласе, возвышается надъ равниной почти отвѣсною скалою. Единственный доступъ къ Рамазану — со стороны горы Гюргуна, еще и

теперь покрытой снѣгомъ, прегражденъ тѣмъ; что фронтъ укрѣпленій обращенъ именно въ эту сторону, а не къ городу или ущелью. Очевидно, турки, боясь занятія русскими горы Магласе, построили фортъ Рамазанъ съ единственною цѣлью воспротивиться такой попыткѣ.

У подножья г. Магласе, какъ разъ на Ахалцыхской дорогѣ, возведено укрѣпленіе Кара-ташь чухуръ, въ 700 саженяхъ отъ Ардаганской цитадели. Гораздо ближе къ ней возведены, на лѣвомъ берегу Куры, на возвышенности, господствующей надъ Ардаганомъ, два укрѣпленія Кая-Баши №№ 1 и 2, первое въ 150 саженяхъ отъ цитадели, а второе—въ 200 саж. На правомъ берегу Куры построены укрѣпленія Ахали-Табіэ, Казъ-Тапаси и Сингеръ, всѣ трое на значительной высотѣ. Всѣ эти форты и укрѣпленія оберегаютъ Ардаганъ съ сѣвера, востока и юга. Независимо отъ нихъ, въ долинѣ р. Куры, на низменности, стоятъ укрѣпленія Дюзъ, Мехрабъ и Кудіанъ-Чипръ, господствующія надъ дорогами въ Ольту и Батумъ. На правомъ же берегу Куры, съ восточной стороны Ардагана возвышаются форты Чума-Кеннъ и Гюля-Верди. Послѣдній господствуетъ надъ всѣми безъ исключенія ущеліями, ведущими къ Ардагану съ восточной, южной, и даже отчасти съ сѣверной стороны, и построенъ на громадной высотѣ, видной за 15-ть верстъ въ окрестностяхъ.

Ближайшее изъ укрѣпленій праваго берега отстоитъ отъ ардаганской цитадели на 500 саженей. Отдаленнѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее – Гюля-Верди— на 4 версты.

Въ такомъ положеніи Ардаганъ представлялся силь-

нѣйшимъ образомъ укрѣпленной позиціею. Его цитадель окружена со всѣхъ сторонъ отдаленными передовыми укрѣпленіями, большею частью возведенными на значительномъ возвышеніи.

Наши войска подступили къ Ардагану около 20-го апрѣля, съ сѣверо-восточной стороны. Ахалцыхскій отрядъ генерала Девеля расположенъ былъ лагеремъ въ Чегестанѣ и Ольгенѣ. Подошедшая же 1-го мая часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса расположилась лагеремъ съ юго-восточной стороны, сперва подъ Бурдосаномъ, а затѣмъ близь Алагеза, чѣмъ она отрѣзала Ардаганъ отъ Карса.

1-го мая, какъ только отрядъ дѣйствующаго корпуса прибылъ къ Бурдосану, командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, предпринялъ рекогносцировку ардаганскихъ укрѣпленій, какъ сказано около 11 часовъ утра кромѣ упомянутой милиціи и казаковъ терскихъ съ нимъ вмѣстѣ ѣхали: начальникъ его штаба С. М. Духовскій, начальникъ пѣхоты дѣйствующаго корпуса генералъ Гейманъ, корпусный хирургъ Я. П. Малининъ, полковникъ П. Ф. Семеновъ и большая часть лицъ составлявшихъ корпусный штабъ. Генералъ Гейманъ, то отставалъ отъ колонны, чтобы осмотрѣть иные пункты, то присоединялся къ ней. Его всюду сопровождалъ начальникъ кавалерійской дивизіи отряда генералъ Шереметьевъ. Всѣ взбирались на возвышенность, стоящую какъ разъ противъ Гюля-Верди, почти на одномъ съ нимъ уровнѣ, въ $2^1/_4$ версты отъ этого укрѣпленія. Чтобы судить о высотѣ этихъ пунктовъ, удостовѣряетъ то, что снѣгъ еще уцѣлѣлъ частями на нихъ, и стѣны укрѣ-

пленій, какъ и гребень той высоты, на которую взбирались, оттѣнялся значительными залежами уцѣлѣвшаго снѣга. Гора же Гюргуна, господствующая надъ Рамазанскимъ фортомъ, какъ и весь хребетъ, къ которому она примыкаетъ, также покрыта была толстымъ слоемъ снѣга.

На полупути заяцъ перебѣжалъ дорогу шедшей колоннѣ, передъ самою головою ея. У многихъ пресутствовавшихъ по тѣлу забѣгали мурашки, но никто не сказалъ ни слова. Мертвое молчаніе, когда многимъ, очевидно, хотѣлось вспомнить русское народное повѣрье, лучше всего свидѣтельствовало, что никто не въ духѣ былъ острить или смѣятся.

Когда взобрались на гребень, передъ всѣми открылась чудная картина; большая часть ардаганской равнины лежала точно на ладони. Кура вилась по ней свѣтлою змѣйкою, оттѣняя своими блестящими каскадами ея изумрудную зелень, рѣзко бросающуюся въ глаза, благодаря блѣдно коричневому цвѣту всѣхъ сосѣднихъ возвышенностей и всего пройденнаго пути. Деревни и мѣстечки толпились по берегамъ рѣки, испещренной въ добавокъ множествомъ мельницъ и отдѣльныхъ строеній. Во всѣ стороны вились грунтовыя дороги, обнаруживавшія богатѣйшій черноземъ всей долины. Эта свѣтлая зелень, эта—хрустальная змѣйка рѣки и черныя ленточки дорогъ увѣнчены были по обѣимъ сторонамъ снѣгомъ, лежавшимъ на темнозеленыхъ высотахъ хребтовъ, окаймляющихъ эту чудную долину. Для вящаго эффекта, на право возвышалась гора Магласе, вся темно-коричневаго цвѣта, съ укрѣпленіями, такого же

колорита. Все это, освѣщенное яркими лучами солнца, переносило мысль и воображеніе въ область чистыхъ поэтическихъ наслажденій, весьма отдаленныхъ отъ цѣли поѣздки.

Прямо, противъ рекогносировавшихъ возвышалась высота Гюля-Верди, усѣянная крѣпостными стѣнами, орудіями и массою любопытныхъ турокъ, высыпавшихъ на валъ поглядѣть на отрядъ и прозрѣть помышленія рекогнасцировавшихъ. Впереди главнаго возвышенія выставлялось другое, нѣсколько менѣе значительное, на которомъ красовалась оттоманская военная публика и видны были какія-то земляныя работы, по безъ пушекъ, рвовъ и каменныхъ стѣнъ. Еще дальше къ сѣверу, на отлогости третьей возвышенности, бѣлѣлись палатки, межъ которыми сновали турецкіе солдаты. Все это было близко, точно рукою подать и въ бинокль видны были почти всѣ движенія „осаждаемыхъ“.

Въ добрый часъ, всѣ смотрѣли спокойно любуясь необычайной прелестью вида и удивляясь апатическому положенію турецкихъ силъ, — поминутно у всѣхъ срывалось съ языка: отчего нестрѣляютъ въ отрядъ? что это значитъ?

Въ то время, когда главнѣйшія лица штаба подошли къ гребню горы и принялись внимательно разсматривать турецкія укрѣпленія, свитѣ командующаго корпусомъ и его конвою дано было приказаніе держаться поодаль, подъ прикрытіемъ гребня горы. Кромѣ того лицамъ допущеннымъ къ гребню, сказано было держаться не кучками, и въ разбросъ. Поэтому каждый держался въ одиночку, кромѣ не большой группы, окружавшей командующаго корпусомъ по обязанности службы.

Наконецъ, все было осмотрѣно и отрядъ тронулся въ обратный путь по гребню и частію подъ его прикрытіемъ. Съ противоположной стороны гребня ѣхалъ къ отряду мѣрными шагами генералъ Гейманъ, сопутствуемый генераломъ Шереметьевымъ и пятью казаками. Фигуры этихъ всадниковъ ярко очерчивались всѣмъ корпусомъ, надъ гребнемъ горы, высокія, стройныя и мужественныя. Онѣ какъ будто вызывали крупповскія орудія форта на выстрѣлъ.

По приближенію къ отряду Геймана, вдругъ послышался глухой гулъ, какого-то взрыва. Прошло нѣсколько секундъ и раздался шипящій свистъ, точно самъ звукъ шелъ поспирали. Описывающій это корреспондентъ, поднялъ голову, чтобы разглядѣть гранату, но, конечно, ничего не увидѣлъ въ воздухѣ. За то въ пятнадцати или много въ двадцати шагахъ отъ Геймана, почти у хвоста лошади послѣдняго казака его свиты, послышался другой взрывъ и вдругъ изъ земли поднялся громадный букетъ осколковъ гранаты, кусковъ земли и спугнутыхъ птичекъ. Желтоватый дымъ служилъ фономъ этого букета.

Ни для кого изъ присутствующихъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что за первымъ выстрѣломъ послѣдуютъ и другіе. Не менѣе ясно было, что турецкіе артиллеристы великолѣпные стрѣлки: попасть такъ мѣтко въ линію, почти въ ту самую точку, на которой въ моментъ выстрѣла находилась группа Геймана, и попасть на разстояніи 1,100 саженей,—что ни говорите, а это не мало. Всѣ понимали, что второй выстрѣлъ, или слѣдующій за нимъ, направлены

будутъ въ командующаго корпусомъ, и были увѣрены, что второй выстрѣлъ перелетитъ, черезъ его голову, чтобы задѣть его многочисленный конвой, скрывавшейся за гребнемъ. Но прошло съ добрыхъ полчаса, а выстрѣла не раздавалось. Генералъ Лорисъ-Меликовъ совѣщался на гребнѣ, противъ форта, съ Гейманомъ, Духовскимъ и генераломъ Девелемъ; только что прибывшимъ послѣ выстрѣла, изъ ахалцыхскаго отряда. Всѣ они поминутно смотрѣли на укрѣпленія въ бинокль, разворачивали и разсматривали карты и планы фортовъ, провѣряя ихъ съ дѣйствительностью, и показывая другъ другу руками на тотъ или другой выгодный пунктъ нападенія. Если бы турки были слѣпы, и тогда бъ они должны были понять, что предъ ними не простые туристы или офицеры, а наивысшіе начальники осаждавшихъ войскъ. Но группа командующаго корпусомъ нетрогалась. Она высокомѣрно выставляла себя мишенью турецкихъ орудій. Всѣ сознавали, что вотъ вся эта группа будетъ превращена въ порошокъ. Такъ прошло слишкомъ полчаса. Наконецъ, увидѣли струю дыма на стѣнѣ форта. Черезъ нѣсколько секундъ раздался снова гулъ, повидимому, сильнѣе перваго. Снова пронесся свистъ, долгій, пранзительный, рѣзкій, и снова послышался взрывъ гранаты, далеко позади всѣхъ, по направленію къ конвою. Мурашки забѣгали по кожѣ отъ одной мысли, что человѣкъ двадцать уже погибло отъ этого мѣткаго выстрѣла. Любопытство тянуло каждаго къ мѣсту взрыва гранаты, но отвращеніе къ виду крови и ожиданіе новыхъ выстрѣловъ, направленныхъ къ гребню, удержало каждаго на прежнемъ мѣстѣ,

близь этого гребня. И дѣйствительно, не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ самою группою командующаго корпусомъ съ грохотомъ разорвалась также граната, осыпавшая, какъ показалось, своими осколками весь главный штабъ. Но сдѣлавъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ по направленію къ группѣ видно было, что всѣ цѣлы и невредимы. Скоро потомъ всѣ спустились къ тому мѣсту, гдѣ разорвало вторую гранату. Она разорвалась въ дребезги передъ сотнею Моздокскаго Гребенскаго полка. Осколокъ ея задѣлъ шею одной изъ лошадей, среди строя, и, пролетѣвъ ей черезъ шейные позвонки, мигомъ уложилъ ее на мѣстѣ. Всѣ же прочія остались цѣлы.

Спустившись по горѣ, отправились въ обратный путь, также тихо, шагомъ, останавливаясь, какъ пришли.

Рекогносцировка, чуть было не превратилась въ трагедію, но кончилось девертисментомъ во вкусѣ стародавнихъ драмъ. Отрядъ приходилъ понюхать пороху и ушелъ обратно. Казалось-бы тутъ и дѣлу конецъ. Такъ нѣтъ-же! На возвратномъ пути, и на томъ же мѣстѣ, гдѣ заяцъ перебѣжалъ дорогу, — снова выскочилъ заяцъ, быть можетъ, тотъ-же самый. Онъ полетѣлъ стремглавъ впередъ, закинувъ длинныя свои уши на спину и высоко задравъ свое бѣлое подобіе хвоста. За нимъ помчалась собака полковника князя Эристова, пріѣхавшаго съ генераломъ Девелемъ. Поднялись веселые крики „ату его, ату его“ и бѣдный заяцъ скоро палъ жертвою похода на Ардаганъ Его принесли съ тріумфомъ къ хозяину собаки и запрятали въ сумку сопровождавшаго его казака. На этотъ

разъ появленіе зайца вызвало со всѣмъ не то чувство, какъ въ первый разъ, и суевѣры могли удостовѣриться воочію, что народныя повѣрья сплошь и рядомъ оказываются вздорными.

Въ самомъ дѣлѣ, быть предъ носомъ непріятеля, стоящаго въ фронтахъ за дальнострѣльными орудіями, получить по четкому адресу три гранаты, разлетѣвшіяся въ клочки среди того количества народу и ограничиться потерею одной лишь лошади, —да! можетъ ли быть, что-нибудь счастливѣе этого?

Наши войска, подошли къ Ардагану съ двухъ сторонъ. Ахалцыхскій отрядъ подошелъ съ сѣверо-востока, а часть главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса—съ юго-востока.

1-го мая генералъ Лорисъ-Меликовъ произвелъ описанную выше рекогносцировку укрѣпленій. 2 и 3-го мая употреблены были на подготовленіе аттаки и на подвозъ артиллеріи, въ особенности осадной, привезенной чрезъ Ахалкалаки и Ольченъ. Ночью съ 3-го на 4-е мая установлены были инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ наши баттареи на высотахъ обстрѣливаемыхъ непріятелемъ, т. е. доступныхъ огню его фортовъ. Какъ провозъ осадной артиллеріи изъ лагеря Ахалцыхскаго отряда въ нашъ лагерь у Алагеза, такъ и установленіе баттареи, могли встрѣтить сильнѣйшее сопротивленіе со стороны турокъ. Но и то, и другое было сдѣлано ночью, съ замѣчательною ловкостью и осторожностью съ нашей стороны, при непонятномъ невниманіи непріятеля. Турки, вообще говоря, пропускали мимо своихъ фортовъ наши отдѣльныя колонны,

не тревожили ихъ своими выстрѣлами, не смотря на то, что онѣ проходили на разстояніи ближе пушечнаго выстрѣла. Все время до открытія бомбардированія турки стрѣляли вяло и скупо, быть можетъ съ цѣлью, приберечь снаряды про критическія минуты. Слѣдуетъ ли приписать этому разсчету то обстоятельство, что турецкіе форты не воспрепятствовали сооруженію нашихъ баттарей, или дѣло объясняется просто тѣмъ, что турки въ темнотѣ не замѣтили нашихъ работъ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что наши войска безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля успѣли установить всѣ свои баттареи. Только разъ, когда батальонъ Эриванскаго полка, подкрѣпленный за тѣмъ батальономъ Тифлисскаго, занялъ высоты подъ селеніемъ „Гурджи-бекъ“, въ него пущено было изъ Геляверды до 24-хъ или 30-ти гранатъ, непричинившихъ особеннаго вреда войскамъ. Эти высоты господствуютъ надъ городомъ и надъ правобережными передовыми его укрѣпленіями, хотя и обстрѣливаются съ Геляверды и съ Казъ-Тапасъ Тутъ установлена была одна изъ нашихъ баттарей, изъ трехъ девятифунтовыхъ орудій и двухъ мортиръ. Къ сожалѣнію мортиры не могли быть подвезены на высоту въ желаемое время. Разсвѣтъ засталъ ихъ на ея склонѣ.

Другая баттарея, еще важнѣе этой, какъ по своему составу, такъ и по значенію, возведена была на возвышенности, надъ дер. Бурдосанъ, противъ Гиляверды, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда командующій корпусомъ производилъ рекогносцировку 1-го мая, и куда долетали непріятельскія гранаты, направленныя въ него. Эта баттарея должна была громить Геляверды и сосѣднія

съ ними укрѣпленія, лежащія значительно выше ея самой. За тѣмъ съ южной стороны отъ села Саписхеви почти до Гурджибека заложены были на склонѣ Алагеза 4 баттареи на различныхъ мѣстахъ и высотахъ частію полевыя, частью же осадныя. Эти послѣднія баттареи должны были бомбардировать городъ и ближайшіе форты праваго берега – Казъ-Тапаси, Слигеръ, Дюзъ и Ахалн-Табіэ.

Всѣ наши баттареи, какъ сказано, возведены были на высотахъ, доступныхъ артиллерійскому огню —непріятельскихъ фортовъ, что несомнѣнно говоритъ въ пользу строителей ардаганскихъ укрѣпленій, съумѣвшихъ затруднить аттаку этой важной позиціи.

4-го мая, рано утромъ, большая часть баттарей готовы были открыть огонь. Но для того чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ баттарей еще не вполнѣ установленныхъ, —генералу Девелю, начальнику Ахалцыхскаго отряда, поручено было открыть съ сѣвера перестрѣлку. Съ этою цѣлью генералъ Девель придвинулъ къ укрѣпленіямъ свои войска и открылъ канонаду Кубанскою конною баттареею. Ему отвѣтили изъ Геливерды непрерывнымъ рядомъ залповъ, и съ этой сѣверной стороны артиллерійская перестрѣлка тянулась довольно долго, безъ особенныхъ, впрочемъ, результатовъ.

Около 7-ми часовъ утра командующій корпусомъ объѣхалъ Алагезскія баттареи, измѣнилъ отчасти ихъ расположеніе, выдвинувъ нѣкоторыя изъ нихъ на нѣсколько сотъ саженъ впередъ. Ровно въ 8 часовъ была пущена сигнальная ракета и всѣ наши баттареи, полукругомъ опоясывавшія съ юго-востока Ардаганъ и всѣ

его укрѣпленія, одновременно открыли огонь. Пальба производилась на каждой баттареи по очереди, съ промежуткомъ около двухъ минутъ между выстрѣлами. Особенно громки были выстрѣлы нашихъ новыхъ двухъпудовыхъ мортиръ, бьющихъ въ цѣль почти на 6 верстъ. Въ отвѣтъ на первые же наши выстрѣлы загудѣли форты: Слигеръ, Казъ-Тапаси и Геляверды, и даже самъ Рамазанъ пустилъ въ пространство нѣсколько гранатъ, очевидно для очищенія совѣсти, такъ какъ его выстрѣламъ недоступны были наши баттареи, да и всѣ вообще городскія укрѣпленія. Первые выстрѣлы непріятеля ложились въ цѣлой верстѣ отъ нашихъ баттарей, тогда какъ наши орудія свободно забрасывали гранатами рвы и стѣны ардаганскихъ укрѣпленій. Но съ теченіемъ времени гранаты все болѣе и болѣе начали приближаться, канонада съ обѣихъ сторонъ велась усердно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большимъ оживленіемъ.

Часовъ въ 11-ть командующій корпусомъ, сопутствуемый его штабомъ, двинулся къ главной баттареи, возведенной на возвышенности надъ Бордосаномъ. Тутъ гранаты летали, какъ градъ, падая межъ орудіями и зарядными ящиками. Здѣсь штабъ остался за пригоркомъ вплоть до самаго начала штурма.

Нужно отдать справедливость турецкой артиллеріи,— она стрѣляла мѣтко. Въ теченіе двухъ часовъ, съ 11-го до 1-го, какъ высказываетъ корреспондентъ, что при его глазахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разорвалась не одна дюжина гранатъ. Другія перелетали тутъ же неподалеку, разлетаясь въ дребезги. А между тѣмъ ни одна изъ лопнувшихъ гранатъ не убила и не ранила

никого рѣшительно, ни людей, ни лошадей. Одна изъ гранатъ упала буквально въ 4—5 шагахъ отъ казака, стоявшаго съ лошадью. Онъ пригнулся, граната разлетѣлась съ грохотомъ и казакъ сейчасъ же всталъ, живъ и невредимъ. Этой странности повѣрить нельзя, еслибы кто-нибудь разсказывалъ, замѣчаетъ корреспондентъ, но онъ самъ видѣлъ собственными глазами, — подобную счастливую случайность.

Между тѣмъ со стороны Ахалцыхскаго отряда поведена была аттака противъ передовыхъ эполементовъ, защищавшихъ лагерь, расположенный къ сѣверу-востоку отъ Геляверды, на одномъ изъ отроговъ той группы возвышенностей, къ которой принадлежитъ самъ Геляверды. Солдатики шли на штурмъ со стройностью изумительною въ людяхъ, въ первый разъ видящихъ огонь. Молодые мало чѣмъ отличались отъ старыхъ ветерановъ: одинъ изъ совершенно молодыхъ солдатъ Елисаветпольскаго полка, почти еще ребенокъ, выскочилъ передъ рядами, увидя направленныя къ нимъ ружья турецкихъ солдатъ и закричалъ: „за мной ребята! я этому турку въ ротъ пулю всажу“, и всадилъ! увлекши за собою всю свою роту.

По окончаніи штурма, этого солдатика командиръ его полка, кн. Амираджиби, привелъ къ командующему корпусомъ. Генералъ Лорисъ-Меликовъ обнялъ солдата передъ цѣлымъ полкомъ, три раза поцѣловалъ его и навѣсилъ ему на грудь, отъ имени Великаго Князя,—знакъ отличія военнаго ордена, солдатскій Георгіевскій крестъ. Корреспондентъ внимательно разсматривалъ, и очень долго, фигуры солдатъ 2-го баталіона Эриванскаго полка князя Путятина, въ то

время, когда они собирались перейдти чрезъ гребень горы и начать штурмъ. Всѣ физіономіи были оживленныя, довольныя, глаза сіяли, и въ рядахъ слышались слова „наконецъ-то доберемся до нихъ“. Старикъ знаменщикъ этого баталіона 73 хъ-лѣтняго возраста, Василій Колесовъ, который еще въ прошломъ году ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію, и, вернувшись вновь записался на службу. Онъ шелъ съ 1-мъ баталіономъ, но дряхлыя кости отказывались служить, и онъ отсталъ отъ своей части. Тогда онъ упросилъ Христомъ-Богомъ командира 2-го баталіона взять его на штурмъ И онъ шелъ впередъ, какъ могъ, еле-еле передвигая ноги, поддерживаемый кучею солдатъ, восторженно смотрѣвшихъ на него.

Докторъ Я. И. Малининъ разсказывалъ корреспонденту, что больные отказывались сказаться больными, чтобы только не прозѣвать штурма. Къ нему на перевязочный пунктъ привезли раненаго, которому еще за четыре дня слѣдовало записаться въ госпиталь. Докторъ спросилъ его, отчего же ты до сихъ поръ не пришелъ въ госпиталь? „Да ваше в—діе, я этого дня давно ждалъ“. О подобныхъ фактахъ разсказывали очень многіе очевидцы, но всѣхъ случаевъ, такого молодечества перомъ не описать. Интересно также поведеніе раненыхъ: почти не слихать, не смотря на тяжелыя раны.—Раненъ?—„Раненъ!“ Куда?—„Въ ногу или въ руку“, и покуриваетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Одному солдату осколокъ гранаты оторвалъ нѣсколько реберъ, обнаживъ съ лѣвой стороны грудную полость. Его перевязываютъ, въ это время онъ говоритъ доктору. „Нѣтъ, ты лучше того лѣчи, кто легче

раненъ,—а мнѣ видно умирать надо Безъ костей, безъ мяса, безъ груди, какъ тутъ жить!“ И ни вздоха, ни слова болѣе. Такое равнодушіе къ жизни, такое хладно кровіе передъ смертью трудно представить себѣ. Не даромъ сказано про этихъ солдатъ:

„Безъ наслажденья онъ живетъ,
И безъ сожалѣнья умираетъ!“

Понятно, что съ такими солдатами чудеса можно дѣлать!

Пока елисаветпольцы, предводимые своимъ храбрымъ командиромъ кн. Амираджиби, брали штурмомъ одну укрѣпленную позицію за другою,—съ южной стороны наши баттареи „жарили“ фортъ Геляверды, осыпая его мѣтчайшими выстрѣлами. Наконецъ около 1-го часу пополудни къ командующему корпусомъ прискакалъ ординарецъ генерала Девеля, съ извѣстіемъ, что слѣдуетъ подкрѣпить его колонны аттакою, а штурмъ съ южной стороны. Наши колонны давно ждали этого момента. Генералъ Гейманъ сѣлъ на коня, и повелъ эриванцевъ и бакинцевъ на штурмъ Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятельскихъ баттарей 2¼ версты, между тѣмъ вмѣсто гранатъ отъ баттарей во всякую минуту могли шарахнуть въ войска картечью. Войска бодро шагали, разсыпавшись въ розницу и только одна группа шла сомкнутымъ строемъ, вызывая выстрѣлы, своею численностью и значкомъ, гордо развѣвавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Геляверды, впрочемъ, продолжало стрѣлять въ нашу баттарею, но когда штурмующія дошли до основанія высоты, выстрѣлы прекратились. Наши баттареи

тоже замолчали, чтобы не попасть въ своихъ. Сердце у всѣхъ билось какъ въ лихорадкѣ, и казалось, что выстрѣлы турокъ пріостановлены только для того, чтобы перемѣнить гранатные снаряды на картечные. Но оказалось, что въ этихъ предположеніяхъ ошиблись. Въ это время, какъ узнали въ послѣдствіи, елисаветпольцы подходили штурмомъ къ форту, и, конечно, осажденнымъ было уже не до нашей баттареи.

Елисаветпольцы уже вломились въ укрѣпленіе, когда эриванцы и бакинцы подошли къ нему съ юга. Непріятель же бѣжалъ, какъ только наши солдаты подошли ко рвамъ, не успѣвъ взять съ собою ни орудій, ни снарядовъ, ни даже заклепать пушки. Остались до послѣдней крайности и бились до смерти одни лишь артиллеристы, это лучшее оружіе турецкаго войска. Они усѣяли своими трупами рвы, крѣпости и платформы своихъ баттарей.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Лорисъ-Меликовъ двинулся съ своимъ штабомъ въ укрѣпленіе. Войска встрѣтили его восторженно, оглася воздухъ несмолкаемыми криками „ура“ и бросая вверхъ шапками. Командующій корпусомъ поблагодарилъ ихъ за службу, сказалъ, что они „первые обрадовали Царя и матушку Россію“, что вызвало трудно вообразимый энтузіазмъ. На глазахъ многихъ,—какъ солдатъ, такъ и повыше,—замѣтны были навертывавшіяся слезы. Но отъ великаго до смѣшнаго—одинъ лишь шагъ: въ строю Елисаветпольскаго полка стоялъ плѣнный турецкій низамъ, который въ тактъ съ нашими солдатами кричалъ „ура“, блѣдный какъ полотно, и тоже въ тактъ

съ ними подбрасывалъ свою красную феску! Фортъ Рамазанъ, безмолвно взиравшій издалека на это торжество, долженъ былъ покраснѣть за измѣну турецкаго военнопленнаго. Но онъ впрочемъ, и безъ того достаточно красенъ!

Корреспондентъ замѣчаетъ, что онъ, объѣзжая укрѣпленія Геляверды, невольно былъ пораженъ мѣткостью и силою нашихъ выстрѣловъ. Почти всѣ снаряды попали въ баттареи или передъ ихъ прикрытія. Вся крѣпость изрыта и изрѣшетчата была гранатами. Земляной блиндажъ казематовъ на половину свалился. Трупы валялись искалѣченные, обезображенные, обезглавленные, посинѣлые. У входа въ казематъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, сложивъ на груди руки и свѣсивъ голову, закрытую башлыкомъ, — раненный турецкій солдатъ, весь истекавшій кровью; другіе раненые лежали или валялись тамъ и сямъ. Солдаты наши съ любопытствомъ осматривали военно-плѣнныхъ....

По лицамъ убитыхъ или плѣнныхъ и бѣглыхъ было видно, что турецкія войска, въ Азіатской Турціи, терпѣли всевозможныя лишенія и страданія: они блѣдны, тощи, со впалыми до ужаса глазами, съ апатическимъ выраженіемъ лица, оборваны, общипаны, босы и наги.

Вскорѣ по взятіи Геляверды, командующій корпусомъ вернулся въ лагерь. Когда проѣзжали въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Слингера, у подошвы горы А. А., надъ нашими головами съ необычайнымъ свистомъ пролетѣли одна послѣ другой три гранаты, визгъ которыхъ заставилъ плясать нашихъ лошадей. Гранаты зарылись въ землю далеко выше насъ.

Паденіе Ардагана.

Взятіемъ Геляверднискихъ укрѣпленій, — которыя, какъ оказывается, турки величали именемъ укрѣпленій Эмиръ-Оглу,—была выполнена лишь часть задачи, но до главной цѣли было еще далеко. На 5-е мая предполагалось лишь продолжать бомбардированіе остальныхъ укрѣпленій. Что же касается до употребленія открытой силы, т. е. штурма, опредѣленіе его момента зависѣло отъ результатовъ бомбардированія. Утромъ 5-го мая наши баттареи установлены были на взятой Геляверди, значительно ниже турецкихъ укрѣпленій, занятыхъ наканунѣ, по скату горы къ Ардагану. Здѣсь поставлены были двѣ баттареи, каждая изъ восьми, девяти-фунтовыхъ орудій. Эти баттареи составляли правое крыло аттакующихъ. Въ центрѣ, на высотѣ горы, окрещенномъ именемъ „пунктъ А. А.“, осталась баттарея, дѣйствовавшая тутъ на канунѣ и составленная изъ четырехъ осадныхъ девяти-фунтовыхъ орудій. Часть этихъ орудій, наканунѣ направленная противъ Геляверди, повернута была въ сторону города. На лѣвомъ флангѣ, по скатамъ горы Алагезъ, расположены были четыре баттареи, изъ которыхъ одна вооружена была тремя шести-дюймовыми мортирами, другая—двумя такими же мортирами, а двѣ остальныя — девяти-фунтовыми полевыми орудіями, по восьми въ каждой. Баттареи алагезскаго склона были спущены и установлены гораздо ниже тѣхъ высотъ, гдѣ они стояли наканунѣ и несравненно ближе къ городскимъ укрѣпленіямъ. Такимъ образомъ всѣ названныя выше наши баттареи

обхватывали полукругомъ оставшіяся укрѣпленія Ардагана.

Позади этихъ баттарей, довольно далеко отъ расположенія ихъ зарядныхъ ящиковъ, стояла въ безопасномъ мѣстѣ пѣхота, скрытая отъ непріятеля неровностями пригорокъ.

Цѣлое утро прошло въ выжиданіи отвѣта ардаганскихъ жителей, на сдѣланное имъ предложеніе—сдаться безъ дальнѣйшаго боя. Но турецкія власти предложили такія условія сдачи, что принять ихъ было невозможно: онѣ требовали, чтобы войскамъ дано было право выступить изъ укрѣпленій, вывезти оружіе, запасы, орудія, имущество и т. п., и удалиться безъ всякихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Вслѣдствіе этого, въ 3 часа пополудни началась канонада города и его правобережевыхъ укрѣпленій. Наша артиллерія мѣткостію своей стрѣльбы въ этотъ день превзошла всѣ ожиданія. Снаряды ея сыпались градомъ въ ограду укрѣпленій и разрывались съ ужасающимъ громомъ среди артиллерійской прислуги непріятеля. Внутреннее пространство этихъ укрѣпленій буквально изборожденно и взрыто нашими снарядами и масса грудою валявшихся тутъ труповъ непріятеля свидѣтельствовала объ убійственности снарядовъ. Съ своей стороны, турки отвѣчали изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій, за исключеніемъ Рамазана, хранившаго упорное молчаніе и тѣмъ сильно интриговавшаго всѣхъ участниковъ аттаки. Укрѣпленія Кая-Баши, Слигеръ-Дюзъ, Ахали-Табіе и Мехрабъ безъустанно забрасывали гранатами наши баттареи, но вреда отъ ихъ выстрѣловъ причинялось очень мало, потому что большая

часть снарядовъ не долетала до баттарей и ложилась у валовъ прикрывавшихъ наши орудія. Но съ продолженіемъ бомбардировки, непріятельскіе форты все болѣе и болѣе ослабляли огонь своихъ орудій, и это ослабленіе сочтено было наилучшимъ доказательствомъ дѣйствительности нашего артиллерійскаго огня. Почва штурма показалась достаточно подготовленною, и не смотря на то, что было уже довольно поздно, и что до сумерекъ оставалось всего лишь два часа; — въ 6 часовъ вечера командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ далъ сигналъ къ штурму.

Ахалцихскій отрядъ, отличившійся наканунѣ при взятіи штурмомъ Гелявердскихъ укрѣпленій, не принималъ ни малѣйшаго участія въ штурмѣ 5 мая. Онъ расположенъ былъ къ сѣверу отъ Геляверды, — на обоихъ берегахъ нижняго теченія Куры. Правый флангъ аттакующихъ составлала колонна генерала Геймана, изъ двухъ батальоновъ 1-го и 4-го Эриванскаго полка и 4-й роты перваго сапернаго батальона. Въ резервѣ эта колонна имѣла батальонъ 2-й того же Эриванскаго полка. Во главѣ колонны, какъ и наканунѣ, ѣхалъ генералъ Геймань; съ инженеръ-полковникомъ Бульмерингомъ, пошедшимъ на штурмъ, не смотря на то, что онъ былъ не только главнымъ, но и единственнымъ инженеромъ отряда. За ними слѣдовалъ кучкою штабъ генерала Геймана, съ его синимъ значкомъ. Пѣхота этой колоны, шедшая стрѣлковыми цѣпями, слѣдовала сначала по балкѣ, идущей отъ Гелявердскихъ высотъ по направленію къ укрѣпленію Слигеръ, составляющему, благодаря новѣйшимъ работамъ, одно

укрѣпленіе съ прежнимъ отдѣльнымъ люнетомъ Казъ-Тапаси. По другой балкѣ и тѣмъ же высотамъ, и потому же направленію, и также разсыпнымъ строемъ, подвигались два батальона Бакинскаго полка. Стоявшія на тѣхъ же высотахъ двѣ баттареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады въ началѣ штурма, участили свои выстрѣлы въ укрѣпленіе Слигеръ; но вскорѣ послѣ начала аттаки онѣ снялись и пошли впередъ на помощь штурмующихъ.

Въ центрѣ, по балкамъ Алагезскаго ската, выдвинулись два батальона Тифлискаго полка, направившіеся къ укрѣпленіямъ Дюзъ и Ахали-Табіэ. Эти батальоны тоже двигались разсыпнымъ строемъ, перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому и представляя видъ нѣсколькихъ стрѣлкокыхъ цѣпей.

На лѣвомъ флангѣ между деревнями Сазора и Санисъ-хеви, выступилъ 4-й батальонъ Тифлисскаго же полка, имѣвшій цѣлью предмостное укрѣпленіе Мехрабъ, послѣднее изъ правобережныхъ укрѣпленій Ардагана. Въ подспорье этому батальону двигалась кавалерія, изъ дивизіона Тверскаго драгунскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ конной Кубанской артиллеріи, стоявшей на высотахъ противъ деревни Чунчури и подвигавшейся по Ольтинской дорогѣ.

Съ начала штурма непріятель напрегъ всѣ свои усилія: онъ принялся стрѣлять изъ орудій картечью, и открылъ ружейный огонь гораздо раньше подступленія нашихъ силъ на ружейный выстрѣлъ. О степени смущенія непріятеля можно было судить по безпорядочности его огня: цѣлые залпы картечи перелетали черезъ

головы пѣхоты, вредя лишь немногимъ стрѣлкамъ, десятки тысячъ ружейныхъ патроновъ растрѣлены были даромъ безъ малѣйшаго ущерба для нашихъ солдатъ. Удивительнѣе всего то, что наши молодые солдаты, могшіе растеряться въ эти горячія минуты, сохранили полное спокойствіе духа; они шли медленно, не открывая огня, покрайней мѣрѣ, въ теченіи цѣлаго получаса, несмотря на сильный и непрерывный огонь непріятеля, направленный въ нихъ. Но когда они дошли до близости ружейнаго выстрѣла, они принялись стрѣлять методично, пригибая колѣно и мѣтя внимательно въ цѣль. Это замѣчательное и, неожиданное хладнокровіе нашихъ солдатъ, принесло громадную пользу штурму. Наши патроны не пропадали даромъ, пѣхота не горячилась и твердо выполнила возложенную на нее задачу; непріятель же, страдавшій отъ мѣткаго огня нашихъ стрѣлковъ и видя упорный натискъ людей, которыхъ какъ будто даже и смерть не беретъ, все болѣе и болѣе терялъ голову. Онъ угощалъ выстрѣлами, не заботясь объ ихъ мѣткости, такъ что въ иные моменты валы укрѣпленій освѣщались непрерывнымъ и сплошнымъ пламенемъ и застилались цѣликомъ густымъ облакомъ пороховаго дыма. Если бы турки въ эти моменты стрѣляли спокойно и въ прицѣлъ, нѣтъ сомнѣнія, что наши стрѣлки пострадали бы жестоко, и Богъ знаетъ, каковы бы были результаты аттаки. Но турки съ горяча палили, точно грохотомъ ружейныхъ выстрѣловъ, они хотѣли не ослабить аттакующихъ, а разсѣять свой же собственный страхъ. Какъ бы то ни было, ихъ пальба не дала серьезныхъ результатовъ. Брустверы ихъ

укрѣпленій освѣщались сплошнымъ пламенемъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ; полагали, что цѣпь нашей пѣхоты легла костьми отъ такого количества снарядовъ,—но глядь, стрѣлки перебѣгаютъ, пригибаясь осторожно, пользуясь мертвымъ пространствомъ и неровностями пути. Отъ залповъ, долженствовавшихъ уложить сотни двѣ солдатъ, погибали или падали по три, по четыри или по пяти человѣкъ.

Такимъ образомъ медленно и одновременно подвигались всѣ эти колонны, все болѣе и болѣе окружая своею цѣпью правобережныя укрѣпленія Ардагана. И чѣмъ ближе приближались онѣ къ непріятелю, тѣмъ сильнѣе становился ихъ огонь. По мѣрѣ приближенія ко рвамъ, колонны становились гуще и цѣпь превращалась въ кучки. Видя такое неопредѣленное наступленіе нашихъ войскъ, видя, что они скоро ударятъ въ штыки, непріятельская пѣхота побросала оружіе и амуницію, и стремглавъ пустилась въ бѣгство на лѣвый берегъ Куры, наводя ужасъ и панику на городскихъ жителей и на гарнизоны бережныхъ укрѣпленій. Турецкіе артиллеристы остались немного дольше; но часть ихъ была заколота, а остальная бѣжала, не успѣвъ даже заклепать множество превосходныхъ и драгоцѣнныхъ орудій, которыми вооружены были въ избыткѣ всѣ ардаганскія укрѣпленія.

Такимъ образомъ правобережныя укрѣпленія были заняты аттакующими. Предстояло переправиться на лѣвый берегъ, штурмовать лѣвобережныя укрѣпленія, и въ особенности два главныя: Кая-Баши и Рамазанъ.

Городъ Ардаганъ дѣлится Курою на двѣ не ровныя

части. На правомъ берегу стоитъ нѣсколько домовъ зажиточныхъ жителей, жилище паши, инженерная канцелярія, госпиталь, казармы, пороховой погребъ и не много убогихъ хатъ и землянокъ; остальная часть города, съ цитаделью, караванъ-сараемъ, торговыми рядами и со множествомъ частныхъ и казенныхъ зданій помѣщается на лѣвомъ берегу. Два моста соединяютъ обѣ эти части, одинъ близъ укрѣпленія Михрабъ, а другой между Силигеромъ и Кая-Баши. Первый мостъ устроенъ безъ всякихъ сводовъ, изъ круглыхъ брусьевъ, продолженныхъ по каменнымъ быкамъ. Второй же мостъ предназначенъ лишь для пѣшихъ и устланъ въ родѣ подмостокъ, поставленныхъ на козлы лубочной работы. Замѣчательное дѣло, что ни одно изъ орудій, ни одного изъ множества ардаганскихъ укрѣпленій не обстрѣливало ни одинъ изъ этихъ мостовъ! Но когда наши войска приблизились къ городу, Кая-Баши выслалъ свой гарнизонъ впередъ къ крутому спуску Куры, какъ разъ подъ вторымъ мостомъ, и этотъ гарнизонъ оттуда открылъ по нашей колоннѣ, подходившей къ мосту, сильный штуцерный огонь, причинившій не мало вреда. Но дальнѣйшее наступленіе колонны эриванцевъ навело панику и на этотъ гарнизонъ. Какъ только эриванцы перешли мостъ и начали подыматься въ гору, гарнизонъ Кая-баши бѣжалъ, предоставивъ артиллерійскую прислугу ея горькой судьбѣ.

Между тѣмъ гарнизонъ правобережныхъ укрѣпленій успѣлъ отчасти взобраться на первый обширный мостъ, чтобы по немъ бѣжать въ городъ и за городъ. Подлетѣвшая къ тому времени казачья конная артиллерія пус-

тила въ толпу, спасавшихся бѣгствомъ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, и масса солдатъ полетѣла въ воду. Остальной части отступавшихъ отрѣзанъ былъ путь къ мосту тифлисцами, занявшими его. Цѣлые батальоны турокъ, побрасавъ оружіе, бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее вплавь. Наши солдаты и тутъ преслѣдовали ихъ, и вся эта масса турокъ потонула въ Курѣ. Часть же гарнизона, спасшаяся въ госпиталѣ и сосѣднихъ казармахъ и принявшаяся стрѣлять въ наши войска изъ оконъ, была перебита или переколота солдатами Тифлисскаго полка.

Тифлисцы перебрались на лѣвый берегъ позже кавалеріи, которая пущена была для преслѣдованія бѣжавшихъ. Вслѣдъ за нею переправилась пѣхота. Перестрѣлка, впрочемъ весьма не долгая, продолжалась на улицахъ города. Но вскорѣ все успокоилось: успѣхъ нашихъ уже не оспаривался, и турки бѣгствомъ своимъ предоставили побѣдителю право распоряжаться, какъ укрѣпленіями, такъ и орудіями, запасами, снарядами и т. п.

Бѣгство турокъ было неправильное отступленіе, не спасеніе оставшихся солдатъ, а безпорядочное, одиночное и паническое разрушеніе турецкихъ войскъ: оружіе все было побросано, люди спасались кому какъ пришлось и куда ни попало. Раненые скоро поумерали въ окрестныхъ селеніяхъ. Наша кавалерія преслѣдовала бѣглецовъ на протяженіи 18-ти верстъ. Темнота ночи, не дозволявшая разглядѣть непріятеля, заставила ее вернуться назадъ въ городъ съ военноплѣнными, схваченными дорогою.

Какъ уже сказано, что упорное молчаніе Рамазанскихъ укрѣпленій приводило въ недоумѣніе всѣхъ на-

шихъ. Поминутно ожидалось, что онъ вотъ-вотъ шарахнетъ гранатами по нашимъ войскамъ. И дѣйствительно, когда колонна эриванцевъ придвигалась къ Слигеру, изъ Рамазана выкатили одно орудіе, поставили его ниже укрѣпленій, на косогоръ, и пустили изъ него въ солдатъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ. Но этимъ и ограничилась вся роль этой неприступной твердыни: орудіе скоро перестало стрѣлять, такъ какъ солдаты наши, подошедшіе къ валамъ Слигера, скрыты были отъ дѣйствія рамазанскихъ орудій, и выкаченная пушка такъ и осталась на косогорѣ. Послѣ взятія лѣваго берега, на Рамазанъ отряжено было два батальона Эриванскаго полка, съ приказаніемъ взойти на гору, пользуясь темнотою ночи, и къ разсвѣту аттаковать гарнизонъ. Эриванцы, подошедшіе къ Рамазану, увидѣли, что фортъ оставленъ турками, бросившими въ немъ оружіе, запасы, снаряды, и даже не докушанный супъ, и немедленно же заняли его, разумѣется, безъ выстрѣла.

При занятіи Слигера случайно столконулись инженеры, строившіе турецкіе форты и руководившіе работами, направленными противъ нихъ. Въ Слигерѣ убитъ строитель фортовъ, въ тотъ самый моментъ, когда инженеръ-полковникъ Бульмерингъ подходилъ къ валамъ Слигера во главѣ штурмовавшихъ эриванцевъ.

Командующій корпусомъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, лично направлявшій аттаку, слѣдилъ за ея результатами со склона Алагеза, подвигаясь шагъ за шагомъ, со всѣмъ своимъ штабомъ вслѣдъ за движеніемъ штурмующихъ колоннъ. Онъ вступилъ въ городъ вслѣдъ за нашими войсками, и распорядился насчетъ призрѣнія ране-

ныхъ и приведенія въ извѣстность непріятельскихъ запасовъ и орудій. Когда наши проходили по улицамъ города, онѣ буквально завалены были трупами турокъ. Тутъ валялись не только тѣ, что убиты были при штурмѣ, но и убитые разрывами нашихъ снарядовъ, градомъ падавшихъ въ городѣ еще съ 4-го мая. Нашихъ же труповъ на улицахъ города видно было очень мало. Бѣжавшій непріятель, очевидно, уже пересталъ думать объ оборонѣ, съ тѣхъ поръ, какъ наши солдаты вступили на мостъ.

Въ сущности побѣда, по приведеніи въ извѣстность всего добытаго съ боя и по тщательномъ осмотрѣ укрѣпленій, оказывается въ высочайшей степени замѣчательною.

Наши войска взяли не фортъ какой-нибудь, не рядъ укрѣпленій, а первоклассную крѣпость, отлично выстроенную и вооруженную, съ громадными запасами, могшими продлить сопротивленіе гарнизона на цѣлые мѣсяцы. Гарнизонъ этой крѣпости былъ многочисленный, продовольствіе его было обезпечено, но чѣмъ же объяснить то, что не большая часть нашего войска смогла взять такую крѣпость съ такою быстротою, при сравнительно ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны?

На этотъ любопытный вопросъ корреспондентъ заявлялъ, что изъ направленія фасовъ почти всѣхъ ардаганскихъ укрѣпленій, въ особенности главнѣйшихъ, видно, что турки ожидали нападенія русскихъ лишь съ одной стороны,—со стороны Ахалцыха или Ахалкалака, съ сѣвера или съ сѣверо-востока. Главнѣйшія укрѣпленія направлены именно въ эту сторону. Сюда же глядѣли всѣ крупнѣйшія орудія, крѣпостныя

и береговыя. Повернуть ихъ не легко было въ 2 — 3 дня. И дѣйствительно, когда мы подходили къ Ардагану и даже послѣ рекогносцировки 1-го мая, общее мнѣніе спеціалистовъ заключалось въ томъ, что атаку Ардагана слѣдуетъ начать съ нападенія на Рамазанъ, съ высотъ, господствующихъ надъ нимъ, съ тѣхъ самыхъ высотъ, въ которыя направлены изумительно прочныя трехъ-ярусные верки этого форта. Но это мнѣніе не было принято, и ключемъ Ардагана выбранъ былъ, генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, фортъ Геляверди, а наступательною линіею — высоты, господствующія надъ Ардаганомъ съ юго-восточной стороны. Съ этой же стороны турки не предвидѣли нималѣйшей аттаки, это видно изъ слабости, конечно, сравнительной, фортовъ, направленныхъ противъ этихъ высотъ: Ахали-Табіэ, Дюзъ, Мехрабъ, были ничто иное, какъ люнеты довольно скромныхъ размѣровъ. Увидя, что наши войска подходятъ со стороны Карса, турки бросились укрѣплять и усиливать эти послѣднія укрѣпленія; въ два—три дня они вырыли рвы и насыпали валы для соединенія отдѣльныхъ южныхъ люнетовъ въ одно цѣлое и для придачи имъ новой силы, возвели новые люнеты и редуты, словомъ, дѣлали всѣвозможныя усилія для укрѣпленія ахилесовой пяты своей позиціи. Но все оказалось тщетнымъ. Съ этой именно стороны, съ которой турки, по ихъ же словамъ, никогда не ждали нападенія, наши войска быстрымъ и энергическимъ натискомъ, произведеннымъ съ полнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, заняли шагъ за шагомъ всѣ ардаганскія укрѣпленія; пресловутому Рамазану неудалось сдѣлать даже

десятка залповъ, хотя бы только для очищенія совѣсти. Какъ только наши войска вступили въ городъ, туда же проникли и карапанахи, недавніе подданные султана, слѣдовавшіе за нашими войсками съ просьбою зачислить ихъ въ нашу службу.

Подобно собакамъ, бросающимся терзать тѣло павшаго собрата, эти карапанахи, стоявшіе во время штурма на почтительной дистанціи, неустрашимо бросились на побѣжденныхъ, какъ только эти послѣдніе прекратили огонь. Никакая сила уже не въ состояніи была удержать ихъ хищническіе инстинкты. Они разбивали окна, выбивали двери, грабили, разрушали все, и, нагрузивъ своихъ лошадей точно стогъ сѣна, сами вели ихъ подъ уздечку въ лагерь.

Но солдаты наши цѣлыми батальонами стояли въ сторонѣ отъ грабившихъ, не принимая никакого участія въ этомъ безобразіи. Хотя въ военной практикѣ большинство полководцевъ допускали разграбленіе городовъ, взятыхъ штурмомъ, но Лорисъ-Меликовъ, узнавши о грабежахъ, распорядился прекратить ихъ. Сдѣлать это, однакожъ, было не легко для нашего слишкомъ немногочисленнаго штаба. Лишь на слѣдующій день сдѣлалось возможнымъ осилить нагайками хищническіе инстинкты карапанахъ, и даже вознаградить нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ возвращеніемъ того, что можно было розыскать и выдачею червонцевъ-полуимперіаловъ. Впрочемъ, это обстоятельство, вызвавшее во всемъ нашемъ штабѣ и во всѣхъ нашихъ офицерахъ справедливое и благородное негодованіе, послужило съ одной стороны и въ пользу: къ подготовленію серьезныхъ

мѣръ для предупрежденія подобныхъ безобразій въ будущемъ, когда войскамъ нашимъ приходилось брать штурмомъ прочіе укрѣпленные города Малой Азіи.

Ахалцыхскій отрядъ, окончивъ дѣло съ паденіемъ Ардагана, присоединился къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса. Для охраненія Ардаганской провинціи и обороны нашихъ границъ сформированъ ардаганскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Комарова. Гражданское управленіе уже организовано и наши войска направились далѣе къ главному своему объекту.

Кромѣ того объ Ардаганѣ слѣдуетъ сказать, что Ардаганъ или правильнѣе Артаанъ, одинъ изъ древнихъ городовъ страны. Полагаютъ, что упоминаемый Птоломеемъ Артанисса, есть названіе именно этого города. Въ дни армянскихъ Аршакидовъ, Ардаганъ входилъ въ составъ древне-армянской провинціи Гугаркъ. Съ паденіемъ Анійскаго царства Багратидовъ, этотъ городъ съ окрестностями отошелъ къ Грузіи и находился въ такъ-называемой Верхней Карталиніи. Въ XIII вѣкѣ городомъ владѣли особые эристави, называемые Артанскимъ и Колаасскимъ. Въ XVI столѣтіи онъ взятъ турками и съ того времени находится въ ихъ рукахъ. Въ этихъ мѣстностяхъ турки съ особою настойчивостью и насиліемъ превращали христіанское населеніе въ магометанство. До 1829 г. Ардаганъ входилъ въ составъ бывшаго Ахалцыхскаго пашалыка, за тѣмъ по настоящее время считался особымъ округомъ подъ управленіемъ особаго паши.

Городъ Ардаганъ расположенъ на высотѣ 5,400 футовъ у рѣки Куры, при впаденіи въ нее рѣчки Арда-

ганъ. Крѣпость его когда-то считалась неприступною. Извѣстно, что 22-го іюля 1828 года графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ былъ взятъ Карсъ, а 15-го августа русскія войска вступили въ Ахалцыхъ. Разбитые подъ этимъ городомъ турецкія войска бѣжали по направленію къ Ардагану. Между тѣмъ на выручку турокъ спѣшилъ съ значительными силами Мушскій паша. Узнавъ объ этомъ генералъ Берхманъ отрядилъ изъ Карса небольшой отрядъ подъ командою полковника князя Бековича-Черкасскаго, который и встрѣтилъ пашу 17-го августа недалеко отъ Ардагана, въ тѣснинахъ и, сразившись освободилъ мирныхъ жителей—христіанъ болѣе чѣмъ изъ 20 деревень, которыхъ турки гнали въ Эрзерумъ. Паша отступилъ въ Ардаганъ, но, не смѣя здѣсь остановиться, бросилъ городъ и двинулся къ Эрзеруму. Между тѣмъ 20-го августа направились къ Ардагану изъ Ахалцыха отрядъ генерала Муравьева, и изъ Карса, 21-го августа—отрядъ генерала Берхмана. Муравьевъ однако встрѣтилъ затрудненія при переходѣ хребта Улгарь, такъ что въ четверо сутокъ отрядъ его едва прошелъ 70 верстъ.

22-го августа 1828 года отрядъ генерала Берхмана былъ у Ардагана; при появленіи русскихъ, жители города встрѣтили ихъ за нѣсколько верстъ и поднесли ключъ крѣпости. 31 орудіе и значительные артиллерійскіе запасы были трофеями русскаго войска. Въ день сдачи города отрядъ Муравьева находился въ 25 верстахъ. Наконецъ 18-го сентября вступилъ въ городъ и главнокомандующій графъ Паскевичъ.

Однако главный отрядъ не долго здѣсь оставался,

такъ какъ въ войскахъ показалась чума. Въ 1829 году Ардаганъ возвращенъ Турціи.

Въ 1853 году, съ открытіемъ компаніи, турки сосредоточили въ Ардаганѣ большія силы и отсюда ворвались и подошли къ Ахалцыху. Однако, когда 24-го мая 1855 года войска наши выступили противъ главныхъ силъ Анатолійской арміи, то турки отступили изъ Ардагана и 31-го мая отрядъ генерала Ковалевскаго безъ боя взялъ Ардаганскую крѣпость и разрушилъ ея стѣны. Въ іюлѣ 1856 года наши войска вновь оставили турецкую территорію.

Въ послѣдніе годы на Ардаганъ обращено турками особое вниманіе. Англійскіе инженеры воздвигли вокругъ и въ окрестностяхъ города сильныя укрѣпленія. Одинъ изъ такихъ слѣдуетъ считать воздвигнутое уселенія Геляверды, находящагося примѣрно въ пяти верстахъ отъ города, къ сѣверо-востоку, у рѣчки, впадающей въ Куру у крѣпостцы Уръ.

Ардаганъ имѣетъ до 200 домовъ жителей, большую частью армянъ и принявшихъ мусульманство грузинъ. Дома построены на скатѣ горы, на вершинѣ которой красуется крѣпость. Есть нѣсколько христіанскихъ древностей въ городѣ, въ томъ числѣ древній храмъ съ куполомъ.

Ардаганскій округъ имѣетъ свыше 120 селеній, съ смѣшаннымъ съ христіанскимъ и турецкимъ населеніемъ. Въ окрестностяхъ города богатыя дубовыя рощи, въ послѣдніе годы безпощадно истреблявшіяся.

Отъ этихъ блестящихъ началъ дѣйствія русскаго оружія у друзей порты начали проявлятся лихорадоч-

ные параксизмы, что видно изъ резолюціи Гладстона продолжавшей служить предметомъ преній въ англійскомъ парламентѣ. Телеграфъ передавалъ сущность двухъ рѣчей произнесенныхъ въ засѣданіи палаты общинъ 28-го апрѣля. Одна изъ нихъ должна была привести въ ужасъ англійскихъ туркофиловъ. Ораторъ доказывалъ, что англійское правительство поступило бы благоразумнѣе, если-бы оно, вмѣсто того чтобы поддерживать Турцію,—содѣствовало ея распаденію. „Если-бы Англія предложила Германіи говорилъ онъ, совмѣстное соглашеніе съ Россіей по Восточному вопросу, то война была-бы предотвращена". Онъ основывалъ эту увѣренность на томъ соображеніи, что мѣстную автономію въ Герцеговинѣ и въ Босніи было-бы не труднѣе ввести, чѣмъ нѣкогда въ Румыніи и Греціи. О Болгаріи ораторъ почему-то не упомянулъ; быть можетъ, онъ относитъ свои соображенія къ тому моменту, когда все дѣло ограничивалось еще герцеговинскимъ возстаніемъ и дипломатическими переговорами, къ которымъ оно послужило поводомъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что возможность устранить войну была—и не прибѣгая къ столь радикалъному средству, какъ разложеніе Турціи. На первыхъ порахъ достаточно было не многаго, чтобы избѣжать вооруженнаго столкновенія. Даже автономія для Босніи, Герцеговины, требовалась не Богъ знаетъ какая,—и вопросъ, вѣроятно, былъ-бы отсроченъ. Но почтенный ораторъ, требовавшій политическаго умерщвленія Турціи руками англичанъ, вѣроятно позабылъ, что помѣхою реформамъ, сначала въ Босніи и Герцеговинѣ, а за тѣмъ и

въ Болгаріи, служили великія трудности ихъ примиренія. При нѣкоторомъ искренномъ согласіи державъ, онѣ были-бы легко преодолѣны. Но къ сожалѣнію, этихъ реформъ столько же не захотѣла Турція, сколько не хотѣла ихъ прежде всего Англія. Какъ реактивъ противъ ошибокъ министерства, ораторъ рекомендовалъ своимъ соотечественникамъ союзъ съ Россіей. Но для этого необходимо, чтобы англійская политика взяла назадъ все то, что ею до того времени было сдѣлано въ восточномъ вопросѣ. Конечно, не кабинетъ лорда Биконфильда взялъ-бы на себя такую задачу самоотреченія. Да! и что могло побуждать его къ этому? Оппозиція очень прытка на словахъ; но и только, Это подтвердилось на той-же резолюціи Гладстона по поводу которой произнесена была запальчивая рѣчь г. Кортней? Самыя существенныя части этой резолюціи были взяты назадъ. А что они значили, въ сравненіи съ тѣмъ радикальнымъ средствомъ разрѣшенія вопроса, которое предлагалъ ораторъ, взывавшій къ разрушенію Турціи! Англійскіе либералы отказывались даже выразить порицаніе правительству султана за управленіе вообще и гнетъ надъ христіанами въ особенности. А г. Кортней совѣтывалъ союзъ съ Россіей! Вѣроятно, онъ одинъ въ этомъ союзѣ и останется.

Другой ораторъ, Форстеръ, порицалъ правительство за вышеписанный намъ отвѣтъ гр. Дэрби на депешу русскаго государственнаго канцлера. Онъ находилъ этотъ отвѣтъ опаснымъ по скрывающимся въ немъ тенденціямъ, а высказанное въ немъ осужденіе русскаго правительства за вооруженное вмѣшательство—недѣй-

ствительнымъ при отсутствіи общеевропейскаго согласія, взглядовъ на этотъ предметъ. Въ Петербургѣ на депешу гр. Дэрби взглянули болѣе снисходительно, въ ней не усмотрѣли ничего опаснаго, и гораздо болѣе нежели ей, повидимому, придавали значенія объявленному Англіи нейтралитету. Покрайней мѣрѣ причисляли его къ симптомамъ, разрѣшающимъ натянутость политическаго положенія, въ связи съ другими признаками, и между прочимъ съ внутреннимъ состояніемъ Турціи, для которой борьба оказалась затруднительною.

Чѣмъ меньше сопротивленія въ силахъ оказывали-бы турки, тѣмъ меньше понадобилось-бы жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Но нейтралитетъ Европы, локализующій войну, оставался въ своей силѣ, до тѣхъ поръ когда настанетъ время подводить результаты войны, которыми должны быть искуплены тягости, поднявшія Россіей, только въ предвидѣніи этихъ результатовъ, долженствовавшихъ уравновѣсить приносимыя для войны жертвы?

Впечатлѣніе произведенное въ Европѣ депешей гр. Дэрби въ отвѣтъ на ноту русскаго государственнаго канцлера отъ 7-го апрѣля, заключавшую въ себѣ сообщеніе объ объявленной Турціи войнѣ, было равносильно тому, какое нислучалось-бы отъ вѣсти о послѣдовавшемъ разрывѣ между Россіей и Англіей. Депешу иначе и не истолковывали, какъ въ смыслѣ предвѣстника этого разрыва, за которымъ должно было послѣдовать выступленіе Англіи въ качествѣ открытаго союзника Порты;—до такой степени тонъ и содержаніе депеши гр. Дэрби казались рѣзкими и даже вызывающими. Такъ оцѣнивали этотъ дипломатическій доку-

ментъ и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, одинаково находя его опаснымъ для локализаціи войны. Полагали, что с.-петербургскій кабинетъ потому уже не могъ отвѣчать на него, что единственнымъ отвѣтомъ могло бы служить объявленіе войны. Въ Парижѣ депеша гр. Дэрби произвела панику; биржа долгое время была въ сильной тревогѣ, для успокоенія которой нѣкоторыя газеты поспѣшили заявить, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, обращался, будто бы, въ Лондонъ съ чѣмъ-то въ родѣ протеста по поводу того мѣста англійской депеши, въ которомъ графъ Дэрби произносилъ приговоръ надъ Россіей, какъ будто по уполномочію Европы. Въ Вѣнѣ туркофильскія газеты рукоплескали и, принимая на себя роль органовъ австро-венгерской политики, поздравляли Англію съ имѣющимся у нея союзникомъ. Но нигдѣ, конечно, депеша графа Дэрби не произвела такого восторга, какъ въ Константинополѣ. Въ турецкой столицѣ въ честь англійскаго правительства устраивались небывалыя овація. Палата вотировала адресъ министерству лорда Биконсфильда; султанъ благодарилъ всѣхъ,—и англійское правительство во всемъ его составѣ, и автора депеши графа Дэрби, и новаго англійскаго посланника г. Лейярда, въ отдѣльности. Недоставало одного, чтобы была отправлена въ Лондонъ спеціальная депутація, на подобіе той, которая передъ этимъ ѣздила въ Пештъ. Еслибы непослѣдовало изъ Лондона предупрежденія,—можно быть увѣреннымъ, что энтузіазмъ дошелъ бы до этой степени и подобная мысль уже возникала-бы.

Депеша гр. Дэрби пришлась для турецкаго правительства, какъ нельзя болѣе кстати.

Но по всѣмъ приходившимъ изъ Константинополя извѣстіямъ, послѣ краткаго возбужденія, которымъ сопровождалось начало войны, тамъ настало совершенное уныніе, котораго не скрывали даже газеты, преданныя Турціи.

Чрезвычайныя мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство, въ родѣ поголовнаго привлеченія жителей къ исполненію работъ по сооруженію оборонительныхъ линій, что равнялось новому поголовному налогу, свидѣтельствовало о крайнемъ недостаткѣ средствъ, для пополненія котораго правительство намѣревалось, по нѣкоторымъ признакамъ, наложить руку на имущества, принадлежащія мечетямъ, съ каковою цѣлью, говорили, что султанъ принялъ титулъ „защитника вѣры“. Извѣстія съ театра войны не могли ободрительно дѣйствовать ни на министровъ, ни на народъ, если только послѣднему они сообщались.

На театрѣ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, какъ описано выше по взятіи Ардагана, паденіе Карса представлялось неизбѣжнымъ; усилія воспрепятствовать переходу русскихъ войскъ черезъ Дунай, на первыхъ же порахъ стоили туркамъ потери одного изъ своихъ наилучшихъ мониторовъ „Литфи“. При такихъ обстоятельствахъ отвѣтная на русскій циркуляръ депеша гр. Дерби подоспѣла, какъ нельзя болѣе во время, чтобы поднять общій упадокъ духа надеждой на вѣрную помощь отъ Англіи, которой помянутая депеша служила предвозвѣстникомъ.

Будущность должна показать насколько вѣрно впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ этимъ дипломати-

ческимъ документомъ и оправдаются ли надежды, возлагавшія на него въ Константинополѣ. Пока можно было замѣтить, что значеніе депеши гр. Дэрби, независѣло отъ ея содержанія и тона, а усиливалась обстоятельствами, предшествовавшими ея составленію. Говорили, что она явилась результатомъ продолжительной борьбы, которую долженъ былъ вынести глава министерства, лордъ Биконсфильдъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по управленію. Побѣда, имъ одержанная, тѣмъ болѣе знаменательна, что на министерскомъ совѣтѣ, на которомъ текстъ депеши вырабатывался, онъ заявилъ имъ, какъ увѣряли, что не остановится передъ могущими возникнуть послѣдствіями этого шага. Молчаніе с.-петербургскаго кабинета, на англійскую депешу, — отняло у этой послѣдней рискъ непосредственной опасности, которую она могла бы породить для мира западной Европы, будучи раздражительно принята русскимъ правительствомъ. Это молчаніе предоставляло сентъ-джемскому кабинету самому выбирать по его усмотрѣнію моментъ для болѣе осязательнаго выраженія своего „неодобренія“ образу дѣйствій Россіи.

Моментъ, который вывелъ бы Англію изъ ея нейтралитета, послужитъ, какъ неоднократно заявлялось англійскими министрами въ парламентѣ, — нарушеніе англійскихъ интересовъ. Но въ чемъ эти интересы заключаются — объ этомъ, какъ уже помянуто высказывалось англійское правительство; въ засѣданіи палаты общинъ, 25-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Кроссъ, формулировалъ ихъ въ трехъ пунктахъ: цѣлость и независимость Египта, сообода и

безопасность Суэзскаго канала и независимость Константинополя, или, какъ выражался министръ, неприкосновенность трактатовъ, обусловливающихъ проходъ чрезъ Дарданеллы. О неприкосновенности Турціи и о полнотѣ власти турецкаго султана, надъ его христіанскими подданными не было рѣчи. Это само по себѣ уже была важная уступка со стороны англійской политики, дававшая нѣкоторую надежду, что прочное улучшеніе участи христіанъ Балканскаго полуострова, составляющее ближайшую цѣль войны, не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны англичанъ. Но если такъ, то какой же смыслъ имѣла двуличная политика лорда Биконсфильда за время, предшествовавшее войнѣ, политика, въ которой константинопольское правительство почерпало твердость для своего упорства? Развѣ во все время переговоровъ заходила когда-нибудь рѣчь: о притязаніяхъ Россіи на Египетъ, Суэзскій каналъ или на исключительное обладаніе Дарданеллами?

Телеграфъ передавалъ содержаніе письма помѣщеннаго въ брюсельской газетѣ. Письмо это было писано изъ Петербурга и, надо думать, имѣло въ виду успокоеніе нѣкоторыхъ взволнованныхъ европейскихъ политиковъ на счетъ истинныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Россіей въ настоящей войнѣ. Подтвердивъ еще разъ, что единственной для нея цѣлью служило улучшеніе быта христіанскихъ подданныхъ турецкаго султана, авторъ письма замѣчалъ, что если Россія, по окончаніи борьбы, потребуетъ болѣе дѣйствительныхъ гарантій для этого улучшенія, т. е. какъ надо догадываться, болѣе дѣйствительныхъ, нежели тѣ, какія

предъявлялись, когда была надежда на дипломатическое разрѣшеніе вопроса, то Европа не должна ее заподозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ. Но неужели же можно было воевать за результаты константинопольской конференціи, или за лондонскій протоколъ? Кто же могъ усумниться, что войной пріобрѣтаются новыя права, о которыхъ могло и не заходить рѣчи въ то время, когда на сценѣ дѣйствовали миролюбивые способы, но которыя предъявляются, будучи добыты мечемъ! Слѣдующимъ, логическимъ, за войною моментомъ кажется должно бы служить не толкованіе, которое, можетъ быть, придано этимъ правамъ, а удержаніе этихъ правъ за собою, если разъ они добыты. Такъ, кажется, бывало во всѣхъ войнахъ, особенно въ позднѣйшихъ, которыя сохранились на памяти у современниковъ. Взявъ Севастополь, союзники не церемонились отнять у насъ Черное море, часть Бессарабіи, исключительный протекторъ надъ княжествами, надъ славянскими подданными Турціи, предоставивъ намъ разсуждать, какъ хотимъ, объ руководившихъ ими замыслахъ. Еще менѣе на этотъ счетъ церемонилась, сначала Пруссія, вытолкнувъ Австрію изъ состава германскаго союза, а затѣмъ Германія, разгромила французовъ. Зачѣмъ же мы должны изображать подобіе двуликаго Януса, и, обнажая мечь одной рукой, прижимать къ сердцу другую, въ знакъ нашей глубокой кротости и совершенной невинности въ какихъ-либо свойственныхъ людямъ побужденіяхъ.

Петербургскій корреспондентъ брюссельской газеты, кого-то ублажалъ увѣреніями, что „Россія послѣ войны

снова докажетъ свою умѣренность (?) тѣмъ, что пригласитъ державы къ совмѣстному обсужденію условій? долженствующихъ быть постановленными Турціи для предупрежденія новыхъ непстовствъ". Но эти условія— будущій результатъ войны; это тѣ самыя права, которыя имѣютъ быть добыты оружіемъ. Неужели пріобрѣтаемыя цѣною столькихъ жертвъ, они будутъ подлежать вопросу? По словамъ корреспондента выходило такъ. Принявъ его увѣренія за правду, можно опасаться новой конференціи, которая приметъ въ свои руки то, что добыто будетъ русской кровью и русскимъ достояніемъ, и распорядится этимъ по своему усмотрѣнію? Мысль высказанная авторомъ письма—не новая; она неоднократно встрѣчалась въ иностранной печати. Ничего нѣтъ мудренаго, что она имѣла своихъ друзей и въ Петербургѣ, принимавшихъ, надо полагать, свои иностранныя мечтанія за сложившіеся уже планы русской политики.

Война! укажетъ дипломатія! какъ нужно будетъ ей дѣйствовать, зачѣмъ и куда идти. Въ ожиданіи этихъ указаній не слѣдуетъ забывать урока, только что даннаго намъ. Уступчивость русской политики, простиравшаяся въ періодъ предшествовавшихъ войнъ нескончаемыхъ дипломатическихъ переговоровъ, принесла-ли что-либо въ награду за наше миролюбіе? Она лишь поощряла упорство всѣхъ, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, и въ концѣ концовъ привела къ войнѣ начавшейся въ Малой Азіи, на Черномъ морѣ и съ придѣловъ Румыніи на Балканскомъ полуостровѣ гдѣ, какъ сказано выше, что войска наши были уже на берегахъ Дуная и не

доѣзжая Текуча, вправо и влѣво отъ дороги, на обширной, слегка волнистой, равнинѣ расположились лагеремъ, на двѣ версты въ длину и версту въ глубину, лицомъ по направленію къ Дунаю, котораго впрочемъ изъ лагеря не было видно, такъ какъ онъ скрытъ отчасти городомъ Галацемъ и крутизною обрывистаго берега. Лагерь былъ распланированъ весьма правильно, довольно просторно, такъ что отыскать требуемую часть очень легко и удобно. У самой дороги, какъ разъ въ центрѣ лагеря, помѣщались лазаретные обозы, надъ ними развивался большой бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ; длинные ряды высокихъ лазаретныхъ фуръ перемежались рядами коновязей и палаточками санитаровъ.

Отсюда къ правому флангу тянулись полковыя колонны пѣхоты, расположенныя тремя линіями; солдаты укрывались отъ дождя и солнца подъ низенькими палатками, тентабри, французскаго образца; въ каждой такой палаткѣ помѣщалось по шести человѣкъ, они же и носятъ съ собою свою палатку, разобранную на шесть же частей; разборка и уборка такой палатки не занимала и десяти минутъ времени; стоять въ такой палаткѣ, конечно, невозможно и сидѣть-то въ ней нужно согнувшись, за то лежать удобно, а главное — тепло и дождемъ не мочитъ, — чего же еще лучше? Люди спали не на голой землѣ, а на соломѣ. Между линіями палатокъ стояли ряды ружейныхъ козелъ, вдоль передней линіи, на довольно значительномъ разстояніи отъ фронта лагеря разставлена была цѣпь часовыхъ. Далѣе на правомъ флангѣ позиціи, раскинулась бивуаками

кавалерія; здѣсь не всѣ полки имѣли палатки и, большинство помѣщалось въ оригинальныхъ импровизированныхъ шалашахъ, устроенныхъ изъ соломы на пикахъ. Лошади въ коновязяхъ, длинные ряды пикъ, воткнутыхъ вертикально тупымъ концомъ въ землю, придавали бивуакамъ въ высшей степени воинственный, оригинальный характеръ, словно все поле ощетинилось — выраженіе это сюда подходитъ, какъ нельзя болѣе. Самый правый флангъ занимали кубанцы и терцы; ихъ бивуаки только и напоминали иррегулярный характеръ своихъ обитателей. Рослыя фигуры нашихъ кавказцевъ, ихъ смуглыя, горбаносыя, бородатыя лица, косматыя бурки, высокія папахи съ краснымъ верхомъ обращали на себя общее вниманіе, давно уже не видавшихъ русскихъ, здѣшнихъ жителей, и около этого бивуака можно было всегда видѣть .толпу зѣвакъ, со страхомъ и любопытствомъ поглядовавшихъ на это лихое и грозное воинство. Влѣво отъ центра позиціи тянулись пѣхотные батальоны въ колоннахъ, а за ними артиллерія на походномъ положеніи, т. е. орудія не сняты съ передковъ и стояли на тѣсныхъ интервалахъ. Вдоль всей задней линіи лагеря расположены кухни и ротныя повозки, а сзади всего ямы для нечистотъ вырыты на разстояніи далеко изрядномъ, что можетъ быть не такъ удобно для солдатъ, да за то сохраняла чистоту и здоровость лагернаго воздуха.

Солдаты довольствовались одной горячей варкой въ день, но за то въ достаточномъ количествѣ—сухари превосходные, ржаные съ пріятною кислотою, общій видъ людей здоровый и веселый. Лошади, хотя и успѣли

подтянуться, но это не была бѣда, потому что подтянувшаяся лошадь выносливѣе и сильнѣе, что и доказывало наглядно этими небывалыми, чуть не стоверстными переходами нашей кавалеріи.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія помѣщались въ палаткахъ такого же образца, какъ и солдатскія—не много только выше, и покрайней мѣрѣ большинство имѣли желѣзныя складныя кровати; послѣ полуторонедѣльныхъ маршей и передвиженій, состояніе здоровья не ухудшалось.

Къ этому времени русскими войсками были заняты румынскія города: Барбошъ и Браиловъ, а другія направлялись черезъ Марасещи, Фокшаны и Рымникъ, въ Бузео и Плоешти, гдѣ назначена главная квартира Главнокомандующаго.

Каждый день на станціи желѣзной дороги въ Бухарестѣ, въ ожиданіи прибытія русскихъ войскъ, собиралась такая густая толпа народа, что сквозь нихъ невозможно протѣсниться. Жители оказывали самый радушный пріемъ русскимъ войскамъ, угощали ихъ водкой и всѣмъ, что только могли найти лучшаго, прося взамѣнъ всего этого только кусокъ чернаго хлѣба, который имъ очень нравился. Въ особенности хорошо встрѣчали русскихъ солдатъ румынское духовенство; оно оказывало имъ самый радушный пріемъ и напутствовало своимъ благословеніемъ и пожеланіями побѣдъ надъ врагами. Русскія войска были бодры и веселы—только и слышались ихъ шутки, громкій смѣхъ и пѣсни, чему не мало дивились румынскіе солдаты, не понимавшіе, какъ могутъ русскіе съ радостію идти на вѣрную смерть, ожидав-

шую многихъ изъ нихъ, по переходѣ черезъ Дунай; но гдѣ долженъ совершиться переходъ, въ то время никто не могъ опредѣлить. Судя по направленію, принимавшему сосредоточеніемъ русскихъ войскъ, можно было предполагать, что главная операція перехода произойдетъ у Зимницы.

Мимо Яссъ проходили отъ 8 до 10 военныхъ поѣздовъ, направлявшихся въ Плоешти, Питешти, Слатину и Корбу. Отъ Слатины войска направлялись пѣшкомъ къ Зимницу, гдѣ сосредоточили большія массы. По достовѣрнымъ извѣстіямъ туда двигалось 52,000 чел. пѣхоты, 7,400 чел. кавалеріи и 12 баттарей. На Браиловъ—Драганешты также направлялись безостановочно значительныя боевыя силы; до 6-го мая въ Зимницѣ назначено было сосредоточить до 90,000 чел. войска съ многочисленной артиллеріей.

Зимница расположена на лѣвомъ берегу Дуная на противъ турецкой крѣпости Систово; поэтому было основаніе заключить, что главный переходъ произойдетъ между этими мѣстечками. Вслѣдствіе чего на нѣкоторыхъ пунктахъ Дуная русскими были опущены тарпеды и съ той цѣлью, чтобы воспрепятствовать плаванію турецкихъ мониторовъ, которые уже нѣсколько дней дѣлали попытки бомбардировать румынскіе придунайскіе города.

О пріѣздѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго въ Бухарестъ.

1-го мая въ 12 часовъ дня, прибылъ въ Бухарестъ Августѣйшій Главнокомандующій. Такъ какъ о пріѣздѣ

его было еще наканунѣ объявлено во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, то съ ранняго утра громадная толпа народу сдѣлала почти не проходимымъ весь путь отъ дворца до вокзала; у этихъ же двухъ мѣстъ, а въ особенности у вокзала, собралось до 10,000 народу и болѣе 1,000 экипажей. На вокзалѣ начали еще около десяти часовъ утра собираться мѣстныя начальствующія лица и члены румынской палаты и сената, а около 11 часовъ прибылъ на вокзалъ и князь Карлъ съ супругой, въ сопровожденіи довольно многочисленной свиты. Ровно въ 12 часовъ прибылъ экстренный поѣздъ съ Главнокомандующимъ и его свитой. Князь Карлъ вышелъ на платформу и, привѣтствуя Главнокомандующаго, обнялся съ нимъ. Представивъ затѣмъ Его Императорскому Высочеству всю свою свиту, князь Карлъ вышелъ съ Великимъ Княземъ изъ вокзала, и картежъ двинулся слѣдующимъ порядкомъ: въ первой коляскѣ помѣстился Главнокомандующій съ румынской княгиней Елисаветой; во второмъ — князь Карлъ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ; въ третьемъ—начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адьютантъ Непокойчицкій съ румынскимъ министромъ Братіано, и, наконецъ, за ними болѣе 1,000 экипажей съ встрѣчавшей публикой.

Во дворцѣ встрѣтилъ Августѣйшаго гостя почетный караулъ съ знаменемъ и музыкой. Принявъ здѣсь завтракъ, во время котораго постоянно играли два хора музыки; Великій Князь опять въ сопровожденіи князя и княгини румынскихъ и нѣкоторыхъ высшихъ членовъ своего штаба, отправился въ 3 часа, осмотрѣть въ окрестности Бухареста расположенныя части только что

прибывшихъ въ этотъ день войскъ, и около 6 часовъ вечера изволилъ отправиться съ цѣлой свитой въ Плоешти,—мѣстопребыванія главной квартиры, куда прибылъ въ половинѣ девятаго утра, 2-го мая. Трудно въ Плоешти описать восторженную встрѣчу Главнокомандующаго: на станцію собрался весь городъ и восторженные клики привѣтствовали Его Высочество. Великій Князь со станціи поѣхалъ въ открытой коляскѣ, которую мѣстныя дамы буквально забросали цвѣтами. За Его Высочествомъ ѣхалъ конвой, и впереди его казакъ везъ собственное знамя Великаго Князя: бѣлое, съ крестомъ и съ подписью „съ нами Богъ“. Знамя это всюду возится за Главнокомандующимъ и указываетъ его мѣстопребываніе. Такія же знамена, но меньшихъ размѣровъ, присвоены и начальникамъ отдѣльныхъ частей: корпусные командиры имѣютъ красныя знамена, начальники дивизіи — синія, а бригадные камандиры — малиновыя.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Плоешти князь Карлъ, котораго Великій Князь, со свитой, встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги. Встрѣча была самая дружественная: Великій Князь обнялъ и поцѣловалъ своего высокаго гостя; затѣмъ онъ представилъ ему начальника штаба Непокойчицкаго, гг. Масальскаго Деппа и помощника начальника штаба *Левицкаго*. Почетный караулъ при князѣ Карлѣ былъ отъ дружины болгарскихъ волонтеровъ, расположенный около Плоешти. Князь пробылъ здѣсь два часа и затѣмъ возвратился въ Бухарестъ. На другой день, 3-го мая, Великій Князь отдалъ ему визитъ.

Плоешти—небольшой, очень красивый городокъ, на-

поминающій своей внѣшностью маленькіе итальянскіе города: дома каменные, улицы мощеныя, зелени очень много.

Войска проходили черезъ Плоешти каждый день, направляясь въ различныя мѣстности по Дунаю. Великій Князь лично встрѣчалъ части и пропускалъ ихъ мимо себя. Войска, какъ уже сказано, имѣли молодцеватый бодрый видъ, который порожалъ всѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что они прошли пѣшкомъ уже болѣе 400 верстъ, неся на себѣ небольшую ношу. Несмотря на бивачное расположеніе, больныхъ и отсталыхъ было очень мало.

Въ Плоешти пребываніе главной квартиры предполагалось до пріѣзда въ армію Государя, т. е. до 25 или 26-го мая. Затѣмъ она предназначалась въ Бухарестъ или еще ближе къ Дунаю. Сосредоченіе русскихъ войскъ на Дунаѣ производилось весьма поспѣшно, такъ что въ первыхъ числахъ іюня ожидали рѣшительныхъ дѣйствій. Движенію войскъ много препятствовали дожди, безпрерывно портившіе дороги.

Какъ уже сказано, что наши войска всюду принимались весьма радушно и надо отдать имъ полную справедливость, что армія вела себя безукоризненно въ предѣлахъ Румыніи, такъ что 28-го апрѣля князь Карлъ послалъ, черезъ графа Штакельберга, благодарность Русскому Императору за примѣрное поведеніе русскихъ войскъ въ Румыніи. Консулъ въ Яссахъ говорилъ, что къ нему не поступало рѣшительно ни одной жалобы, на какое-либо предосудительное дѣйствіе нижняго чина выражавшееся въ той или другой неблаговидной формѣ.

До прихода русскихъ войскъ въ предѣлы Румыніи, въ Бухарестѣ, въ княжескомъ дворцѣ, былъ созванъ большой совѣтъ, въ которомъ участвовали всѣ министры и знаменитѣйшіе политическіе дѣятели Румыніи, подъ предсѣдательствомъ князя Карла. Предметомъ преній былъ вопросъ о томъ: какое положеніе должна занять Румынія въ виду ожиданныхъ событій?

Главный вопросъ, предложенный на обсужденіе совѣта, заключался въ слѣдующемъ: „должна ли Румынія, въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, оказать сопротивленіе туркамъ въ занятіи ими нѣкоторыхъ пунктовъ румынской территоріи, и съ кѣмъ слѣдуетъ заключать ей союзъ: —съ русскими или съ турками?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ почти единодушный отвѣтъ членовъ совѣта, что азіятскимъ варварамъ, смотрящимъ на всѣхъ христіанъ, какъ на гяуровъ, вносящихъ съ собою смерть и раззореніе всюду, куда они проникаютъ, — Румынія не должна дозволить занять и пяди своей земли; что же касается Россіи, сдѣлавшей столь много для блага и свободы Румыніи, то съ нею необходимо заключить прочный и искренній союзъ, такъ какъ это предписывается собственными интересами Румыніи. Противъ этого рѣшенія подали голоса только два закоренѣлые туркофила: князь І. Гика и Димитрій Стурдза. Эти личности предложили союзъ съ Турціей противъ Россіи.

Послѣ продолжительныхъ преній вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу союза съ Россіей большинствомъ 16 голосовъ противъ двухъ. За тѣмъ, князь Карлъ, поблагодарилъ совѣтъ за такое счастливое рѣшеніе столь важнаго для страны вопроса, произнесъ: „*пока я живъ*,

ни одинъ турокъ не ступитъ на почву нашего княжества".

Вслѣдствіе этого министръ иностранныхъ дѣлъ, Когальничано, внесъ въ палату депутатовъ конвенцію заключенную 4 го апрѣля между Румыніей и Россіей. Въ силу этой конвенціи, румынскій князь гарантировалъ русскому войску свободный проходъ, а также ручался за такой образъ дѣйствій относительно него, какой подобаетъ оказывать вооруженнымъ силамъ дружественнаго народа; Россія же, согласно съ трактатами обязалась уважать права и цѣлость Румыніи.

Румынской палатой, 7-го мая, была единогласно провозглашена независимость Румыніи, по предложенію депутата г. Флеви. Не подавали голоса только два вышеписанные депутата и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Іонеску; румынскіе туркофилы даже удалились изъ собранія, въ эту торжественную минуту. Тѣмъ не менѣе торжество было полное, и великое дѣло провозглашенія независимости Румыніи, открывающее для нея новую эру существованія, сопровождалось восторженными кликами и выраженіями неописаннаго энтузіазма присутствовавшихъ. Къ довершенію этому румынская палата постановила—250,000 рублей, которые Румынія ежегодно платила въ видѣ дани Портѣ, прибавить къ военному бюджету. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено—установить знакъ отличія „румынская звѣзда". И всѣ молдованскія войска были сосредоточены за рѣчкой Ольтой, такъ какъ, они должны образовать правое крыло русской арміи.

Пока русское войско шло для освобожденія Болгаріи,

изъ подъ гнёта турецкаго, то изъ оной получались весьма прискорбныя извѣстія. Въ Бухарестъ прибыли нѣсколько бѣглецовъ изъ Тульчанскаго округа и вотъ что они разсказывали о новыхъ звѣрствахъ турокъ и черкесовъ.

Отъ города Бабадая вплоть до Тульчи не осталось ни одной деревни, которая ни была бы опустошена, разграблена и раззорена турками и черкесами. Болгарская деревня Башъ-Кюю возстала первая, и рѣшилась защищаться съ оружіемъ въ рукахъ противъ этихъ варваровъ. Къ ней присоединились и жители окрестныхъ деревень, сознававшіе, что имъ иначе не избѣжать участи деревень, уже разоренныхъ турками и черкесами. Они всѣ собрались въ Башъ-Кюю и укрѣпили ее довольно крѣпкими шанцами и другими сооруженіями. Несчастные болгары надѣялись, что, укрѣпившись такимъ образомъ, они будутъ въ состояніи отражать нападенія черкесовъ и башп-бузуковъ до перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай въ Добруджу; но они горько ошиблись въ своихъ надеждахъ. Нѣсколько дней спустя, на нихъ напала шайка изъ 300 человѣкъ черкесовъ. Произошло кровопролитное, ожесточенное побоище, въ которомъ черкесы потеряли 80 человѣкъ убитыми, болгары же — только двоихъ. Дикая орда черкесовъ обратилась въ бѣгство; но на другой день явилась вновь, и уже въ числѣ 800 человѣкъ. Они окружили со всѣхъ сторонъ Башъ-Кюю и, такъ какъ у болгаръ не было достаточнаго и надлежащаго оружія для обороны, успѣли проникнуть въ деревню. Всѣ находившіеся въ ней люди были избиты, а самая деревня сожжена; безчеловѣчные варвары не пощадили ни женщинъ, ни дѣтей, ни стар-

цевъ; словомъ въ Башъ-Кюю повторились всѣ ужасы, которымъ подвергался въ 1876 году Батакъ и къ которымъ способны только турки и черкесы.

Въ запустѣлой Добруджи рыскали на просторѣ одни только черкесы да баши-бузуки. Жившіе тамъ татары сами сожгли свои деревни и перебрались съ семействами въ Шумлу и Варну. Болгарское населеніе изъ деревень: Хамамдуши, Дольна-Чамурли, Горна-Чамурли, Потуръ, Кара-Пасунъ, Гаргалакъ, и проч. бѣжало на близь-лежащій островъ на Черномъ морѣ, не подалеку отъ того мѣста, гдѣ ожидали перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай. Этотъ островъ простирается отъ Махмудія почти до самой Кюстенджи. Тамъ бѣглецы были въ безопасности, такъ какъ турки и черкесы не могли на него переправиться за неимѣніемъ лодокъ, къ тому же онъ, когда дуютъ южные вѣтры, дѣлается, по случаю большаго разлива, положительно, неприступнымъ. Оставленныя ими деревни всѣ сожжены; словомъ Добруджа превращена въ пустыню.—

Бѣглецы съ того берега прибывали въ Галацъ ежедневно и по одиночкѣ, и болѣе значительными партіями. Большинство изъ нихъ, конечно, болгары изъ окрестныхъ деревень, разбросанныхъ по всей низменной полосѣ праваго берега. Турки стянули всѣ свои регулярныя войска къ крѣпостямъ и балканскимъ подножьямъ. Добруджа была почти очищена отъ регулярныхъ войскъ, тамъ ихъ оставалось не болѣе 6000 человѣкъ, страна предоставлялась въ полное распоряженіе голодающимъ шайкамъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Каждый день съ возвышенныхъ пунктовъ Галаца,

откуда весь противоположный берегъ видѣнъ верстъ на тридцать, какъ на ладони, можно было наблюдать за этимъ отчаяннымъ бѣгствомъ; прежде нѣсколько дней тому назадъ, видны были и преслѣдователи, не рисковавшіе впрочемъ близко подъѣзжать къ берегу и останавливавшіеся всегда за чертою втораго разлива рѣки, внѣ выстрѣла съ лѣваго румынскаго берега. Съ тѣхъ поръ же, какъ начали высылать съ нашей стороны маленькія казачьи команды для прикрытія бѣглецовъ, черкесовъ больше въ виду не показывалось. Ночью обыкновенно несчастные болгары оставляли свои жилища, захвативъ съ собою свои плачевные остатки добра и подъ прикрытіемъ темноты брели по болотамъ, вязли по колѣно въ грязи, а то и въ плавь переправлялись черезъ болѣе значительныя водныя затопи, выбирая дорогу по прямѣе и по ближе къ цѣли— къ разсвѣту они уже достигали берега Дуная.... Сердце болѣло и ноило, когда наблюдали за этими, медленно двигающимися человѣческими фигурами; въ сильный бинокль различали даже нѣкоторыя подробности, женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, ряса священника, и проч.

Въ Галацѣ, полиціи и береговымъ командамъ было вмѣнено въ обязанность имѣть всегда на готовѣ лодки для перевозки этихъ страдальцевъ. Завидѣвъ такую партію, лодка отчаливала и шла къ нимъ, забирала ихъ на свою палубу и черезъ полтара, много два часа бѣглецы уже внѣ всякой опасности,—но въ какомъ отчаянномъ положеніи! Это уже не люди изъ плоти и крови,—а какія-то страшныя тѣни, едва-едва сохранившія образъ человѣческій.... Вмѣсто щекъ—глубо-

кія сухія впадины, носъ завостренъ, какъ у труповъ, въ воливщихся глазахъ огонь горячки и изнурительной лихорадки, намокшія, грязныя до нельзя, а то и окровавленныя лохмотья, увѣчное, израненое тѣло.... какой-то несвязный лепетъ вмѣсто рѣчи и боязливое вздрагиванье при каждомъ рѣзкомъ звукѣ, при каждомъ не ожиданномъ прикосновеніи.

„Болгарамъ жителямъ прибрежныхъ деревень, до которыхъ доходили воды дунайскаго разлива, удавалось добывать кое-какія лодченки, и на этихъ щепкахъ, рискуя пойдти ко дну, они переплывали Дунай, борясь съ его быстрымъ волнистымъ теченіемъ, которое неся такую несчастную лодку внизъ, швыряя изъ стороны въ сторону, пока ее не выручало подоспѣшее съ противоположнаго румынскаго берега, — болѣе солидное судно. Кромѣ этихъ рискованныхъ переправъ бѣглецовъ, какъ то изъ-за зеленой осоки и густой заросли молодаго плавника появился даже цѣлый плотъ, связанный изъ бревенъ и настланный плетнями; на этомъ плоту тѣснилось нѣсколько семей, человѣкъ двадцать, съ волами и овцами; по срединѣ стоялъ церковный престолъ съ книгами и сосудами, узелъ съ ризами и самъ священникъ, сѣдой, совсѣмъ дряхлый старикъ, въ изношенной, побурѣвшей отъ времени суконной рясѣ, вмѣсто пояса подхваченный веревкою, босой и съ крестомъ въ рукахъ, деревяннымъ, околоченнымъ жестью. Тутъ же торчали хоругви и большой церковный крестъ, снятый съ крыши даже колоколъ, маленькій впрочемъ, захватили съ собой раззоренные въ конецъ бѣглецы... Этотъ плотъ медленно вытягивался на бограхъ изъ за-

тоновъ, вошелъ въ Дунай и уже на веслахъ переправился на румынскую сторону. Съ колокольни галацкой болгарской церкви тоже должно быть замѣтили эту плавучую группу и встрѣтили ее звономъ своихъ колоколовъ и открытыми дверями для пріема и помѣщенія всѣхъ спасенныхъ священныхъ предметовъ".

Эти несчастные случаи, а въ особенности жестокости турокъ надъ болгарами,—въ русскомъ войскѣ зародило горячее нетерпѣніе скорой переправы черезъ Дунай въ Болгарію и выручить угнетенныхъ собратовъ отъ ига турецкаго, которое отравляетъ существованіе не однимъ подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ, находящимся въ непосредственномъ подданствѣ Турціи, или въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ. Положеніе Греціи, напримѣръ, во многомъ тождественно съ положеніемъ въ которомъ была Сербія весною прошлаго года и которое вынудило ее къ войнѣ. Пограничныя съ Грецією, обширнѣйшія турецкія провинціи, каковы Эпиръ и Фессалія, населены въ значительнѣйшей степени греками, не говоря объ островахъ Эгейскаго архипелага. До двухъ милліоновъ грековъ считаются въ непосредственномъ подданствѣ Турціи. Большинство ихъ, особенно въ провинціяхъ, прилегающихъ къ границамъ Греческаго королевства, естественно смотритъ на это послѣднее какъ на свое отечество, отъ котораго греки Турціи лишь временно отторгнуты, но въ лоно котораго рано или поздно они должны возвратиться. Такое же тяготѣніе къ нимъ обнаруживается и со стороны Греціи, которая чувствуетъ себя неполной и незаконченной, безъ областей, по племенному сродству

ей принадлежащихъ и лишь отъ нея отдѣленныхъ. Движеніе, обнаруживавшееся въ какой-либо изъ греческихъ провинцій, или на какомъ-либо изъ греческихъ острововъ, принадлежащихъ Турціи, всегда сообщалось грекамъ королевства, возбуждая къ нимъ сочувствіе и вызывая поддержку. Критское возстаніе 1866 года, изумившее всѣхъ своей живучестью и упорствомъ, было энергически поддерживаемо греками королевства, доставлявшими на островъ не мало оружія и волонтеровъ. Прошлогоднія майскія избіенія не коснулись собственно греческихъ провинцій; но уже одна близость ихъ привела грековъ въ большое напряженіе, и правительство не безъ труда удержало націю въ ея порывахъ принять участіе въ сербско-турецкой войнѣ. Вооруженное вмѣшательство Россіи пробудило съ новою силой патріотическія и національныя стремленія грековъ, которые требовали отъ своего правительства участія въ войнѣ, считая себя столько-же въ правѣ вступаться за своихъ единоплеменниковъ находящихся подъ игомъ Турціи, сколько Россія за своихъ. Греческое правительство, уступая этому давленію, выходило изъ своего колеблющаго положенія и несомнѣнно готовиться дабы могущая возникнуть неизбѣжность войны не застала его въ расплохъ.

Сербія, хотя и утомленная недавней непосильной борьбой, видимо тяготилась и тяготится бездѣйствіемъ, на которое осуждена. Отрывочно приходившія изъ Бѣлграда извѣстія, не оставляли однако сомнѣнія, что партія войны, чувствовавшая себя побѣжденной послѣ дюнишскаго погрома, снова становилась и становится на ноги.

Уже было нѣсколько извѣстій сообщавшихъ, что въ совѣтѣ министровъ обсуждался вопросъ: о вмѣшательствѣ Сербіи и былъ поставленъ очень рѣзко для самого князя. Упоминалось при этомъ о какихъ-то пререканіяхъ Сербскаго правительства съ русскимъ консуломъ въ Бѣлградѣ, достигшихъ будто бы такой степени, что сербскому агенту въ Петербургѣ поручено просить объ удаленіи русскаго консула, г. Карцева. Во всемъ этомъ, можетъ быть, и несомнѣнно, есть своя доля преувеличенія. За несомнѣнное можно было признавать одно, что Сербія находилась въ положеніи, болѣе трудномъ, чѣмъ то, въ какомъ она была предъ войной съ Турціей. Боснія и Герцеговина по прежнему въ возстаніи; Черногорія продолжала войну; Греція къ ней готовилась; наконецъ изъ-за Дуная на турокъ надвигалась русская армія, одной Сербіи суждено было оставаться въ бездѣйствіи въ столь важный моментъ для славянскаго мира. Много нужно самообладанія, чтобы остаться нейтральнымъ княжеству и не обнажить меча за общественное дѣло, котораго Сербія была передовымъ бойцомъ.

Всѣ эти симптомы не пугали Турцію. Она имѣла не безъосновательныя причины не страшиться разширенія войны, на Балканскомъ полуостровѣ, но даже желать таковаго, особенно со стороны сербскаго княжества. Не смотря на туманъ, которымъ облекала себя австровенгерская политика, и который не разсѣялся послѣ недавнихъ объясненій ея въ вѣнскомъ и пештскомъ парламентахъ, — косвеннымъ путемъ, при посредствѣ статей, внушенныхъ изъ Вѣны нѣкоторымъ органамъ печати, на этотъ разъ французской, выяснились нѣкоторые

пункты этой политики, очерчена такъ называемая сфера дѣйствія и вліянія Австро-Венгріи, переступивъ за которую, событія могли побудить эту державу къ вмѣшательству. Въ эту заповѣдную орбиту почему-то включена была Сербія, вѣрнѣе говоря, — ея нейтралитетъ. Вмѣшательство Сербскаго княжества въ русско-турецкую войну, по авторитетнымъ толкованіямъ австро-венгерской политики, почему-то считалось вопросомъ до такой степени важнымъ и грознымъ для существованія монархіи Габсбурговъ, что эта послѣдняя не останавливалась ни передъ какими соображеніями; даже самое занятіе Бѣлграда не показалось бы ей рискованнымъ и она готова была на него рѣшиться. Въ Константинополѣ не могли не знать этого чувствительнаго мѣста въ австро-венгерской политики и старались, конечно, эксплоатировать напряженное положеніе, въ которомъ находилась Сербія, эксплоатировать въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшить его войной и этимъ вызвать на сцену дѣйствія новаго участника, и уже сообщалось объ угрожающей нотѣ, полученной сербскимъ правительствомъ отъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Не удивились бы и тому, если бы за нею послѣдовали и другіе шаги въ такомъ же родѣ, имѣющіе цѣлью вызвать Сербію на нарушеніе нейтралитета. Такіе же планы руководили Портой и относительно Греціи, къ которой она обращалась съ протестомъ по поводу ея вооруженій, съ той разницей, что здѣсь имѣлось въ виду вмѣшательство Англіи относительно ея интересовъ на Востокѣ; но въ чемъ собственно заключались эти интересы, казалось, что вопросъ этотъ уже разъясненъ; въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій

палаты общинъ министръ внутреннихъ дѣлъ Кроссъ опредѣлилъ интересы англійской политики на Востокѣ, а именно неприкосновенностью трехъ пунктовъ,—Египта, Суэзскаго канала и Дарданельскаго пролива. Доколѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій не произойдетъ ничего, что угрожало бы какими-либо измѣненіями существующаго по отношенію къ этимъ пунктамъ порядка вещей, англійская политика не выйдетъ изъ занятаго ею нейтральнаго положенія, относительно воюющихъ сторонъ, и не вмѣшается въ опредѣленіе результатовъ войны, если они не коснутся перечисленныхъ трехъ условій сохраненія англійскаго нейтралитета. Объясненія г. Кросса были такъ точно формулированы, что не оставляли ни малѣйшаго недоразумѣнія о томъ, какъ слѣдуетъ понимать англійскіе интересы въ Восточномъ вопросѣ. Но послѣ этого формулированія въ недавнемъ времени и въ той же палатѣ общинъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Буркъ, при обсужденіи резолюціи Гладстона, значительно измѣнилъ толкованіе этихъ интересовъ.

Правительство, сказалъ онъ, желаетъ до послѣдней крайности сохранять обсолютный нейтралитетъ; но оно не будетъ безстрастно присутствовать при зрѣлищѣ разчлененія Турціи. Рамки англійскихъ интересовъ въ устахъ г. Бурка значительно расширились. Это уже не то, что говорилъ Кроссъ. Подъ разчлененіе Турціи подводили всякую существенную реформу, которая предоставляла бы административную самостоятельность любой изъ турецкихъ провинцій. Но кромѣ этого, провозглашеніе, напримѣръ, независимости Румыніи, можетъ

быть, совершенно свободно подводилось подъ категорію явленій, опредѣлявшихъ разчлененіе Оттоманской имперіи. Рѣчь г. Бурка возвращала насъ опять къ тому времени, когда цѣлость и независимость Турціи провозглашалась догматами англійской политики, и служила единственнымъ критеріумомъ англійскихъ интересовъ на Востокѣ.

Останавливаясь на подобныхъ противорѣчіяхъ, англійскую политику не разъ упрекали въ непослѣдовательности, ставя ей въ вину разногласія, замѣчаемыя порою въ томъ, что говорили ея оффиціальные представители. Но въ сущности эта непослѣдовательность только кажущаяся; она не шла далѣе внѣшней стороны. Въ существѣ, политика лорда Биконсфильда осталась неизмѣнной. Она противъ всякихъ радикальныхъ преобразованій на Балканскомъ полуостровѣ и если переносила вооруженное вмѣшательство Россіи, то потому только, что въ моментъ дѣйствій не имѣла средствъ помѣшать ему. Съ другой стороны, еще неизвѣстны итоги начавшейся войны и тѣ преобразовательные результаты, въ которыхъ они должны выразиться; не извѣстно, слѣдовательно, въ какой степени могли быть поколеблены основы государственнаго устройства Оттоманской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскіе интересы, на нихъ-же покоющіеся. Г. Кроссъ намѣтилъ наиболѣе осязательные изъ нихъ, тѣ, которые могли быть названы и точно формулированы. Но они не исключали интересовъ болѣе общаго свойства, при которыхъ перечисленные выигрываютъ въ своей устойчивости. Слова г. Бурка доказывали, что англійское правительство не упускало изъ виду этихъ общихъ интересовъ, заключавшихся въ воз-

можно меньшемъ нарушеніи государственнаго строя Турціи, и не намѣренно было отказываться отъ заботы о его сохраненіи.

Эти пренія въ англійскомъ парламентѣ, какъ сказано, поповоду резолюціей Гладстона готовы были послужить поводомъ для другой дипломатической компаніи, задуманной, какъ увѣряли въ Берлинѣ, для совмѣстнаго съ Россіей исполненія. Предпринималось своего рода наступательное дѣйствіе на Англію, съ цѣлью пригласить ее высказаться—въ чемъ именно она полагала свои жизненные интересы, неприкосновенностью которыхъ она обусловила свой нейтралитетъ? Изъ вышесказаннаго мы знали, что разъ они были уже довольно точно формулированы въ палатѣ общимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ трехъ пунктовъ, которыми особенно дорожатъ англичане. Вмѣсто этихъ трехъ пунктовъ неприкосновенности, къ которымъ свели англійскіе интересы на Востокѣ - гг. Кроссъ и г. Стаффордъ. Норскоттъ распространилъ ихъ на цѣлость Турціи, другими словами—возвратилъ англійскую политику къ ея заповѣдному принципу охранять неприкосновенность Оттоманской имперіи, вѣрнѣе говоря, неприкосновенность ея государственнаго порядка отъ мало-мальски существенныхъ въ немъ измѣненій. Притомъ же, постановленные г. Кроссомъ условія нейтралитета Англіи онъ обобщилъ, превратить въ опезпеченіе пути въ Индію. Но если извѣстно, гдѣ этотъ путь оканчивается, то далеко нельзя было сказать, гдѣ этотъ путь, по мнѣнію англійскаго правительства, долженъ начинаться и чрезъ какіе пункты долженъ пролегать. Выраженіе, употребленное оффи-

ціальнымъ ораторомъ „каковъ-бы этотъ путь ни былъ“, не только не опредѣляло этого направленія, но давало понять, что такихъ путей прохожденія, нѣсколько и, что обеспеченіе всѣхъ ихъ входило въ англійскіе интересы.

При столь общемъ опредѣленіи условій своего нейтралитета, англійская политика отнимала у послѣдняго двѣ трети его значенія и тѣмъ самымъ локализацію войны дѣлала вопросомъ, который ежеминутно могъ разрѣшиться самымъ прискорбнымъ для общеевропейскаго мира способомъ. Чтобъ выйти изъ этого неблагопріятнаго для локализаціи войны политическаго положенія, создававшаго крайне условнымъ и неопредѣленнымъ нейтралитетомъ Англіи, и предпринимавшимъ относительно ея, какъ увѣрялъ, вышепомянутый коллективный шагъ, имѣвшій цѣлію побудить англійскую политику къ точному опредѣленію,—въ чемъ именно она полагала свои жизненные интересы на Востокѣ, неприкосновенностью которыхъ могло быть обезпечено ея не вмѣшательство въ русско-турецкую войну. Иные шли еще дальше и въ програмну этого дипломатическаго дѣйствія вводили установленіе разграничительной между Россіей и Англіей линіи, по обѣимъ сторонамъ которой обѣ державы, безъ обоюднаго стѣсненія, обезпечивали бы свои интересы. Пренія въ англійскомъ парламентѣ, все время вращавшіяся на англійскихъ интересахъ, имѣли послужить исходнымъ пунктомъ для предполагавшей дипломатической компаніи, къ открытію которой, какъ увѣряли, уже все было подготовлено при недавнемъ свиданіи русскаго посла въ Лондонѣ гр. Шувалова съ канцлеромъ Германской имперіи.

Если шагъ, подобный предсказанному, могъ совершиться, и если онъ не имѣлъ въ виду перейти въ ультиматумъ, то много предстояло условій, чтобъ онъ проложилъ путь къ установленію при помощи одной дипломатіи, мирнаго сосѣдства англійскихъ и русскихъ интересовъ на Востокѣ. Первое и главное изъ нихъ, это искренность англійской политики,—качество, которымъ она менѣе всего отличалась, говоря *одно и дѣлая другое*; второе не менѣе существенное, что требовалось-бы отъ нея,—это пожертвованіе принципомъ неизмѣнности государственнаго строя Турціи и ея цѣлостью въ пользу широкой автономіи народностей, непосредственно подвластныхъ султану. За этимъ шли уже болѣе тѣсные интересы Англіи, которые могли быть опредѣленно обозначены и служить предметомъ переговоровъ. Чтобы сойтись въ подробностяхъ, предварительно слѣдовало условиться въ общемъ. Но могли ли мы питать надежду, что Англія готова была быть откровенной и способна промѣнять существованіе Турціи на независимость славянскихъ племенъ, ее составляющихъ, въ силу однихъ дипломатическихъ убѣжденій, не говорило-ли все прошедшее англійской политики вопреки этому, и не заставляло-ли думать все настоящее о ея твердости на этомъ пути?

У англійскаго правительства нашлись бы выходы изъ того казавшагося затруднительнаго положенія, въ которое, быть можетъ, помышляли его поставить. На вопросъ о своихъ жизненныхъ интересахъ оно могло отвѣтить вопросомъ же объ интересахъ тѣхъ, которые его спрашивали. Разъ эти послѣдніе были-бъ изложены

и опредѣленно формулированы, — для Англіи не было бы ничего лучше, какъ перенести на нихъ сужденіе прежде чѣмъ подвергать таковому же свои. Вѣдь употребляла же она такой точно маневръ послѣ константинопольской конференціи и призывала на судъ не Турцію, а русскую политику по отношенію къ ней. При одинаковомъ положеніи, какъ тогда, такъ и при начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ, переговоры рисковали привести къ тому же самому, къ чему привели не за долго предъ этимъ, когда Англія адвокатировала за турокъ, т. е. къ *разрыву*.

Участіе, фактически принятое въ войнѣ Румыніей, производило болѣе сильное впечатлѣніе въ туркофильскихъ кругахъ, нежели можно было ожидать. Чувствительнѣе всего въ этомъ отношеніи оказывались мадьяры, которые со дня объявленія войны находились и находятся въ какомъ-то первомъ безпокойствѣ, какъ будто прозрѣвая, что на берегахъ Дуная предрѣшалась также и ихъ участь. Въ независимости Румыніи еще только-что провозглашенной, они приводили опасный для себя прецедентъ. „Дуэль до первой крови между Россіей и Турціей, — писали изъ Пешта, могла оставить ихъ внимательными, но еще бездѣйствующими зрителями? между тѣмъ, какъ война для разрушенія Оттоманскаго государства живо затрогивала ихъ жизненные интересы, сходные съ англійскими. Независимостью Румыніи уже сдѣланъ первый шагъ къ разложенію Турціи; завоеванная при помощи Россіи, независимость эта послужила сигналомъ къ упраздненію оттоманской власти въ Европѣ; Сербія, Боснія, Герцеговина, греческія провинціи

будутъ не болѣе, какъ провинціями Россіи". Поверхъ все этого, передъ напуганнымъ воображеніемъ мадьяръ носился призракъ панславизма увлекающій за собою всѣ славянскія племена. Въ Аграмѣ уже играли русскій національный гимнъ; въ Прагѣ чешскіе студенты записывались волонтерами, чтобы идти на борьбу съ полумѣсяцемъ, - что будетъ, восклицалъ мадьярскій корреспондентъ, если русскіе аванпосты явятся передъ Бѣлградомъ, Сараево или Скутари? Но даже если-бъ это и случилось, что могло произойти для жизненныхъ интересовъ Австро-Венгріи? Отвѣчать на это очень трудно, такъ какъ эти жизненные интересы понимались разно въ Австро-венгерской монархіи. Для мадьяръ жизненный интересъ во всемъ сходился съ таковымъ же интересомъ для Турціи и Англіи. На совершенномъ безправіи славянъ держался государственный строй Оттоманской имперіи; на близкомъ къ этому положенію тѣхъ же славянъ построена была система австро-венгерскаго дуализма, ради которой славянскіе интересы принесены въ жертву мадьярамъ въ одной половинѣ имперіи и нѣмецкому меньшинству въ другой. Но эти принесенные въ жертву славянскіе интересы австро-венгерской монархіи, конечно, иначе смотрѣли на свое положеніе въ восточномъ вопросѣ и иначе понимали и понимаютъ его. Для нихъ съ разложеніемъ Турціи откроется новая жизнь вмѣсто того давленія, которое они переносятъ. Это не будетъ, конечно, непосредственнымъ результатомъ эмансипаціи славянъ Балканскаго полуострова, но однимъ изъ ея ближайшихъ послѣдствій. Австро-венгерскому правительству могла предстать задача, для благополучнаго

разрѣшенія которой пришлось бы пожертвовать его мадьярскими симпатіями и удѣлить нѣкоторую долю изъ нихъ въ пользу славянъ во имя тѣхъ же жизненныхъ интересовъ, но понимаемыхъ иначе, нежели понимали ихъ въ Пештѣ.

Легко объяснимо безпокойство мадьяръ за судьбу Турціи и понятенъ ихъ безсильный гнѣвъ на Россію. Еслибъ отъ нихъ зависѣло, они не на минуту бы не поколебались объявить намъ войну и съ отчаяніемъ дрались бы за общее для нихъ, съ турками, дѣло. Но, къ несчастію, не одни они живутъ въ Австро-Венгріи; присутствіе славянъ въ монархіи Габсбурговъ чувствуется нынѣ настолько, что въ Вѣнѣ не рѣшаются сдѣлать имъ вызовъ, который рисковалъ-бы превратить восточный вопросъ изъ вопроса внѣшней австро-венгерской политики въ вопросъ внутренній. Въ Пештѣ понимали трагизмъ, такого положенія и утѣшали себя мыслью, что если австро-венгерская монархія и не двинется противъ Россіи, или, какъ выражались мадьяры, противъ панславизма, то она не приметъ участія въ войнѣ и противъ Турціи, за одно съ Россіей. Это считалось неоспоримымъ, неопровержимымъ! Въ интересахъ локализаціи войны нельзя было желать лучшаго, какъ еслибъ Австро-Венгрія выдержала такую роль до конца, и еслибъ въ Вѣнѣ поняли, что не препятствія, воздвигаемыя освобожденію болканскаго славянства, могутъ укрѣпить вѣрность габсбургскому дому въ его славянскихъ подданныхъ.

Эти услуги и предположенія дипломатіи неостанавливали рѣшительнаго дѣйствія русскаго оружія; наши войска заняли Ольтеницу и смѣнили стоявшія здѣсь румынскія.

Наши баттареи устраивали позиціи на берегу Дуная.

Эта смѣна баттарей произошла чрезвычайно быстро, въ виду у турокъ, которые почему то невоспользовались удобнымъ для нихъ моментомъ и не пустили ни одного снаряда. Всѣ главнѣйшія выгоды и пріимущества боевыхъ позицій между Ольтеницею и Туртукаемъ, конечно, были въ пользу турокъ. Занятый нами берегъ, отъ самыхъ крайнихъ домиковъ Ольтеницы, разстилается широкою, низменною полосою, не прикрытой даже никакою растительностью; только у самой воды тянутся низкія заросли, сгущаясь вправо у впаденія Аржиса. Позиція наша опиралась правымъ флангомъ на этомъ Аржисъ и совершенно была обезпечена какъ разливомъ самого притока, такъ и лежащимъ за нимъ большимъ, водянымъ затокомъ, образовавшимся отъ половодья; влѣво виднѣлось тоже что-то въ родѣ селенія и высокая башня,—это карантинъ.

Въ прошлую компанію турки перешли сами на румынскій берегъ, заняли карантинъ, и на его болотистыхъ окружинахъ дали намъ бой, гдѣ не мало пострадали наши Якутскій и Селенгинскій полки, недостигнувъ никакихъ результатовъ. Наши баттареи, какъ сказано, были расположены на самомъ берегу, войска прикрывались самимъ городомъ и стояли внѣ выстрѣловъ. Инженерная работа окончена и орудія хорошо замаскированы. По ту сторону Дуная берегъ поднимается круто и довольно высоко, скаты его покрыты деревьями и кустарниками; нѣсколько правѣе, т. е. выше, въ небольшой сѣдловинѣ видны между зеленью красныя черепичныя крыши Туртукая, его двѣ—три мечети и колокольня православной церкви;

надъ этимъ на самомъ гребнѣ бѣлѣли ряды полатокъ турецкаго лагеря,—подальше немного еще видны палатки и тянется сѣроватая полоска бруствера турецкой баттареи. Кромѣ того, нѣсколько ниже, уступомъ виднѣлась еще насыпь; къ баттареямъ, отъ города наискосъ пересѣкая береговой скатъ, идетъ дорога; въ бинокль можно было ясно различить по ней движеніе и даже отдѣльныя группы... Перестрѣлка, и довольно жаркая въ то время, гдѣ стояли румыны, стоившая этимъ послѣднимъ, какъ извѣстно,—нѣкоторыхъ жертвъ, съ занятіемъ же этой позиціи русскими войсками, перестрѣлка поддерживалась самая незначительная... Наши орудія отвѣчали иногда на задираніе турокъ, чаще же хранили молчаніе,—не стоитъ молъ пока тратить зарядовъ... Развѣ только, когда замѣчали гдѣ-либо скопленіе войскъ или рабочихъ на брустверахъ *), тогда посылали двѣ—три гранаты и это оказывалось совершенно достаточнымъ, чтобы помѣшать работѣ и на нѣсколько часовъ разгонятъ рабочихъ. Нѣсколько нашихъ гранатъ лопнули чрезвычайно удачно на самомъ брустверѣ. Одна изъ нихъ ударилась, какъ разъ посреди довольно густой толпы рабочихъ, разорвалась и видно было, какъ отъ мѣста катастрофы бѣжали во всѣ стороны турки и прятались въ ложементахъ **); офицеры увѣряли, что есть и оставшіеся на мѣстѣ, что они даже видѣли тѣла.

Ольтеница очень хорошенькій, чистенькій, румынскій городъ, чрезвычайно просторно выстроенный, раздѣленный громадными зелеными площадями, служащими вмѣ-

*) Земляная насыпь, для прикрытія отъ выстрѣловъ.

**) Ложементъ: ровъ съ брустверомъ для прикрытія стрѣлковъ.

стѣ и пастбищами для скота; вокругъ низенькихъ, одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ серебристою жестью, раскинулись красивыя группы садиковъ; посреди города православная церковь, единственная, очень оригинальной архитектуры, около церкви тоже густой тѣнистый садъ и въ этомъ саду подъ старыми тополями видѣнъ насыпной холмъ и на немъ большая мрамарная плита съ надписью: „*Павшіе въ сраженіи съ турками подъ с. Ольтеницею 23-го октября 1853 г. нижніе чины полковъ, Селингинскаго и Якутскаго, пѣхотныхъ, 11-й артиллерійской бригады баттарей, баттарейной № 2-го и легкой № 5-й— пріидетъ часъ въ онъ-же вси сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ*“. Въ головахъ у этой плиты видѣнъ другой памятникъ, но выше съ начертанными на немъ именами нашихъ офицеровъ: *Жаворонкова, Прохоровича, Зиненка и Орѣхова*—все это жертвы неудачной попытки аттаковать карантинъ, 25 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь у этихъ памятниковъ почти ежеминутно можно видѣть группы нашихъ солдатъ и казаковъ, а посреди ихъ одного граматѣя, вслухъ читающаго надпись; — люди благоговѣйно крестятся и цѣлуютъ крестъ, высѣченный въ заголовкѣ надписей, и собирались помянать павшихъ героевъ по всей формѣ и отслужить здѣсь панихиду.

Корреспондентъ высказывалъ, что когда онъ подходилъ къ Ольтеницѣ—его поразила пустыня, безлюдныя улицы города, запертыя ставни оконъ и дверей, отсутствіе всякаго движенія внутри домовъ и на дворахъ, и опустѣлые навѣсы сараевъ. Сперва онъ думалъ, что всѣ еще спятъ, потому что было довольно рано, часовъ

5 утра, но вотъ солнце поднялось выше, стало даже сильно пригрѣвать; давнымъ давно ожили русскіе бивуаки, а городъ все еще былъ тихъ и безлюденъ... Оказалось, что почти всѣ жители, уже двѣ недѣли тому назадъ, выбрались отсюда въ окрестности, болѣе покойныя и удаленныя отъ боевыхъ опасностей, оставивъ свои жилища подъ охрану замковъ и запоровъ; въ городѣ оставалась открытою только единственная, довольно, впрочемъ, сносная гостинница и небольшой ресторанъ, гдѣ можно порядочно пообѣдать.

Войска наши стояли лагеремъ по правую и лѣвую сторону ведущей въ городъ дороги, и, какъ уже описано расположены на просторныхъ площадяхъ. Здѣсь царствовалъ самый строгій, чисто боевой порядокъ—всюду видны часовые и группы отдѣльныхъ карауловъ, по берегу и его окрестностямъ видны были постоянные разъѣзды, казачьи аванпосты выставлялись далеко вправо по Аржису и влѣво по теченію Дуная, за карантиномъ. Все, что только могло служить орудіемъ переправы, каждый крохотный рабочій челнокъ; все забиралось, причаливалось къ берегу и тщательно охранялось; а на томъ берегу, у пристани Туртукая, видны были какія-то большія лодки, увѣряли, что тамъ были и мониторы; тѣ двѣ канонирки, стрѣлявшія по румынскимъ баттареямъ, ушли въ Силистрію, а больше не было военныхъ судовъ, кромѣ транспортныхъ барокъ... На сколько можно было наблюдать въ сильныя зрительныя трубы, въ Туртукаѣ тоже было пусто, и кромѣ движенія военнаго, частной жизни не было замѣтно. Съ того берега, доходили извѣстія весьма печальнаго свойства:

говорили, что турки просто на просто дорѣзали туртукайскихъ болгаръ. Въ турецкій лагерь подъ Туртукаемъ прибыло на дняхъ два табора мутегафиза, народнаго ополченія — кавалеріи у турокъ здѣсь почти не было. Въ это время, Дунай, начавшій было входить въ свои нормальные берега и только что пріостановился, снова прибылъ не много. Причиною тому трехсуточные дожди, лившіе все это время безъ промежутковъ. Солдаты и офицеры, большіе и малые, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали перехода на тотъ берегъ, но эта главная тайна нашего штаба была задернута самымъ непроницаемымъ покровомъ, но уже въ воздухѣ чуелась близость чего-то рѣшительнаго, потому что русскія войска не сосредоточивались на Дунаѣ большими массами и такимъ образомъ тщательно скрывали свой планъ до тѣхъ поръ, пока не соберутся всѣ войска, назначенныя для перехода черезъ Дунай, равно, какъ пока не прибылъ весь боевой матеріалъ и съѣстные припасы. Въ какомъ пунктѣ предполагалась самая крупная операція переправы?—не всѣ знали даже и въ большомъ военномъ совѣтѣ русскаго Главнокомандующаго.

Пароходъ „Константинъ“.

Эта тайна военной тактики на берегахъ Дуная не останавливала дѣйствіе русскаго оружія въ прочихъ мѣстахъ, а именно изъ Севастополя писали, что винтовой пароходъ „*Константинъ*“, снабженный почти исключительно миннымъ вооруженіемъ (на немъ всего четыре небольшихъ орудія), покинувъ въ первый разъ

севастопольскій рейдъ, отправился въ море 28-го апрѣля. Въ открытомъ морѣ ему на каждомъ шагу грозила опасность повстрѣчаться съ броненосцами турецкой эскадры, которая находясь на стоянкѣ въ Батумѣ, выслала оттуда отряды для бомбардировки русскихъ портовъ. Случай однако же благопріятствовалъ „*Константину*“: ему удалось совершенно счастливо добраться до Поти, куда онъ прибылъ черезъ двое сутокъ, еще до захода солнца.

Батумскій рейдъ былъ отсюда всего въ двухъ-часовомъ разстояніи. Дождавшись сумерокъ, „*Константинъ*“ направился къ рейду и, остановившись въ нѣсколькихъ миляхъ, дождался ночи. Ночь была темная, благопріятствовавшая задуманному предпріятію. Въ 10-ть часовъ были спущены на воду четыре миноносные катера: *Чесма*, *Минеръ*, *Синопъ* и *Наваринъ*. Каждый изъ нихъ находился подъ управленіемъ офицера съ пятью или шестью матросами судовой команды. На одномъ изъ нихъ, именно на катерѣ „*Минеръ*“ находился и самъ капитанъ парохода, лейтенантъ Макаровъ. Всѣ четыре катера направились ко входу въ Батумскій рейдъ. Здѣсь съ величайшими предосторожностями пробравшись среди минныхъ заграждeній, они вслѣдъ одинъ за другимъ вошли въ бухту. Роли были распредѣлены, нападеніе должно было произойти въ такомъ порядкѣ: первенствующая роль, какъ лучшему ходоку, была предоставлена катеру „*Чесма*“ находившемуся подъ управленіемъ опытнаго минера, лейтенанта Зацаревскаго. Между тѣмъ, какъ три другіе катера держались при входѣ въ бухту. *Чесма* отважно сталъ подвигаться впередъ. Скоро на катерѣ увидѣли

сторожевой турецкій пароходъ, который, неся на себѣ красный и зеленый огни, стоялъ подъ парами первымъ въ рейдѣ. Зажженные огни доказывали, что онъ маневрировалъ вокругъ эскадры, стоявшей на якорѣ. Къ этому пароходу направилась *Чесма*, осторожно подкрадываясь къ лѣвому борту. Скоро ей удалось совершенно незамѣченной скользнуть вдоль борта этого громаднаго колеснаго парохода и обогнуть его съ носа. Между тѣмъ матросы, находившіеся на катерѣ, по командѣ лейтенанта Зацаревскаго, произносившейся, разумѣется, шопотомъ,—принялись за свою таинственную работу. Мпнная металлическая трубка, снабженная особаго рода поплавкомъ, была погружена въ воду, и съ помощью особыхъ проволочныхъ проводовъ въ палецъ толщиною, её начали подводить подъ самое дно носовой части судна. Легкій шумъ, который произошелъ при этомъ, привлекъ вниманіе турецкаго часоваго, ходившаго съ ружьемъ по борту. Раздался его гортанный своеобразный окликъ: „кто гребетъ“? Чтобы отдалить непріятельскую тревогу, хотя на нѣсколько секундъ, пока мина будетъ окончательно подведена, ему отвѣчали съ катера такимъ же гортаннымъ окликомъ, поддѣлываясь подъ турецкій говоръ. Но эта хитрость не удалась. Часовой схатилъ ружье, перегнулся за бортъ, нацѣлился и выстрѣлилъ. Однако находившіеся на катерѣ не потеряли присутствія духа. Благодаря темнотѣ ночи, выстрѣлъ въ нихъ не попалъ. Съ удвоенною таинственностью и поспѣшностью мина вскорѣ была подведена окончательно, слышно было, какъ она стукнулась о дно судна. Осталось только погрузить въ гальваническую

баттарею, находившуюся на катерѣ, цинковую пластинку, прикрѣпленную къ обоимъ концамъ приводовъ,— и взрывъ долженъ былъ послѣдовать.

На *Чесмѣ* въ эту минуту были такъ увѣрены, что аттакованный пароходъ моментально вслѣдъ за этимъ взлетитъ на воздухъ, что у одного изъ бывшихъ тутъ матросовъ зачесался языкъ поострить надъ турецкимъ часовымъ, поднявшимъ тревогу. „Что, турка, не будешъ больше кофій пить“? Но взрыва—не послѣдовало.

Трудно было съ точностію опредѣлить причины такой неудачи. Слѣдуетъ замѣтить однако же, что на этотъ разъ была пущена въ ходъ мина *) совершенно своеобразной, новѣйшей системы, какая доселѣ еще нигдѣ не была въ употребленіи. Очень можетъ быть, что новизна дѣла и сравнительная сложность конструкціи помѣшали на первый разъ успѣшности смѣлаго предпріятія.

Послѣ неоднократныхъ попытокъ исправить встрѣтившуюся погрѣшность, препятствувавшую взрыву, нельзя уже было долѣе мѣшкать. *Чесмѣ*, а вслѣдъ за нимъ и другимъ катерамъ, стала грозить гибельная опасность. Съ аттакованнаго парохода взлетѣла сигнальная ракета, и вслѣдъ затѣмъ весь рейдъ освѣтился фальшвейрами **). Одновременно турки открыли картечный огонь съ побережныхъ баттарей и съ броненосцевъ. Катеру *Чесма* пришлось особенно плохо, онъ былъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ надвигавшагося на него заднимъ ходомъ турецкаго парохода. Пришлось моментально бросать мину и рубить проводы, запутавшіеся въ коле-

*) a) Подкопъ или снарядъ для взрыва Мина. b) Подземная галлерея.

**) Бумажныя трубки, набитыя ярко-горящимъ составомъ.

сахъ парохода. Только благодаря быстротѣ своего хода и находчивости командира, ему удалось невредимымъ выйти изъ рейда и соединиться съ остальными катерами. „*Константинъ*“ между тѣмъ, не дожидаясь своихъ катеровъ, спѣшилъ уйти отъ грозившей и ему опасности. Такъ какъ сторожевой турецкій пароходъ пустился въ погоню за катерами, осыпая ихъ ружейными выстрѣлами, между тѣмъ какъ съ береговъ имъ грозилъ картечный огонь, то они всѣ четыре пустились въ разсыпную, что бы затруднить погоню. Эта уловка оказалась спасительною. Имъ удалось спастись всѣмъ четыремъ. „*Минеръ*“ и „*Наваринъ*“ совершенно благополучно добрались до „*Константина*“, который, принявъ ихъ, и тотчасъ же направился въ Севастополь; за то двумъ другимъ, „*Чесмѣ*“ и „*Синопу*“, пришлось таки побѣдствовать прежде чѣмъ добрались они до Поти. Но благодаря мужеству, находчивости и самоотверженію отважныхъ нашихъ моряковъ, и имъ удалось миновать всѣ опасности, хотя на первый взглядъ гибель ихъ казалась неизбѣжна. Ихъ прибытіе въ Поти ознаменовалось восторженной радушной встрѣчей: ихъ встрѣтили какъ истинныхъ героевъ....

Кромѣ этихъ отважныхъ дѣйствій, пароходъ „*Константинъ*“, командиръ, лейтенатъ Макаровъ снова вышелъ изъ Одессы и въ это время имѣлъ на букспрѣ шесть паровыхъ катеровъ, вооруженныхъ минами; вслѣдъ за нимъ вышелъ пароходъ „*Владиміръ*“ для поддержки въ случаѣ надобности. Пріостановившись у Змѣинаго острова (Фидонаси), пароходъ „*Константинъ*“ послѣ полуночи двинулся къ Сулину въ надеждѣ встрѣтить крейсерующіе здѣсь обыкновенно по ночамъ турецкіе

броненосцы; на этотъ разъ, однако, они стояли на Сулинскомъ рейдѣ. Лейтенантъ Макаровъ, подойдя къ Сулину на пять миль, въ 2 часа ночи пустилъ впередъ миноносные котеры противъ 4-хъ непріятельскихъ броненосцевъ, изъ которыхъ три стояли на якорѣ, четвертый же былъ на ходу. Буксиры не медленно отдали, и катера пошли впередъ двумя колоннами. Черезъ полчаса они были въ такомъ положеніи, что огонь сулинскаго маяка приходился съ лѣвой стороны, но непріятельскихъ судовъ еще не было видно. Всѣ катера выстроились тогда во фронтъ и, держась очень близко одинъ отъ другаго, пошли впередъ. На катерѣ № 2-й *), машинная рубка была прикрыта брезентами **), щели, пропускавшія свѣтъ на глухо затянуты; команда размѣщена по рубкамъ и катеръ двинулся впередъ самымъ малымъ ходомъ. Работа машины была еле слышна. Черезъ нѣсколько минутъ катеръ „*Чесма*“ командиръ Зацаренный приблизился къ № 2-му и сообщалъ, что видитъ непріятельское судно съ лѣвой стороны. Перекинувшись нѣсколькими словами, „*Чесма*“ повернула направо, желая обойти турецкое судно, и скрылась въ темнотѣ. Вскорѣ на носу катера № 2, саженяхъ въ 80-ти, стали ясно обрисовываться очертанія большаго двухмачтоваго бро-

*) Кромѣ Лейтенанта Рождественскаго, на катерѣ № 2-й были: механикъ Алексѣй Кавцеровъ, машинистъ Самуилъ Ветцель, минеръ-матросъ Соколовскій и волонтеръ Владиміръ Обручевъ, отставной артиллерійскій офицеръ; вольнонаемные охотники: матросъ Павелъ Коваленко и кочегары Степанъ Шпаченко и Иванъ Желтовъ. Вмѣстѣ съ Лейтенантомъ Пущинымъ на катерѣ № 1 были машинистъ Иванъ Морозовъ и вольнонаемные охотники: матросъ и Димитрій Самотванъ и кочегары Максимъ Коватовъ и Іосифъ Испомнящій.

**) Толстыми парусинами.

неносца съ большимъ выдающимся тараномъ *). Пріостановивъ работу машины, катеръ № 2-й нѣсколько минутъ поджидалъ „*Чесму*“ и затѣмъ двинулся впередъ самымъ тихимъ ходомъ. Справа обогналъ катеръ Рождественскаго, — катеръ Пущина. Механикъ Канцеровъ спросилъ его тихо: Видите ли вы влѣво турецкое судно? Пущинъ отвѣчалъ: „Вижу“ и скрылся. Вслѣдъ за этимъ съ катера № 2 увидѣли турецкое судно, выходившее изъ-за маяка въ море, и съ лѣвой стороны катера показались очертанія еще двухъ броненосцевъ. Всѣ три стояли въ одну линію передъ входомъ въ Сулинскій портъ, куда, по причинѣ малой глубины между моллами **) глубоко сидящіе броненосцы не входятъ. Слышно было, какъ часовые эскадры перекликались; огни на всѣхъ судахъ были погашены или прикрыты, но они стояли подъ парами; катеръ прибавилъ ходу и двинулся въ аттаку. По мнѣнію коменданта катера, было-бы безопаснѣе аттаковать крайнѣе къ югу судно, но положеніе катера относительно крайняго къ сѣверу монитора, стоявшаго у него, такъ сказать „на носу“, было такъ соблазнительно, что Рождественскій рѣшился не перемѣнять цѣли и приказалъ опустить шестъ съ миной въ воду; при аттакѣ шестовая мина опускается въ воду на глубину $8\frac{1}{2}$ футовъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ударъ приходился въ подводныя части корпуса монитора, не прекрытыя броней.

Зная о близости остальныхъ шлюпокъ и опасаясь ихъ повредить, а также, чтобы лучше видѣть по сторонамъ,

*) Древняя стѣнобитная машина.

**) Насыпь при входѣ въ гавань, защищающая корабли въ гавани.

Рождественскій не закрылъ крышки боевой рубки, гдѣ помѣщается командиръ миноноснаго катера и гдѣ находятся гальваническія баттареи и рулевой аппаратъ. Въ десяти саженяхъ отъ броненосца раздался окликъ часоваго, который немедленно выстрѣлилъ изъ ружья. Вслѣдствіе этого произвола, тревога на рейдѣ и со всѣхъ судовъ, начался частый ружейный огонь. По заранѣе составленной программѣ, съ момента перваго выстрѣла катеръ прибавилъ ходу, чтобы до удара быть подъ ружейнымъ огнемъ какъ можно меньше времени. Въ это время было почти два часа ночи. У самаго борта броненосца почти въ упоръ произошелъ автоматическій взрывъ, но о результатахъ трудно было судить сейчасъ же, во первыхъ по адской темнотѣ, а во вторыхъ потому обстоятельству, что глубина Сулинскаго рейда не превышаетъ 25—30 футовъ и мониторъ, сидящій 20 футовъ, не можетъ погрузиться въ воду совершенно. Часть столба воды, поднявшагося отъ взрыва мины и отраженнаго отъ борта броненосца, попала въ катеръ и наполнила рулевое отдѣленіе на три фута. Это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, спасло катеръ отъ неминуемой гибели. Такъ какъ катеръ имѣетъ непроницаемыя переборки, то отъ воды онъ не пострадалъ. Въ самый моментъ взрыва мины раздался первый пушечный выстрѣлъ, который ярко освѣтилъ поднявшійся столбъ воды Снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами нападавшихъ. Дали полный задній ходъ и начали удаляться отъ броненосца подъ усиленнымъ ружейнымъ огнемъ съ судовъ. Но тутъ оказалось, что катеръ не можетъ управляться, такъ какъ колесо штурвала отскочило отъ переборки,

къ которой было прикрѣплено. Оставался еще одинъ штурвалъ *) на верху, но и онъ недѣйствовалъ: цѣпочки ходили по блокамъ и руль не поворачивался. Рождественскій вмѣстѣ съ Канцеровымъ начали перевязывать цѣпочки руля веревками и когда ихъ стянули, то руль подѣйствовалъ. Затѣмъ, Канцеровъ съ минеромъ Соколовскимъ бросились рубить проводники и отвинчивать гайки миннаго шеста, который былъ сломанъ и могъ сильно затруднить ходъ впередъ. Все это дѣлалось подъ градомъ ружейныхъ и картечныхъ пуль. Сбросивъ шестъ, катеръ далъ полный ходъ впередъ, старался уйдти отъ погнавшагося за нимъ сосѣдняго монитора. Во время выступленія опять былъ моментъ весьма щекотливый: внезапно въ котлѣ упавъ паръ. Съ гнавшагося броненосца открыли даже ружейный огонь и мониторъ почти настигалъ миноносецъ; механику Канцерову пришла счастливая мысль, бросить въ топку до 5 пуд. сала и, благодаря этой находчивости, удалось поднять паръ до надлежащаго давленія, и вскорѣ броненосецъ, началъ отставать, а потомъ и перемѣнилъ курсъ.

Уходя, Рождественскій далъ знать Пущину приняться за тотъ же броненосецъ. Пущинъ не заставилъ себя долго ждать, направилъ миноносецъ къ броненосцу, но что далѣе произошло—неизвѣстно, потому что Пущинъ взятъ въ плѣнъ. Съ турецкихъ судовъ стрѣляли безпрестанно; среди этого былъ ясно замѣченъ взрывъ снаряда миноносца Пущина и новый столбъ воды. Разсматривать не было времени: катера и одинъ миноно-

*) Штурвалъ—рулевое колесо.

сецъ поспѣшили къ пароходу „*Константинъ*“, гдѣ и ожидали Пущина нѣсколько времени; наконецъ, заботясь о безопасности, поспѣшили отправиться къ Одессѣ.

На пути въ Одессу въ катерѣ была замѣчена прибыль воды. На другой день его вытащили на элингъ *) и, при осмотрѣ, оказались слѣдующія поврежденія: въ носовой части, близь киля, ослабѣли и лопнули 16 заклепокъ; посрединѣ на килѣ **) замѣтны ясные слѣды тренія о какое-то твердое тѣло; въ кормѣ желѣзная поддѣлка на киль, находящаяся на $1^1/_2$ фута ниже линіи киля, согнута въ правую сторону и назадъ; нижняя часть руля помята и одно изъ перьевъ винта согнуто назадъ, кромѣ того видны глубокія выбоины отъ картечныхъ пуль, а дымовая труба пробита картечью на сквозь. Всѣ эти поврежденія заставляли достовѣрно предполагать, что турецкіе броненосцы въ Сулинѣ стояли за боннымъ загражденіемъ и что катеръ № 2-й, а вѣроятно, и катеръ Пущина, незамѣтно для себя перескочили черезъ бонъ, о который № 2 й и повредилъ себѣ килевую наддѣлку, руль и винтъ. Ударомъ руля о бонъ достовѣрно объясняется и поломка штурвала въ носовой рубкѣ, едва не поставившая катеръ № 2-й въ безвыходное положеніе при отступленіи. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что катеръ № 2-й перескочилъ черезъ бонъ изъ бревенъ. Это дало, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрное направленіе удара мины и взрывъ пришелся, можетъ быть, въ защищенную броней часть корпуса. Но, перескочивъ черезъ бонъ, катеръ № 2-й

*) Элингъ—наклонный помостъ для спуска судна въ воду.

**) Киль четырехгранный брусъ вдоль судна.

былъ въ весьма критическомъ положеніи и подвергался опасности быть утопленнымъ, или захваченнымъ (что и случилось съ катеромъ № 1-й Пущина), потому что выбраться обратно за наружную сторону бона онъ могъ, только благодаря счастливой случайности катера № 2-го и отчасти своей 70-ти футовой длинѣ. Полагать надо, что столбъ воды, упавшій въ носовую часть катера № 2-го, послѣ взрыва и наполнившій носовую часть водою, поднялъ корму, и это дало возможность при полномъ заднемъ ходѣ выскочить изъ загражденій. Сами участники не могли дать себѣ яснаго отчета, какъ все это произошло, и не мудрено, при сильно возбужденномъ состояніи духа, въ которомъ они, вѣроятно, находились въ моменты, послѣдовавшіе за взрывомъ мины. Они говорили только, что столкновеніе было мягкое, а это даетъ поводъ думать еще, что ударъ пришелся въ сѣтку, спущенную съ монитора или въ такъ называемый — кринолинъ. О послѣдствіяхъ нападенія миноносца на турецкій мониторъ узнали только 1-го іюня изъ депеши командира 36-й дивизіи Веревкина, который донесъ, что турецкій мониторъ сильно поврежденъ и долженъ быть вычеркнутъ изъ списковъ турецкаго флота.

Ни на пароходѣ, ни на катерѣ лейтенанта Рождественскаго не было потери, кромѣ царапины на лбу, полученной минеромъ Соколовскимъ отъ разбившагося во время взрыва мины стекла иллюминатора, всѣ были здравы и невредимы.

Для розыска катера лейтенанта Пущина посланъ былъ пароходъ „*Аргонавтъ*“, который доходилъ до устьевъ Дуная, но возвратился не отыскавъ ни какихъ слѣдовъ

катера. По показаніямъ казаковъ, стоявшихъ на постахъ по Килійскому рукаву, и жителей селенія Жебріени, слышны были выстрѣлы къ сторонѣ Сулина въ ночь, слѣдовавшую послѣ ночной аттаки нашихъ миноносцевъ и въ это время лейтенантъ Пущинъ съ прочими при немъ былъ захваченъ турками, и дѣйствительно, 4-го іюня сестра Пущина г жа Горлова, получила отъ Гобарта-паши телеграмму: „лейтенантъ Пущинъ въ плѣну здѣсь, онъ здоровъ и хорошо содержится“ 6-го числа была получена другая депеша отъ самого Пущина: „Я наскочилъ на бонъ. Ботъ разбитъ. Меня и команду взяли изъ воды“. По полученіи первой телеграммы содержаніе ея было передано морскому министру, который телеграфировалъ объ этомъ Государю Императору и Германскому послу въ Константинополѣ принцу Рейссу *).

Взрывъ турецкаго броненосца Хивзи-Рахметъ.

До сихъ поръ думали, что катеръ Пущина погибъ, или отъ взрыва собственной мины, почему-либо взорвавшейся не во время и не въ должномъ положеніи, или вслѣдствіе столкновенія съ бономъ или другой какой-либо преградой. Оказывается, что ни то, ни другое предположеніе не оправдалось на дѣлѣ. Мина взорвана какъ слѣдуетъ и катеръ отошелъ и началъ отступать,

*) Черезъ Германскаго посла, между Россіей и Портой велись переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ. Русскому правительству особенно желательно было освободить изъ плѣна лейтенанта Пущина, и въ обмѣнъ за него оно предлагало 16-ть офицеровъ взятыхъ въ плѣнъ въ Азіи. Турція однако не соглашалась, къ немалому неудовольствію посредника принца Рейсса.

но къ несчастію въ машинѣ его оказалось поврежденіе, которое заставило храбраго лейтенанта Пущина потопить катеръ собственными средствами и броситься съ командою вплавь до ближайшаго берега. Такова истинная исторія катастрофы, которая долго оставалась загадкой. Изъ этого ясно видно, какая значительная доля этой славы принадлежитъ лейтенанту Пущину и его храбрымъ товарищамъ, томящимся въ плѣну въ Константинополѣ.

Случайное взятіе въ плѣнъ лейтенанта Пущина и его команды, турецкому Габарту-паши не дешево обошлось. Не за долго передъ этимъ случаемъ, на Черномъ морѣ, нашими моряками, въ виду Браилова, въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная былъ взорванъ турецкій броненосецъ „*Хивзи-Рахметъ*“. Дѣло это было такъ: ровно въ четыре минуты перваго часа ночи съ тринадцатаго на четырнадцатое мая, когда шелъ проливной дождь, Дубасовъ, испросивъ согласіе капитана Рагули и разрѣшеніе генерала Салова, отваливъ отъ браиловской пристани и съ четырьмя паровыми катерами направился въ Мачинскій рукавъ Дуная, съ цѣлью отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины, хотя одно изъ нихъ. Въ составѣ этой рискованный экспедиціи участвовали катеры: „*Цесаревичъ*“, взятый отъ румынскаго правительства, на немъ: Дубасовъ, Муржеско и 14-ть матросовъ; на разстояніи двадцати саженъ отъ него катеръ „*Ксенія*“ съ лейтенантомъ Шестаковымъ, Петровымъ и 9-ю матросами; на такомъ же разстояніи отъ нея „*Джигитъ*“ съ мичманомъ Персинымъ и 8 ю матросами и „*Царевна*“ съ Балемъ

и 9-ю матросами. Всѣ катеры въ половинѣ третьяго часа вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ срединѣ Мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ, вправо впереди его во мглѣ ненастной ночи обрисовывалась темная масса другаго монитора, влѣво отъ средняго — двухтрубный военный пароходъ. Лейтенантъ Дубасовъ рѣшившись атаковать средній, какъ самый большой, приказалъ лейтенанту Шестакову быть готовымъ къ нападенію, остальнымъ же шлюпкамъ поддерживать нападеніе. Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ сталъ приближаться къ нему. На окликъ часоваго на мониторѣ, Дубасовъ на удачу отвѣчалъ извѣстный ему турецкій отзывъ: „*сызына-дамъ*“, что значитъ: „*вашъ человѣкъ*“, но произнесъ не правильно. Непріятель сразу понялъ фальшивый отзывъ и далъ по шлюпкѣ ружейный выстрѣлъ, что сдѣлали и остальныя судна, но ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой средняго судна хватился за ударный снуръ девятидюймоваго орудія.... осѣчка. Второй, третій разъ— тоже. На палубахъ трехъ судовъ, встревоженныхъ выстрѣлами, поднялась суматоха. Въ это время Дубасовъ нанесъ монитору ударъ правою носовою миной въ лѣвый бортъ, выше лѣвой кормовой раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ, вода наполнила катеръ Дубасова, онъ приказалъ машинисту дать задній ходъ, а командѣ откачивать воду, и крикнулъ: Шестаковъ подходи! Послѣдній подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ со всѣхъ трехъ судовъ, подойдя къ монитору, сильно осѣвшему кормой, но державшемуся

еще на поверхности, нанесъ второй ударъ въ тотъ же лѣвый бортъ. Судно окончательно погрузилось. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторыми ударами минъ, продолжавшійся десять минутъ, всѣ шлюпки остались подъ самымъ бѣглымъ огнемъ. Шестаковъ послѣ взрыва, запутавъ свой винтъ въ обломкахъ монитора, очищалъ его почти у самаго непріятельскаго борта и отстрѣливался изъ револьвера, съ помощію четырехъ матросовъ, отъ штуцернаго огня, направленнаго изъ башни погружавшагося монитора. Катеръ Персина получилъ пробоину въ кормѣ ядромъ и всплескомъ другаго снаряда былъ залитъ. Принужденный отправиться къ берегу для того, что бы заткнуть пробоину, катеръ этотъ запуталъ винтъ въ кустахъ, и долго не могъ высвободиться.

Востокъ сталъ быстро заниматься зарею, можно было различать предметы вблизи и вдали, почему огонь турецкихъ судовъ усилился. Дубасовъ приказалъ шлюпкамъ отступать; всѣ они вмѣстѣ двинулись въ Браиловъ. Ни убитыхъ, ни раненыхъ не было „Только воля Всемогущаго Провидѣнія“, говорилъ Дубасовъ, „могу объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ неистоваго огня, который турки открыли по насъ и поддерживали по крайней мѣрѣ двѣнадцать минутъ“.

Во все время боя офицеры и команда выказали полное самообладаніе и истинно геройское мужество. Во время боя не слышно было даже ни одного громкаго возгласа, только дружное, торжественное „*ура*“ вырвалось у всѣхъ одновременно, когда мониторъ окончательно погрузился въ воду. На другой день 15-го мая за зав-

тракомъ у Великаго князя присутствовалъ капитанъ Рагуля, прибывшій въ Плоэшти. Великій князь провозгласилъ при этомъ тосты за здоровье нашихъ молодцовъ-моряковъ, за того кто устроилъ имъ такія лодки и за здоровье капитана Рагули. Къ обѣду у Великаго князя прибыли вызванные по телеграфу лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ, которые по волѣ Государя, прославшаго телеграмму, были украшены знаками ордена св. Георгія 4-й ст. Великій князь лично повѣсилъ тому и другому свои Георгіевскіе кресты и за обѣдомъ предложилъ тостъ въ честь этихъ первыхъ въ настоящую войну георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга и за здорьвье всего русскаго флота.

Изъ этого видно, что въ то время, когда войска наши, какъ описано выше, еще только приближались къ предѣламъ Болгаріи, русскіе моряки на Черномъ морѣ и на Дунаѣ — не упускали случая показать врагу и его друзьямъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло? Въ свою очередь храбрые русскіе воины, не медлили своими дѣйствіями и въ Азіятской Турціи.

Рекогносцировка вокругъ Карса.

По взятіи *Ардагана* и возвращеніи ардаганскаго отряда въ Занмъ, генерелъ Лорисъ-Меликовъ далъ своимъ войскамъ три дня отдыха, и затѣмъ, 15-го мая, выступилъ подъ Карсъ съ частью главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, поручивъ эту часть командѣ генерала Геймана, и оставивъ всѣ прочія войска въ Занмѣ подъ начальствомъ генерала Девеля. Командующаго корпу-

сомъ, какъ всегда, сопровождалъ начальникъ его штаба. генералъ-маіоръ Духовской, съ нѣкоторыми изъ чиновъ корпуснаго штаба. Отрядъ направился черезъ Халифъ-Оглу, Визинкевъ, Орлокъ, Хаджи-халиль и Ардостъ, къ дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ. Расположившись 18-го мая лагеремъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, между Ардостомъ и Катанлы, и выславъ кавалерію къ Бегли-Ахмету, нашъ отрядъ отрѣзалъ Карсъ отъ Эрзерума, по крайней мѣрѣ состоронѣ главнѣйшихъ путей сообщенія между этими двумя городами. Остальные пути сообщенія, ведущіе изъ Карса въ Эрзерумъ, чрезъ Пеникъ и Ольты, прорваны были 22-го мая, когда нашъ отрядъ расположился лагеремъ у сел. Качалы, а кавалерія его занявшая посты на всѣхъ дорогахъ радіусами, исходящими изъ Карса, съ тѣмъ вмѣстѣ установила правильное и постоянное сообщеніе нашего отряда съ тѣмъ, который остался въ Заимѣ. Съ 23-го мая Карсъ можно было считать вполнѣ отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра.

Корреспондентъ говорилъ, что онъ въ первый разъ увидѣлъ Карсъ изъ Халифъ-Оглы и замѣтилъ, что современныя укрѣпленія черезчуръ мало похожи на то представленіе о крѣпостяхъ, которое слагается въ нашихъ головахъ, на основаніи произведеній батальной живописи. При словѣ крѣпость, мы невольно воображаемъ себѣ городъ, обведенный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими стѣнами, верхушки которыхъ зубцами своими напоминаютъ графскія короны стариннаго фасона. Дѣйствительность, увы, не подтверждаетъ такого представленія. Въ Ардаганѣ еще можно было съ сильною натяжкою фантазіи принять старинную цитадель, съ ея

зубчатыми стѣнами, за крѣпость, какъ мы обыкновенно её представляемъ себѣ. Но въ Карсѣ и этого уже нѣтъ. Карсъ городъ — какъ городъ. Издали онъ очень красивъ. Онъ расположенъ по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, и раскинутъ отчасти на плоскости праваго берега, отчасти же амфитеатромъ, на отлогости холмовъ, усѣяющихъ лѣвый берегъ рѣки. Невооруженный глазъ ясно различаетъ издали массу здоровенныхъ, каменныхъ построекъ, нѣсколько высокихъ минаретовъ и множество мелкихъ зданій, въ срединѣ которыхъ отчетливо отдѣляются бѣлыя строенія, съ виду похожія на геометрическія фигуры изъ папье-маше: это — старинная карская цитадель, скромно сливщаяся теперь съ остальнымъ городомъ. Человѣкъ, не имѣющій понятія о современныхъ крѣпостяхъ, долго будетъ стоять въ виду этого города, и задавать себѣ и другимъ вопросъ: — „а гдѣ же пресловутая грозная карская крѣпость? Ея вѣдь не видно! Ужъ не выдумка ли это нашихъ журналистовъ?“

Её дѣйствительно не видно. Но на холмикахъ и на возвышенностяхъ, окружающихъ Карсъ съ сѣвера, съ запада и съ юга, видны едва замѣтныя черныя ленточки на зеленомъ фонѣ. Эти черныя ленточки, то представляютъ подковообразную фигуру, то составляютъ четвероугольники, либо замысловатые зигзаги съ выдающимися во всѣ стороны углами. Такія же ленточки замѣтны и на плоскости, къ востоку отъ Карса. Это-то и есть укрѣпленія, совокупность, которыхъ образуетъ крѣпость Карсъ.

Карсъ лежитъ ровно въ 60-ти верстахъ отъ Александрополя, и точь-въ точь въ такомъ же разстояніи отъ Ардагана и Саганлугскаго укрѣпленнаго лагеря.

Всѣмъ извѣстно, что стратегическое значеніе Карса не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ служитъ ключемъ къ Эрзеруму и къ цѣлой Малой Азіи, потому что замыкаетъ важнѣйшій путь изъ Закавказья въ центральную долину Анатоліи. Карсъ выстроенъ у подножія террасъ, составляющихъ послѣдніе восточные отроги Чалгаурскихъ горъ: передъ нимъ къ востоку простирается плоская возвышенность, скатертью растилающаяся вплоть до нашей границы, и мѣстами усѣянная отдѣльными возвышенностями, которыя съ Чалгаурскихъ горъ похожи на сахарныя головы, разставленныя на полу, съ большими промежутками. За то западная сторона имѣетъ видъ чисто гористый рядъ высотъ полукругомъ возвышается надъ самою террасою, у подножія которой стоитъ Карсъ. Эти высоты, замѣчательно болѣе возвышенныя, чѣмъ сама терраса, спускаются во всѣ стороны довольно обрывистыми склонами, образуя нѣсколько отдѣльныхъ столовыхъ горъ.

За этимъ первымъ рядомъ возвышенностей, тянутся также полукругомъ, параллельно съ ними, другія, гораздо менѣе высокія, тамъ и сямъ, точно нарочно, разставленныя на довольно широкой плоскости, отдѣляющей первыя возвышенности отъ главныхъ отроговъ Чалгаурскихъ горъ. Эти второстепенныя возвышенности почти всѣ имѣютъ видъ генеральской (продолговатой) полатки, и хребты почти всѣхъ ихъ тянутся радіусами отъ высотъ перваго ряда. Затѣмъ, еще далѣе къ западу и къ сѣверо-западу, верстахъ въ 6-ти отъ этого ряда, начинаются отроги главныхъ Чалгаурскихъ горъ, хребетъ которыхъ отстаетъ верстъ на 12-ть отъ Карса.

Рѣка Карсъ-Чай, какъ сказано дѣлитъ городъ на двѣ части. Она протекаетъ тутъ по глубокой трещинѣ, имѣющей почти совершенно отвѣсные спуски и въ чертѣ самаго города извивается въ формѣ французской буквы S. Терраса лѣваго берега переходитъ отчасти и на правый, восточный берегъ Карсъ-Чая. Она образуетъ тутъ „языкъ земли“, отвѣсно спускающійся къ плоскости съ трехъ своихъ сторонъ, съ востока, юга и запада (съ послѣдней стороны она спускается, впрочемъ, къ рѣкѣ). Эта правобережная терраса прикрываетъ городъ съ сѣверной стороны. Главнѣйшая же часть города, расположенная на плоскости праваго берега, и у подножія террасъ обоихъ береговъ Карсъ-Чая, прикрывается къ западу и сѣверо-западу обрывами лѣвобережной террасы. Такимъ образомъ, городъ Карсъ закрытъ съ сѣвера и запада отвѣсомъ террасъ, сходящихся прямымъ угломъ. Во входящемъ углѣ, у изгиба рѣки, на ея лѣвомъ берегу, красуется бѣлая цитадель, возвышающаяся высоко надъ городомъ. Самый же городъ расположенъ на право и на лѣво отъ цитадели, такъ что обѣ стороны города сходятся къ цитадели, тоже подъ прямымъ угломъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что обѣ эти стороны, расположенныя, какъ уже сказано вначалѣ — амфитеатромъ, у подножія террасъ, сверхъ того еще подымаются по мѣрѣ приближенія къ цитадели, что передъ городомъ разстилается необозримая равнина,—это описаніе составляетъ довольно сносное представленіе о городѣ Карсѣ.

Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе къ укрѣпленіямъ, начавъ съ сѣвера.

На террасѣ, прикрывающей городъ съ сѣвера, возве-

дено весьма значительное укрѣпленіе Карадахъ, обстрѣливающее плоскость къ сѣверо-востоку отъ Карса. Оно имѣетъ два ряда валовъ и рвовъ, первая линія которыхъ возведена надъ восточнымъ обрывомъ террасы.

Эта терраса носитъ названіе Карадахской горы. Къ сѣверо-западу отъ Карадахскаго укрѣпленія она образуетъ возвышеніе, господствующее надъ нимъ. На этомъ возвышеніи, надъ западнымъ обрывомъ террасы, возведено укрѣпленіе Арабъ, обращенное къ сѣверу. Оба эти укрѣпленія возведены съ небольшимъ въ верстѣ отъ цитадели.

Рядомъ съ Арабомъ, но уже на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая, и тоже надъ самымъ обрывомъ лѣвобережной террасы, выстроено укрѣпленіе Мухлисъ, направленное противъ сѣвера. Оно съ трехъ своихъ сторонъ защищено, независимо отъ своихъ собственныхъ валовъ, отвѣсными обрывами террасы, образующей тутъ небольшой выступъ. Съ этого мѣста терраса ровно и отлого спускается къ западу, образуя плоскость въ $1\frac{1}{2}$ версты шириною. Она называется Чахмахскими горами. Такъ какъ на этой плоскости нѣтъ выдающихся возвышенностей, то турки укрѣпили небольшой бугорокъ, лежащій очень близко отъ города; укрѣпленіе это называется Инглисъ. На другомъ такомъ же бугрѣ, тоже недалеко отъ города, расположено болѣе значительное укрѣпленіе Вели-паша-Табіэ, обращенное своимъ фронтомъ уже къ западу. Въ сѣдловинѣ между двумя этими буграми недавно выстроено небольшое укрѣпленіе Блюмъ-паша-Табіэ, направленное къ западу. Въ одномъ кругѣ съ этими тремя ближайшими къ городу укрѣпленіями

находится, у самаго входа Карсъ-Чая въ городъ, укрѣпленіе Чимъ, обращенное лицомъ къ югу-западу, а противъ него, уже на правомъ берегу рѣки, строилось укрѣпленіе Сувари. Всѣ эти мелкія укрѣпленія: Инглисъ, Блюмъ-паша, Вели-паша, Чимъ и Сувари составляютъ первую, ближайшую линію Карскихъ укрѣпленій.

Вторая, непосредственно болѣе важная и отдаленная линія карскихъ укрѣпленій, состоитъ, на ряду съ Карадахомъ, Арабомъ и Мухлисомъ, изъ фортовъ возведенныхъ на Шорахскихъ горахъ, примыкающихъ къ Карсу съ юго-западной стороны: Лазъ-Гаписи (направлено къ сѣверо-западу) Ай-Габіэ, Тихъ-Тапаси (направлено къ западу) и Гохмасъ (обращенное къ юго-западу). Это тѣ самыя Шарахскія высоты, которыя Паскевичъ занялъ въ 1828 г. безъ сопротивленія, и откуда онъ разгромилъ стѣны Карса. Съ этой же стороны подступилъ къ Карсу въ 1855 г. и Муравьевъ, но уже далеко не съ тѣмъ успѣхомъ... Передъ ними въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ, и даже ближе, отъ стѣнъ укрѣпленія, возвышаются холмы, оставленные непріятелемъ безъ всякихъ укрѣпленій, потому, вѣроятно, что они обстрѣливаются всѣми Шараховскими фортами... Нашъ теперешній лагерь былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этихъ холмовъ.

Далѣе съ восточной стороны Карса, на плоскости, расположены укрѣпленія Канлы и Хафисъ-паша обстрѣливающія всѣ дороги, ведущія къ Карсу съ юговостока и съ востока. Изъ этихъ послѣднихъ укрѣпленій Хафисъ-паша имѣетъ громадные размѣры. Онъ, какъ

и рѣшительно всѣ укрѣпленія второй, отдаленной линіи; имѣетъ весьма значительные профили, и сверхъ главныхъ своихъ валовъ, снабженъ, опять-таки, какъ и всѣ прочіе форты, большимъ количествомъ передовыхъ укрѣпленій, ложементовъ для стрѣлковъ, траншей и т. п. Названныя укрѣпленія образуютъ вокругъ Карса площадь, имѣющую около 5 верстъ въ діаметрѣ. Говорятъ, что они были вооружены дальнострѣльными орудіями выстрѣламъ которыхъ доступна обширная площадь на 20 верстъ въ діаметрѣ. Само собою разумѣется, что брустверы ихъ имѣютъ огромные размѣры, и что на нихъ явственно рисуются громадныя пушки, направленныя во всѣ стороны горизонта. Валы фортовъ *), какъ вездѣ кажутся черными. На основаніи ихъ чуть-ли не до половины ихъ высоты, въ бинокль казалось бѣлымъ. Вѣроятно это происходило отъ того, что рвы укрѣпленій, и здѣсь, какъ въ Ардаганѣ, высѣчены въ скалистомъ грунтѣ.

До паденія Ардагана, въ Карсѣ возлагались чрезвычайныя надежды на гарнизонъ и вооруженіе этой твердыни. Какъ Карскія власти, такъ войска и населеніе этого города совершенно убѣждены были, что русскіе никогда не овладѣютъ ардаганскими укрѣпленіями, возведеніе которыхъ стоило громадныхъ денегъ и производилось *важными иностранными инженерами*. Кромѣ того, въ Карсѣ всѣ лично знали одного изъ защитниковъ Ардагана,—Мираlая, т. е. полковника Кафтаръ-Бека, родомъ черкесъ. Онъ извѣстенъ былъ въ Карсѣ, какъ

*) Фортъ—отдѣльное укрѣпленіе.

одинъ изъ образованнѣйшихъ турецкихъ офицеровъ, а личная его храбрость, энергія и распорядительность заслужили ему довѣріе войскъ и населенія. По этому когда въ пятницу 6-го мая, въ Карсъ пришло извѣстіе о взятіи Ардагана русскими, никто рѣшительно не повѣрилъ этой новости. Но въ воскресенье 8-го мая, въ Карсъ пріѣхали ардаганскіе жители, разсказавшіе подробности о взятіи русскими Ардагана. Они говорили, что русскіе поставили пушки на горахъ, и оттуда стрѣляли въ укрѣпленія и въ самый городъ, что многіе изъ жителей погибли отъ русскихъ бомбъ и что войска не въ состояніи были удержаться, такъ много было у русскихъ пушекъ и войскъ. Жители, дома ихъ, были разграблены, корапапахами; но когда пришли русскія власти, онѣ пригласили жителей и увѣрили ихъ, что никто ихъ трогать не будетъ. Карское населеніе пришло отъ этого извѣстія въ такое уныніе, что многіе громко говорили: „*дай Богъ, чтобы русскіе поскорѣе взяли Карсъ, кончивъ дѣло однимъ ударомъ; по крайней мѣрѣ меньше будемъ страдать отъ лишеній*“. Начальствующія лица, видя, что народъ упалъ духомъ, созвали войска и объявили имъ, что „правда, русскіе взяли Ардаганъ, но за то и мы, турки, овладѣли Ахалцыхомъ; здѣсь же въ Карсѣ, мы будемъ держаться крѣпко и храбро, разобьемъ русскихъ“. Но ихъ словамъ почти никто не повѣрилъ. Всѣ понимали, что взятіе Ахалцыха выдумано въ Карсѣ, потому что гонца съ такимъ извѣстіемъ никто не видѣлъ. Въ городѣ сейчасъ же начали толковать, что если палъ Ардаганъ, гдѣ находились лучшія войска, арабистанцы, то Карсъ не долго можетъ дер-

жаться. Съ этихъ поръ почти все населеніе Карса убѣждено, что русскіе не сегодня, такъ завтра, непремѣнно возьмутъ Карсъ.

О томъ же убѣжденіи карскихъ жителей свидѣтельствовали и слѣдующіе факты. Одинъ изъ александропольскихъ армянъ, болѣе десяти лѣтъ торговавшій въ Карсѣ, собрался выѣхать изъ него; когда узналъ, что его подозрѣваютъ въ доставленіи свѣденій русскимъ властямъ. Сосѣди и знакомые упрашивали его не дѣлать этого. „Когда русскіе возьмутъ Карсъ“, говорили они ему, „вы поведете насъ къ нимъ, и выхлопочите, чтобы насъ не трогали и не убивали“. Еще характернѣе другой случай. Разбойникъ Мехрали захватилъ 12 нашихъ маркитантовъ съ ихъ запасами. Одинъ изъ пашей подарилъ ему и его товарищамъ по шайкѣ все захваченное имущество. Но гражданскій губернаторъ Карса потребовалъ, чтобы подаренное имущество было отобрано, или, по крайней мѣрѣ, чтобы ему составлена была опись. „Когда русскіе войдутъ въ Карсъ, заявлялъ губернаторъ, они потребуютъ отъ насъ вознагражденіе маркитантамъ, и если теперь же не будетъ составлена опись, то они взыщутъ слишкомъ много, въ десять разъ болѣе чѣмъ было“ (хитёръ губернаторъ для своей же пользы). Если карскія власти дѣйствительно, говорили такія вещи, то не удивительно, что населеніе—плохо вѣрило въ успѣхъ обороны руководимой англичанами.

Турецкія власти дѣйствительно занимались подготовленіемъ обороны съ помощію друзей ихъ англичанъ. Не говоря о прежнихъ работахъ по сооруженію карскихъ укрѣпленій, съ марта мѣсяца нынѣшняго 1877 года,

вокругъ города шла работа днемъ и ночью. Вырывались рвы, возводились валы, копались ямы и. т. п. Въ апрѣлѣ, кромѣ бывшихъ, пріѣзжали въ Карсъ *англійскіе инженеры* для осмотрѣнія всѣхъ укрѣпленій. Они сказали, что только два укрѣпленія вообще хорошо устроены,—Тохмасъ и Карадагъ; не одобрили остальныхъ; а объ укрѣпленіи Инглисъ (Тиздаль-табіэ) они сказали, что это „врагъ Карса, что русскіе легко могутъ взять его, а если они возьмутъ Инглисъ, то другія укрѣпленія имъ взять будетъ легко. Съ пріѣзда этихъ знатаковъ англійскихъ инженеровъ, работы пошли еще дѣятельнѣе. Они пробыли въ Карсѣ не болѣе 5-ти дней, а потомъ уѣхали въ Ардаганъ и болѣе въ Карсъ уже не возвращались, боясь выказать свою неопытность!

Когда русскія войска показывались съ какой-либо стороны, то всѣ турецкія войска, разставленныя гарнизономъ въ укрѣпленіяхъ Карса, переводились въ тотъ фортъ, со стороны котораго показывались русскіе. Въ прочихъ же фортахъ оставались одни лишь артиллеристы. Орудія размѣщенныя въ фортахъ, постоянно перевозились изъ форта въ фортъ, неизвѣстно съ какою цѣлью. Передвиженіе ихъ происходило большею частью по ночамъ.

Въ укрѣпленіяхъ было много новыхъ и большихъ орудій, привезенныхъ въ Карсъ прошлую зимою. Между ними находились мѣдныя, и стальныя. Ихъ подвозили на волахъ и буйволахъ, и въ каждое орудіе запряжено было по 20-ти и 40 паръ рогатаго скота.

Не смотря на постоянныя хлопоты турецкихъ властей, все населеніе Карса убѣждено было, что паши проданы русскимъ, и что они только по этому не дерутся съ

русскими войсками, прохаживающимися вокругъ Карса. Главнаго пашу Ферика или генералъ-лейтенанта, Гуссейнъ-Али-пашу обвиняли въ трусости; онъ даже въ городѣ выходилъ не иначе, какъ сопровождаемый стражею 25 и болѣе человѣкъ. Народъ и особенно женщины, не давали ему прохода. Его осаждали упреками, отчего онъ не выходитъ съ войскомъ сражаться противъ русскихъ. Толпы народа часто осаждали его домъ и бросали въ окна камни, крича, чтобы онъ вывелъ войска противъ русскихъ. Эти толпы преимущественно состояли изъ женщинъ, которыя неистовствовали и ругались на чемъ свѣтъ стоитъ. Оскорбительныя ругательства женщинъ, заставили Мухтаръ-пашу выйдти изъ Карса, когда кавалерія кн. Чавчавадзе производила свой извѣстный дальній поискъ къ Саганлугскимъ горамъ.

Что касается до войскъ въ Карсѣ, то они состояли большею частію изъ редифовъ. Регулярныхъ войскъ низама въ Карсѣ набиралось не болѣе 9—10-ти тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ кавалеріею, редифами и нестроевыми, въ Карсѣ имѣлось около 20,000 человѣкъ, такова, по крайней мѣрѣ, цифра людей продовольствовавшихъ карскимъ интендантствомъ. Всей кавалеріи въ Карсѣ имѣлось отъ 800 до 1000 человѣкъ. Въ томъ числѣ регулярной кавалеріи, суварн, лишь 400 человѣкъ, остальная кавалерія состояла изъ нашихъ горцевъ переселенцевъ отъ 200 до 300 всадниковъ, и изъ городскихъ жителей, записавшихся на службу послѣ объявленія войны. Ни арабистанскихъ батальоновъ, ни заптій, т. е. жандармеріи,—въ Карсѣ вовсе не имѣлось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

2007041362